

# Олег Николаевич Верещагин

## Если в лесу сидеть тихо-тихо, или Секрет двойного дуба

### Приключения Олега – 1

[http://zhurnal.lib.ru/w/wereshagin\\_o\\_n/eslivlesu.shtml](http://zhurnal.lib.ru/w/wereshagin_o_n/eslivlesu.shtml)

#### Аннотация

*Эту повесть я написал шесть лет назад. Просто потому, что мне захотелось её написать — после того, как я побывал у развалин школы в полузаброшенном селе, где когда-то жила и училась моя мама. Больно и обидно было на это смотреть... Тогда я ещё не знал, что повесть послужит «точкой отсчёта» для целой серии книг, где фигурируют город Фирсанов (почти реальный), юные обитатели этого города и его окрестностей (совершенно реальные), а также — Дорога (спросите Владислава Петровича Крапивина — ему виднее...). Но так получилось, что начал очень быстро меняться к худшему окружающий нас мир (или кто-то правда думает, что он изменился К ЛУЧШЕМУ благодаря мудрой заботе ВВП?) И я как-то сразу, резко, понял — не может быть, чтобы та посыпанная долларами и героином параша, которую нам предлагают, как «светлое будущее», была единственно возможным вариантом, а наше прошлое (прошлое моей мамы и моего деда) — есть «проклятое тоталитарное наследие». Поэтому для меня самого повесть приобрела новое звучание. Ну а для вас она прозвучит впервые.*

*P.S. Кстати. Её главный герой уже встречался вам на страницах «Про тех, кто в пути». Мельком, правда. Зато примерно через месяц он появится — опять как главный герой и в некотором роде даже Герой — в моей книге «Прямо до самого утра или Секрет не приметного тупичка», которую я сейчас дописываю. Будь готов, мой читатель. А мои герои — всегда готовы. И в этом корни надежды, источник верного знания, Что Билли Гейтс не канает супротив Че Гевары, Что скоро новых мальчишек разбудят новые песни, Поднимут новые крылья, алые крылья... Медведев Олег. Алые Крылья*

## Олег Николаевич Верещагин

### Если в лесу сидеть тихо-тихо или СЕКРЕТ ДВОЙНОГО ДУБА

*Как у вас там с мерзавцами?  
Бьют? Поделом!  
Ведьмы вас не пугают шабашем?  
Но не правда ли —  
Зло называется злом  
Даже там, в добром будущем вашем...  
В.С.Высоцкий.*

*Посвящается моей маме — в недалёком прошлом лучшей велосипедистке одного из обычных русских сёл, хорошо знающей, что бывает, если в лесу сидеть тихо-тихо —  
С ЛЮБОВЬЮ И БЛАГОДАРНОСТЬЮ.*

#### ГЛАВА 1.

Велосипедная шина взорвалась, когда Олег спускался, отпустив тормоза, с крутого, высушенного жарой до гладкости бетонки, склона между двух рощиц — берёзовой и ольховой.

Она не лопнула, а именно взорвалась. Велосипед подбросило — следующее, что мальчишка помнил, было голубое-голубое, очень чистое небо. Он лежал на траве в обочине, чудом избежав встречи с берёзовым стволом, и в это небо таращился. Велосипед, задрав скособоченное переднее колесо, мирно лежал рядом.

Колесо всё ещё крутилось.

Не спеша вставать, Олег спокойно подумал, что вот так разбиваются насмерть. Ничего не успев понять. Окажись по бокам не травка, а ограждение или твёрдая дорожка — и адью. Сливайте мозги в тазик.

Потом у него заболел левый локоть. Потом, немного позже — язык. Это когда он увидел разлетевшуюся в лохмотья камеру и лопнувшие лямки прикреплённого на багажнике рюкзака.

— Гадость швейцарская, — с чувством сказал он и пнул велик. — Рама карбон.

Помощи ждать было неоткуда. От станции он отмахал километров десять. Впереди тропинка петляла через луг и пряталась в синеющем за лугом лесу — километра три. Ни единой души на этом пространстве могучей Родины не было.

Обвинять тоже было некого. Разве что велосипед.

Оценив все эти обстоятельства, Олег занялся транспортом. Ему хватило полуминуты, чтобы понять — восстановлению камера не подлежит. Это значило, что нужно разбортировать велик, менять и накачивать камеру, снова ставить колесо...

На жаре, приближающейся к +30 уже в девять утра.

«Это в наказание, — уныло подумал Олег. — Надо было не выпендриваться, а ехать той же дорогой, что и нормальные люди. Получилось бы дольше, но быстрее. Если так можно сказать.»

Он ещё раз огляделся, стащил майку с эмблемой клуба «Барселона» и занялся ремонтом...

...За свои тринадцать лет Олег ни разу не был в деревне. Был в Анталии, на Мальте, в Германии и на Лазурном Берегу. Четыре года подряд, с тех пор, как у отца и мамы наладились дела с работой. Почти одновременно — отец, хороший инженер, перешёл на работу в частную фирму, а мама, учитель английского, прошла какие-то курсы и устроилась в совместное англо-русское экспортное предприятие. Появились деньги, которых раньше не хватало, евроремонт в квартире провели, вместо «жигулей»-восьмёрки в новый гараж встали бок о бок две одиннадцатых модели: мамы и отца.

Времени — вот чего не стало. Его нехватка и была причиной того, что Олег возился сейчас с велосипедом на пустынном деревенском просёлке вдали от цивилизации.

Он уже смутно помнил, что раньше было как-то по-другому. Вечерами он и родители оказывались вместе — было так весело... Ему было всего семь, когда родители с институтскими друзьями отца взяли его в поход — долго собирались и собрались наконец. Подробностей Олег не помнил. Осталось только твёрдое ощущение, что было здорово — а еще воспоминание о том, как много смеялись отец и мама.

Когда отец натыкался в шкафу на туристские принадлежности, он всё время морщился, словно болел зуб. И вот уже пятый год перед каждым летом обещал, что «созвонюсь со своими — и махнём, надоели эти курорты!»

А потом Олег ехал с мамой в Анталию. Или в Германию. Без отца. В остальное время он и маму почти не видел. Они зарабатывали деньги. Большие деньги, и это было здорово. На эти деньги ему купили велосипед. И комп. И кучу игр к нему. И свой телик. И много барахла.

И ещё на эти деньги он ездил на Мальту. Или на Лазурный берег. Вдвоём с мамой, которой и туда постоянно звонили по надоедливому сотовому.

Олег ненавидел этот сотовый. Если бы он был помладше, то непременно разбил бы его.

Но ему было тринадцать, и он понимал, что не в телефоне дело.

В этом году, в мае, отец радостно и уверенно сказал: «Ну всё, братцы! Идём летом!» Олег обрадовался, и мама обрадовалась. Он так уверенно это сказал, что Олег поверил. Поверил.

А в конце мая отец смущённо пожимал плечами: «Съездите пока куда-нибудь... А в июле посмотрим. Так получилось.» Олег упрямо сказал: «Ты обещал.» Мама накричала на него — отец вмешался, она накричала и на отца тоже. В последние годы она вообще стала раздражительной, у неё часто болела голова, и она зло, непохоже на себя, ругала начальство предприятия, которое обязывало на работе говорить только по-английски, работавших там англичан — невероятно высокомерных, относившихся к русским сотрудникам, как к людям второго сорта... Но даже больше высокомерия её раздражали... улыбки. «Наденут её с утра, — презрительно говорила она об этих улыбках, — и ходят весь день. Так и хочется им объяснить, что у нас в России постоянно открытый рот — признак или дебилизма, или насморка.»

Успокоившись, мама сказала: «Июнь побудешь в Воронеже, а в июле поедem с тобой в Израиль.» Отец с наигранной бодростью добавил: «А в августе всё-таки...» Олег его даже не дослушал — посмотрел в окно, за которым всю зелёную май и стеклянным голосом ответил: «А обрезание себе не сделать? Не поеду ни в какой Израиль.» Потом ушёл в свою комнату и заперся. Считается, что мальчишкам плакать нельзя, но он немного поплакал — уж очень было обидно. Лето в городе — ничего хуже себе и представить нельзя, особенно если оно выдастся жарким. Да ещё и в одиночестве — единственный настоящий друг Олега, Юрка, уехал в апреле с родителями в Австралию. Навсегда уехал, правда, сам очень не хотел. Но что в таких случаях решают тринадцатилетние мальчишки?

Мама пришла к нему в комнату вечером — постучалась, Олег нехотя отпер и сел в кресло, приготовив наушники «сидюка» — в знак того, что немедленно прервёт любой контакт, если его вздумают уговаривать. Но мама не уговаривала — она села рядом, долго молчала, а потом спокойно спросила: «Ты правда не хочешь ехать за границу?» «Да,» — буркнул Олег. «С походом ничего не получится,» — так же спокойно сказала мама. «Знаю, не дурак,» — ответил Олег. «Будешь всё лето сидеть в Воронеже?» — поинтересовалась мама. «Буду,» — упрямо заявил Олег. «Глупо,» — заметила мама, но не так, что вроде Олега назвала дураком, а задумчиво, словно отвечая каким-то своим мыслям. Олег на неё покосился — сейчас она была немного похожа на прежнюю его маму, весёлую и находчивую, на которой держалась семья. Олег даже выключил «сидюк» — в наушниках Маршал как раз заявлял, что «только чёрный ворон знает ответ, а мы — нет!» (Олега, кстати, часто удивляло, до чего интересно, бывает, совпадают песни и происходящее в жизни, если не глядя включить кассету — почти колдовство!) «Ладно,» — спокойно, как будто что-то решив, объявила мама, поднялась и вышла из комнаты Олега.

Следующий день был пятница, короткий у мамы — она вернулась с работы, переделалась и немедленно уехала. Отец отмалчивался, и выходные Олег провёл в недоумении, к середине воскресенья перешедшем в беспокойство. Но мама вернулась вечером.

Правда, она так ничего и не объяснила Олегу, поэтому причины её неожиданного отъезда понятней не стали. Но вечером, ложась спать, Олег невольно подслушал, как разговаривали за стенкой мама и отец — довольно громко. «Ты бы видел, что там! — сердито и в то же время растерянno говорила мама. — Всё заброшено, развалено, людей — и тех почти не осталось, школа закрыта!» «Такое сейчас не редкость,» — отвечал отец. А мама, вздохнув, продолжала: «Почему-то я уверена: будь живы тётя Вера и Валюшка — такого не случилось бы... Знаешь, Дима, так неприятно было это увидеть, как обидно... Я же помню там всё совсем не таким!»

И Олег понял — мама ездила к себе на родину. В Марфинку, где родилась и прожила до двенадцати лет, где её мама — бабушка Олега — работала учителем и где до сих пор жили какие-то родственники. Потом Семёновы переехали в Воронеж, где мама в школе

познакомилась с отцом. Это было давно, в шестидесятых годах. Потом у них родился сын — Олег, но не тот Олег, который он, а другой. Старшего брата младший Олег никогда не видел. Живым. Ему было тринадцать — столько же, сколько сейчас самому Олегу — когда он на велосипеде ехал по мосту через Воронежское море — и сумасшедшая легковушка сбросила его в воду... Олег появился уже после этого, хотя врачи и говорили, что маме не стоит рожать второй раз — что-то там в организме. Иногда мама с горечью говорила, что у них всё не слава богу, потому что уехали с родины. Отец морщился: «Ну и что бы ты стала сейчас там делать?»

Мы с тобой уже не молодые — в огороде возиться!» Олега это удивляло — он знал, что его родители старше родителей большинства одноклассников, но «немолодыми» они не выглядели: мама — красивая, стройная, отец — сильный, подтянутый...

А Валюшка и тётя Вера — это лучшая подружка мамы и её мать, директор Марфинской школы. Они тоже погибли — и очень похоже, от чего, может быть, маме всё и казалось зловещим. Через год с небольшим после отъезда Семёновых тётя Вера с дочкой ехали в райцентр на мотоцикле (чуть ли не единственном на всё село — тётя Вера привезла здоровенный немецкий «Цундап» с войны, где воевала в спецназе ГРУ — Главного Разведывательного Управления!), и «студебеккер», возвращавшийся из района порожняком, сбросил мотоцикл под откос ударом своего передка — на полной скорости. Водитель был в стельку пьян и даже, кажется, не понимал, что сделал...

Мама рассказывала об этом. Она раньше вообще любила рассказывать про своё детство — а Олег любил эти рассказы слушать, удивляясь тому, какой странной и непохожей на нынешнюю была тогда жизнь. Но рассказ об этой аварии всегда заставлял его внутренне сжиматься. Мама рассказывала, что тётя Вера часто брала с собой кататься и её — особенно если ехала в райцентр, тогда это было событием, как сейчас поездка за границу. И, если бы Семёновы жили в селе, если бы мама опять поехала со своей подружкой — у него, Олега, сейчас не было бы мамы. Так он думал сначала, а потом до него дошло, что это ерунда. Не мамы, а его, Олега, не было бы! Эта мысль оказалась настолько жуткой, что Олег и сейчас помнил, как тогда, несколько лет назад, отчаянно мотал головой, словно вытряхивая страшную мысль из мозга, а потом принялся громко напевать...

Это он вспомнил, слушая голоса за стеной. Потом мама сказала ещё: «И получается, что там он будет совершенно один.» Отец спокойно возразил: «Тут он тоже будет один, Юрка-то его уехал. Я, если честно, себя виноватым чувствую — обещал парню... Пусть хоть так, если у него на заграницы аллергия.» «Нет, но вот ведь свинёнок! — негодуяще объявила мама. — Израиль ему уже не то! Совсем заелся!» Отец вздохнул: «Я бы на его месте тоже послал все эти пляжи и пальмы к чёртовой мxxx... короче, далеко. Надоедают они мгновенно, как будто тебя одними пирожными кормят. А наша средняя полоса...» «Это картошка с мясом, — насмешливо сказала мама. — Молчал бы уж, «наша»! Только в турпоходы из города и выбирался, ах природа, ах погода! А что такое воды натащить для бани, ты знаешь? Или печь растопить?» «Ну так дай и ему это узнать,» — предложил отец.

Они ещё говорили, но тише. А Олег, лёжа в кровати, смотрел на звёздное небо за окном и пытался понять, что такое придумала его родительница — пытался, пока не уснул.

Утром вопреки его ожиданиям мама ничего не сказал, и Олег отправился в школу недоумевающий и немного растерянный. Был последний понедельник и вообще последний учебный день в году, вернулся мальчишка рано и до самого вечера не мог ни за что приняться толком — не смотрелось, не читалось, не игралось на компьютере и не слушалось музыку... Когда появилась мама — она приехала раньше отца — и Олег принимал у неё в прихожей сумочку, она неожиданно спросила:

— Неужели ты всё лето собираешься просидеть в Воронеже?

— Я этого не хочу, — осторожно начал Олег и добавил: — Но ни в какую заграницу не хочу ещё больше!

— В Израиле очень интересно, — нейтральным тоном заметила мама, снимая туфли.

— Там террористы, — буркнул Олег. — И вообще. Не хочу.

— Тогда тебя придётся отправить в ссылку, — совершенно серьёзно сказала мама. — В добровольную. Поедешь на Марфинский кордон, к деду Антипу.

— Куда? К кому? — растерялся Олег.

Мама со вздохом пояснила, что кордон — это такое место в лесу, где живёт лесник. Лесник — и есть дед Антип, который на самом деле Олегу не дед, а сколько-то-там-юрродный прадед и родился то ли в 1900, то ли в 1901 году. Тут Олег возмутился эгоистично:

— Это по правде ссылка! Мне его что, с ложечки кормить там?!

— Этого тебе делать не придётся. Обещаю, — странным голосом сообщила мама. — Выбирай: или Воронеж на всё лето, или Израиль в июле со мной, или кордон на срок не меньше месяца.

Олег уловил, что мама хочет, чтобы он поехал на кордон. Да ему и самому этого хотелось, если честно. «Место в лесу» — это звучало заманчиво. Пожалуй, могло оказаться немногим хуже похода... Конечно, хотелось бы втроём. Но если нельзя — лучше быть одному, чем торчать летом в пустой квартире и видеть не похожих на себя родителей. Портил картину только этот дед Антип, которого Олег не видел и видеть не стремился — по собственному опыту он хорошо знал, что люди старше 60 лет считают всех подростков наркоманами, бандитами и социально опасными личностями. Но, может, он не такой уж занудный?

...2 июня на вокзале мама отобрала у Олега недавно подаренный мобильник и напутствовала ласковыми словами:

— Раньше чем через месяц можешь сигналов не подавать. Приедешь — попросил Кн... деда дать радиogramму на почтамт Фирсанова.

## ГЛАВА 2.

От Воронежа поезд шёл до Фирсанова напрямик. Олег всю дорогу проспал, несмотря на охватившее его радостное возбуждение. Поезд, раскачиваясь и постукивая на стыках рельсов, нёс его в первое в жизни самостоятельное путешествие — и уже это было здорово! Ему казалось, что впереди ожидают самые невероятные приключения и события; Олег заснул в хорошем настроении и проснулся, когда его разбудил проводник, в таком же.

— Фирсанов, стоим две минуты.

Не успев ещё окончательно проснуться, Олег вывалился на узкий перрон с велосипедом и рюкзаком. Поезд почти сразу же тронулся, и Олегу внезапно стало не по себе — перрон был пустынен, из города не доносилось ни звука. Привыкший к большому Воронежу, мальчик не мог даже представить, что в шестом часу утра может стоять такая тишина.

Согласно рекомендациям мамы, нужно было подождать пригородный поезд — всего десять минут — и ехать в обратную сторону до полустанка 547 километр, а дальше следовать начерченному на бумаге плану. Олег вздохнул и принялся приторачивать рюкзак к багажнику швейцарской машинки.

На перрон как по команде стали собираться люди. Самые обычные, они переговаривались и поглядывали в ту сторону. Оттуда должен был появиться поезд — это Олег понял.

В кармане пятнистого жилета, застегивающемся на «молнию», у него лежали пятисотенные бумажки — одну дала мама, вторую Олег, подумав, присовокупил из своих сбережений. Ехать было недалеко, он специально не взял с собой ни бутербродов, ничего, кроме бутылки «спрайта», которую высосал перед сном — однако, сейчас ему подумалось, что будет некрасиво явиться в глушь, к незнакомому человеку (пусть мама и договорилась с ним) без подарков. Купить каких-нибудь штук вроде копчёной ветчины или икры... Интересно, где тут буфет?

Он огляделся в поисках человека, к которому можно было обратиться — как обычно, если кругом много людей, выбор сделать оказалось затруднительно. Олег беспомощно покрутился и подошёл к мальчишке — постарше себя самого, одетому в камуфляж и побитые кроссовки. У ног мальчишки стояла спортивная сумка:

— Слушай, где здесь буфет? — спросил Олег, стараясь, чтобы это прозвучало абсолютно естественно, не задиристо и не робко. Мальчишка смерил Олега удивлённым взглядом:

— А зачем тебе буфет? Там всё дороже. Вон там магазины, они круглые сутки открыты.

— А поезд? — оглянулся Олег. — Он же через пять минут подойдёт.

— Подойдёт, только он потом ещё минут двадцать тут торчит, -успокоил парень. — Успеешь... Ты нездешний?

— Приезжий, — осторожно ответил Олег. Парень подхватил свою сумку:

— Ну пошли, я покажу магазин... — он увидел замешательство Олега и без насмешки сказал: — Не сжимайся, я не грабитель.

Он как-то по-чуждому произносил «г» — так говорила мама, когда волновалась или сердилась. Олег покатил велик рядом с ним вокруг здания, сказал:

— Я, между прочим, не боюсь никого.

— Ну и правильно, — одобрил парень. Они вышли на небольшую площадь — по краю её шли скамейки, центр занимал памятный знак, извещавший, что Фирсанову в 1999 году исполнилось 220 лет. Широкая прямая улица, по которой ещё спешили люди, уходила прямо от вокзала и немного вверх, в гору. — Андрей.

Поняв, что новый знакомый представился, Олег назвал себя, и они вместе, перейдя площадь, вошли в пустой магазин, где Олег, подумав, купил салями, копчёную ветчину, баночку икры, большую бутылку пепси, бананов. Хотел купить водки, но продавщица молча показала на самодельную табличку, где было написано, что спиртные напитки и табачные изделия детям до 18 лет не отпускаются.

— В гости едешь. — догадался Андрей, когда они вышли наружу и зашагали к вокзалу — поезд как раз подходил. — На лето?

— Да. — кивнул Олег. — Тут недалеко. А ты?

— По делам, — парень неожиданно зевнул. — Место ищу для лагеря. Ко мне друг должен приехать из Англии, хочу его с ребятами из турклуба познакомить, а там махнём куда-нибудь...

— Друг там учится, или насовсем увезли? — спросил Олег, вспомнив Юрку. Андрей пожал плечами:

— Да нет, он англичанин. Настоящий. Мы с ним прошлым летом в поход ходили, там такое было... Пошли, помогу велик затащить...

...Короче, Олег даже пожалел, что его остановка оказалась так близко. У него, правда, было подозрение, что Андрей врёт — он рассказывал про поиски старинногоклада, оставленного в этих местах английским рыцарем, про то, как бандиты мешали искать клад и чуть не убили Андрея и английского мальчишку, про каменный колодец<sup>1</sup>... Андрей помог спустить велосипед на платформу и помахал из окна отходящего поезда, а Олег остался возле краснокирпичной будки в приподнятом настроении — если тут случаются такие вещи, то почему бы и ему не повезло?

От платформы вели две дороги. На плане мамы было показано, что одна короче, но несколько человек, в том числе — два престарелых велосипедиста двинулись по другой. А Олег отправился по короткой...

...Камеру удалось заменить неожиданно быстро. В ольховой рощице журчал родничок — Олег напился ледяной воды и смыл пот и пыль. Марфинка, очевидно, была за лесом, начинавшимся впереди. А там предстояло, проехав деревню, свернуть на первом левом повороте на просёлок и добираться до кордона.

Олег оседлал велик, попробовал, как пружинит накачанная шина — он хорошо

поработал насосом. Рюкзак он тоже перецепил, поджав его пружинным зажимом багажника. Можно было и ехать... но Олег задержался, стоя одной ногой на земле, а другую утвердив на педали.

Тишина.

Тихо-тихо было вокруг. Так тихо, что позванивали невидимые колокольчики, да сонно пел нагретый воздух. Никогда Олег не слышал такой тишины. Ему даже стало жутко.

Оттолкнувшись ногой, мальчишка вильнул рулём, выправился и, набирая скорость, покатил по дороге к лесу вдаль.

...Лес отгораживался от поля невысоким, заросшим травой валом — дорога, постепенно истончаясь, вовсе сходилась на нет, и к этому валу Олег добрался только потому, что его швейцарскому велу (ругай его, не ругай!) бездорожье было поровну. Зато затормозить он сумел в последний момент — едва не сыграл в старый ров перед валом, заросший крапивой и лопухом в рост человека: таких чудовищ Олег ещё не видел. Одновременно до него дошло, что это, похоже, не лес, а цепь садов — ведь ни крапива, ни лопухи не растут в диких местах — и он, похоже, всё-таки добрался до Марфинки, хотя и с опозданием. Впрочем — куда ему торопиться?

Странно, что по-прежнему тихо, не слышно ни скотины, ни людей... Ведя велик рядом, Олег прошёлся вдоль рва и отыскал подгнивший мостик, в который утыкалась пешеходная тропинка...

— Уууууийяяяааа!!!

В этом вопле — даже завывании — сплелись разом боль, злость на собственную глупость и коварство тех, кто проложил мостик, досада и ужас. Какое-то время ещё из канавы доносились скулящие подвывания, потом всё затихло. Через короткое время напряжённые мальчишеские руки выпихнули наружу и взгромоздили на край велосипед. Потом вылез сам Олег. Встал на ноги. Лицо, шея, голые руки и ноги мальчишки быстро покрывались белыми овалами крапивных укусов. Кроссовки были перепачканы густой грязью, сохшей на дне после не столь давних дождей.

— Блин! — всхлипнул Олег и плюнул в ров. Всхлипнул без слёз, от досады. Он даже почесаться не мог, потому что чесалось всё тело — молоденькая крапива, росшая вторым ярусом, прожигала шорты и майку «на раз» — только жилет и защитил немножко.

Ведя велосипед за руль и шмыгая кроссовками по траве, ещё влажной в тени от росы, Олег вступил в непонятный сад.

Во всяком случае, сад был необычный. Деревья стояли, как в лесу — без широких просветов, впереди не было видно ничего, похожего на опушку. Пахло грибной сыростью. Вокруг высились огромные дубы, липы и вязы. В подлеске раскинул ребристые веера листьев папоротник. Кроны деревьев наверху смыкались чёрным пологом, лишь в вышине отсвечивавшим праздничной зеленью. Ехать на велосипеде тут было просто негде — не смог бы и чемпион по триалу, поэтому Олег и дальше вёл велик рядом, осматриваясь и прислушиваясь. Нет, на сад это тоже не походило.

Но стоило ему так подумать, как мрачная зелень отступила — он оказался на настоящей аллее. Когда-то дорожку, возникшую под ногами, посыпали песком, это было видно. Слева и справа весело поднимали ветви яблони, вишни и сливы — много-много, но одинаково запущенные, не обрезавшиеся и не белёные уже много лет. Прямо на аллее росли всё те же крапива и лопухи, но, поразмыслив, Олег сел на велосипед и поехал по ней. Тут, по крайней мере, это было можно — ехать.

Аллея довольно быстро вывела его на прямоугольную площадку. Когда-то её вытоптали так, что даже теперь самая жизнестойкая трава не спешила пробиваться через убитый до каменной твёрдости грунт. О том, что это за площадка, ясней ясного говорили покосившиеся столбы — всё, что осталось от баскетбольных опор — по длинным и остатки футбольных ворот — на короткой стороне площадки.

— Ну я и дуб! — вырвалось у Олега: его голос странно прозвучал в этом безлюдном

месте. — Это же школьный сад!

Он и в самом деле вспомнил рассказы мамы о невероятно огромном школьном саде. Школу строили ещё в 20-х годах прошлого века на месте сохранившегося помещичьего имения. Кому-то достаточно умному пришло в голову не сводить великолепный парк — остаток древнего леса! — окружавший имение, а построить школу прямо в нём, дополнив мрачную красоту плодовыми деревьями, кустами, расчистив аллеи и построив спортплощадки. В те годы, говорила мама, в Марфинке жило столько народу, что в школе училось почти триста человек. Так что было ради кого тратить.

Олег с интересом озирался. Одно дело слушать рассказы — и совсем другое попасть самому в место, где твоя мама училась и бегала, когда ей было немногим меньше лет, чем тебе сейчас. Вот тут девчонки играли в волейбол — вот у этих, может быть, столбов! Чудно... Олег, улыбаясь, попытался представить себе эту картину. Люди того времени казались ему совсем другими, чем он сам и его приятели. Если судить по фильмам, они и думали, и разговаривали по-другому, и хотели другого, и мечтали о другом... Олегу не казалось, что тогда было лучше. Да, взрослые — та же мама — говорят, что не было наркомании, войн, такой преступности и бедности. Но с другой стороны — как они жили без магнитофонов, компьютеров с Интернетом, поездок за границу (да-да!), постоянно опасаясь последней войны и готовясь к ней?! Нет, Олег бы не хотел жить, как они. А вот посмотреть — не отказался бы. Если бы была машина времени, как в фильмах серии «Назад в будущее»!

Подальше, за разросшимися кустами, оказались остатки турника, покосившийся рукоход и заросшая, но ещё различимая яма для прыжков. Аллея разветвлялась — основное ответвление уходило прямо, ещё два, больше похожие на тропинки — влево и вправо. Не хватало только камня насчёт «налево пойдёшь, направо пойдёшь...» Олег повспоминал, что там, на камне, было написано. Кажется, налево — богату, направо — женату, прямо — убиту... Русские богатыри все как один начинали с центральной дороги. Олег покатил по аллее прямо.

Она поворачивала возле круглого павильона с провалившейся жестяной крышей. Метрах в пятидесяти за поворотом виднелось окружённое липами и заросшими разным мусором клумбами одноэтажное здание, обшитое досками, на которых почти не сохранилось следов краски. Окна были заколочены, но во многих местах фанеру отодрали, там чернели провалы или тускло поблёскивали сохранившиеся грязные до невозможности стёкла.

По заросшей тропинке Олег обогнул здание до главного входа, над которым ещё висела табличка

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ  
Р. С. Ф. С. Р.  
МАРФИНСКАЯ СРЕДНЯЯ ШКОЛА

И старый герб с серпом, молотом и колосьями. На двери висел заржавленный замок.

— Да-а... — печально протянул Олег. — Кто с образованием к нам придёт, от образования и погибнет...

Он ещё постоял, ковыряя выщербленный асфальт, которым был залит пятачок перед входом, носком кроссовки, потом огляделся снова и неспешно поехал дальше. Эта, новая аллея, была прямой, как стрела, обсаженной дубами, а в конце светился неровный прямоугольник выезда.

### ГЛАВА 3.

Вскоре Олег понял, почему деревня не давала о себе знать. Просто-напросто деревни-то и не было.



Минут десять Олег ехал между каких-то руин, напоминавших репортаж о взятии Грозного. Из буйных зарослей всё той же крапивы, череды и бурьяна торчали вроде бы даже обугленные конструкции и почти целые длинные какие-то сараи, возвышались и накренились столбы с изоляторами, но без проводов, лежали металлические проржавевшие цистерны, валы, огромные шестерни и просто предметы непонятного предназначения. На мучительно-кочковатой дороге попадались звенья гусениц, ржавые подшипники, бетонные плиты, вставшие дыбом и словно выросшие из этих плит арматурные прутья, завязанные красивыми узлами. Кроме Грозного возникали ассоциации с фильмами про Безумного Макса и Землю после ядерной войны.

Людей не было. Зато встречались собаки — беспородные и неагрессивные. Им было скучно и жарко.

Олег начал опасаться, что всё-таки заблудился. Где тут первый левый поворот, откуда? Но и спросить было не у кого — оставалось крутить педали.

Бряканье и стук, послышавшиеся где-то сбоку, из-за стены сорняков, Олег не смог определить сразу. Стук, грымс, бряк, скрип, хряп, ффр... что такое?!

Над зарослями появилась кепка. Плоская и засаленная, она плыла, как по зелёному морю, то ныряя, то лихо появляясь вновь. Потом из зарослей возникла неопределённого цвета лошадь, запряжённая в первую в жизни телегу, которую Олег увидел вблизи. Телега подпрыгивала и тряслась, как припадочная, отчего человек, сидевший боком на передке, был похож на преступника, которого с особым садизмом казнят на электрическом стуле. Именно телега издавала жутковатые звуки, да ещё лошадь пофыркивала.

Хозяин этого транспортного средства был старик — за шестьдесят, а сколько точно — неясно, сухощавый, невысокий, с морщинистым, красно-кирпичным лицом. Несмотря на жару, одет он был в бесформенный и бесцветный пиджак на голое тело, такие же брюки и кирзовые сапоги.

— Здравствуйте, — Олег остановился. Кивнув, «водитель кобылы» издал какой-то горловой звук, его лошадь послушно замерла и меланхолично протянула горбоносую морду к травке на обочине. Она — лошадь, а не травка — ничуть не напоминала Олегу тех коней, на которых он учился ездить в конно-спортивной школе вот уже два года. — А вы не подскажете, где Марфинка?

В глазах старика промелькнуло удивление. Он молча повёл рукой вокруг и странно булькнул. Олег догадался, что старик — немой и сам удивился чувству неловкости, которое вдруг охватило его.

— Понимаете, — торопливо начал он. — мне надо на кордон, а я не знаю, я, по-моему, заблудился...

Старик кивнул и похлопал по телеге за своей спиной, потом — показал на велосипед мальчика и похлопал тоже. Улыбнулся. Олег неожиданно вспомнил, как мама ему рассказывала про немого Романа, которого страшно боялась в детстве; её пугало то, что человек не умеет говорить, а только мычит. Интересно, а это не он?

Олег погрузил велик сзади и вспрыгнул на место, по которому похлопал немой — передок рядом с ним. От досок телеги пахло сеном и ещё чем-то, но не очень приятным. Немой щёлкнул вожжами, чмокнул — лошадь оторвалась от травы и двинулась вперёд. Олег схватился руками за какие-то доски и крючки — трясло немилосердно.

Немой вопросительно поднял брови и пальцем показал на Олега. Мальчик ответил:

— Я сын Семёновой. Вера, Семёнова — может, помните? Вы же ведь Роман?

И подумал, что мама зря боялась этого человека. Роман вдруг закивал, его лицо расплылось в удивительно доброй улыбке. Он показал жёлтые, насквозь прокуренные, но крепкие зубы и потрепал Олега по плечу, что-то мыкнув. Потом — всмотрелся в лицо мальчика и снова кивнул. Обрисовал пальцем овал и поднял корявый большой палец с чёрным ногтем.

— Похож на маму? — понял Олег. Немой засмеялся, кивая. — Мне говорили.

Так странно было ехать рядом с этим стариком — и понимать, что он видел маму

девчонкой, младше Олега. И как давно это было...

Оказалось, что деревня-то совсем рядом. Олег догадался, что ехали они, скорей всего, через разрушенное колхозное хозяйство — он мог только удивляться тому, как много всего было тут настроено. А сама Марфинка, представлявшая собой просто одну невероятно длинную улицу, обрамлённую густыми садами, начиналась за широкой, разбитой дорогой, ещё сохранившей следы асфальта.

Старая деревня не показалась Олегу брошенной или запустелой. Народу на улице, в садах, дворах, на огородах было немало, и отнюдь не только бабки и дедки. Во многих дворах стояли машины. Виднелась речка, на её берегу Олег различил два десятка мальчишек и девчонок — кто купался, кто ловил рыбу, а кто уже загорал.

Но потом они проехали мимо большого сельского клуба — так было написано на облупившейся вывеске, помещённой между двух пар колонн, поддерживавших навес. Одна колонна накренилась, прямо на крыльце выросла берёзка, стенд с надписью КИНО был пригнут к земле и пуст. В таком же состоянии был и сельский магазин — только там трава и деревца не просто запленили крыльцо, а обосновались и на крыше, поднялись до верха окон. Олег понял, что все, кого он видит — родственники, приехавшие на лето, «дачники». А что тут зимой?! Страшно подумать... Да и сейчас — он заметил — больше половины домов смотрят на мир из зарослей бурьяна незрячими, заколоченными окнами.

Мальчишке стало грустно и почему-то обидно. Но не надолго. Подскакивая на телеге, с наслаждением втягивая чистый воздух, шурясь на тёплое солнце и по-прежнему удивляясь тишине, Олег подумал беззаботно, что таких деревень много, а каникулы у него раз в году. Сейчас. И это неплохо, что тут приезжие ребята — с ними будет легче найти общий язык, чем с деревенскими, а значит, скука не грозит.

...Дед Роман провёз Олега не только через всю деревню — по этой бесконечной улице — но ещё и довёз до поворота. Песчаная дорога — без следов — уводила в сосновый бор, откуда тянуло прохладой и приятным запахом.

— Спасибо, — Олег соскочил с телеги, потянул велик. — Мне сюда?

Немой закивал, улыбаясь, показал рукой и довольно долго смотрел Олегу вслед. Потом мальчишка услышал, как непередаето завопила отбывающая телега.

В бору — слов нет! — было красиво и здорово. Вот только ехать по этой песчаной дороге было просто невозможно — велик буксовал, и при всей лесной прохладе с Олега полил пот. Тогда он соскочил с машины, разулся, затолкал в кроссовки носки, повесил обувь, связав шнурками, на руль и зашагал по тёплому песку, ведя велосипед «в поводу». Местами в песке, правда, шишки, сосновые иголки, но идти было легко и приятно — во всяком случае, приятней, чем крутить педали.

Песчаная дорога взобралась на холм, где росли особенно высокие сосны, резво спустилась вниз и превратилась в небольшой пляжик на берегу речки — скорее всего, той же самой, которую Олег видел, проезжая по Марфинке. В чистой воде у берега над жёлтым песчаным дном маневрировали, как подводные лодки, мальки — неизвестной принадлежности, но шустрые. Олег просто не мог устоять перед искушением — он весь вспотел, успел побывать в грязной канаве, а тут — вода. Коро-че говоря, уже через полминуты велик и барахло лежали на песке, а сам мальчишка плавал на спине посреди реки. Прошло немало времени, прежде чем он вспомнил, что надо продолжать путь — и так задержался.

Чтобы поскорей обсохнуть, Олег сел на велик в плавках, а одежду перекинул через руль рядом с кроссовками. Но, как выяснилось, комары оценили такую смелость — пришлось снова останавливаться и одеваться, а потом — катить дальше. Песок больше не мешал — под колёсами была обычная, слегка неровная лесная тропка, сосны сменились дубами и зарослями бузины на прогалинах. В сырых ложбинках росла малина — густоющими зарослями, а местами мелькали коврики из земляники — к сожалению, ещё не поспевшей, но это всё впереди... На повороте Олег спугнул сову — с треском сорвавшись с какой-то ветки, большая серо-белая птица, до смерти перепугав мальчишку, зигзагом бесшумно полетела

вперёд и исчезла среди деревьев.

— Вот ёлочки зелёные, — сказал Олег, чтобы успокоиться. И подумал, не заблудился ли? Нет, похоже — тропка под колёсами хоть и не особо накатанная, но явно используется, а кому тут ездить, кроме лесника? Вот только от деревни далеко — не накатаешься туда-обратно... Или есть короткий путь? Надо будет спросить...

Удерживая руль одной рукой, Олег полез в рюкзак за «сидюком», в котором, как он помнил, стоял наготове диск с его любимым «Наутилусом» — старый концерт «Разлука». Но именно в тот момент, когда Олег слегка обернулся, он увидел в конце тропинки — у поворота, где спугнул сову — огромного волка.

Сказать, что мальчишка испугался — значит, соврать. Испугом такое не называется. Он обмер, чудом не свалившись с велика, рот мгновенно пересох, руки и ноги ослабели и стали чужими. Огромный серый зверь, опустив хвост, похожий на здоровенный батон и пригнув массивную, лобастую голову, неспешно трусил по следам добычи, выбрасывая крепкие лапы и чуть раскачиваясь туловищем. Потом — остановился шагах в двадцати от Олега и поднял голову — хмурый, с жуткими золотистыми глазами. Посмотрел на мальчишку внимательно и оценивающе.

Окажись каким-нибудь чудом в руках у Олега ружьё — он бы не посмел выстрелить. Всё, на что его хватило — толкнуться вялой ногой от земли и... увидеть второго волка, стоявшего в точно такой же позе ВПЕРЕДИ на тропинке.

«Всё, — мелькнуло в голове у Олега, — кончились каникулы. Съедят.»

В полном ужасе он беспомощно повёл вокруг взглядом, неизвестно кого выискивая — и волки были забыты. С расстояния метра в два на него смотрел... леший.

Точно такой, каким Олег себе его представлял. Туловища и всего прочего видно не было — их плотно прикрывали кусты. А над кустами поднималась голова с человеческим, очень загорелым лицом, изрезанным морщинами, похожими на шрамы. Большую часть лица скрывали седые, густые брови, усы и борода, сросшиеся в одну массу, которой не было названия. Из этой массы посвёркивали удивительно яркие зелёные глаза. Копна седых же волос буйно разрослась на голове лешего. Смотрел он прямо на Олега.

— Чур меня, — пискнул Олег и первый раз в жизни перекрестился.

— Значит, правду собачки сказали, — послышался густой бас из бороды лешего. — К кому через лес направляешься, парень? Эта тропка только к моему кордону выводит. Если в райцентр — то назад и по дороге.

— Собачки?... — Олег повертел головой и покраснел. Конечно, собаки.

Два здоровенных кавказца, а не волки. Это сразу видно. А седой — никакой не леший, а...

— Вы — Антип Никодимович? — дошло до Олега. Ему стало стыдно — старик-то чёрт знает что подумает... Его за лешего принял, собак — за волков. Айм крэйзи, как говорится.

— Я — Князь, — значительно сказал старик и сделал шаг на тропинку, — так и зови — Князем, как все зовут. Крещёное имя-то я и позабыл...

Олег ничего не ответил, потому что онемел от изумления.

Старик был гигант. Никакого, даже крошечного, признака дряхлости обнаружить было невозможно, как ни смотри. Ростом не меньше метра девяносто, одетый в плотную куртку, галифе и сапоги, с ружьём на бедре, он двигался совершенно бесшумно — кусты раздались, пропуская его, а за спиной сомкнулись, так и не издав ни треска, ни шороха. Собаки. Подбежав так же неслышно, сели у его ног — слева и справа, не сводя с Олега пристальных, умных и безжалостных глаз.

Лесник Князь вдруг напомнил Олегу Одина<sup>2</sup> из недавно прочитанной книги писательницы Семёновой «Поединок со Змеем» — вот только у старика были оба глаза, да вместо копья — ружьё. Одина — или вправдашнего князя, какого-нибудь Ярослава Мудрого<sup>3</sup>, например.

— Вам сто лет?! — вырвалось у Олега. Князь не удивился:

— А то больше. Я года рождения не помню... Так кто ты будешь-то?

— Я Олег Семёнов, — назвал себя мальчишка. — У вас недавно моя мама должна была быть, я насчёт каникул...

— Сын Верки? — старик подошёл совсем близко, внимательно рассмотрел Олега — тому даже стало неуютно под пристальным взглядом. — Была, была она у меня... Что ж ты — за границу ехать не захотел?

— Скучно потому что, — с вызовом, сердясь на себя за свой страх, ответил Олег. — Вы там были?

— Бывал, — признался неожиданно Князь. — Как сказать — скучать не приходилось... В Польше бывал, в Германии, в Чехословакии. В Израиле признаюсь — не довелось, да и не было тогда Израиля. Ну что — коль от заграницы устал, то пошли. Тут недалеко.

Повернувшись, он широко и неслышно зашагал — как поплыл — рядом с мальчишкой, снова покотившим велик рядом.

## ГЛАВА 4.

За следующие пять дней Олег ни разу не выбрался в Марфинку. Да и не слишком хотел. Уж очень много вокруг оказалось интересного — такого, что стоило исследовать поближе.

Сперва кордон почти напугал Олега. Тут не было ни электричества, ни радио, ни телевизора — мальчишка и представить себе не мог, что остались ещё на свете такие места! Дом — на фундаменте из дикого камня — был сложен из мощных брёвен чуть ли не в обхват. Небольшие окна — оснащены ставнями, как в кино. Стоял этот дом в центре небольшого двора; его окружала стена — настоящий частокол в два человеческих роста. Крышу дома сложили из берёзового гонта — пластин вроде черепицы. Никакой живности кроме двух псов — Клыка и Бойца — и двух здоровенных мерингов — Тумана и Серого — Князь не держал. Ворота — одна узкая створка — держались на могучих стальных петлях и запирались таким же солидным засовом с ушками для замка. Кроме двух будок, конюшни, сарая и здоровенной поленницы во дворе был только колодец — в аккуратной будочке, закрывавшейся плотной крышкой, с отполированным колесом-воротом. С внешней стороны к стене будочки был привешен сплошной умывальник с пипочкой внизу — поддашь ладонью, и льётся вода.

Внутри дом разделялся на две неравные части деревянной стенкой — Олег раньше гадал, что такое «пятистенок», о котором он читал в книжках, даже представлял себе такой пятиугольный дом. На самом деле оказалось, что вот это и есть пятистенок — с пятой стенкой внутри. В эту пятую стенку была встроена большая белёная печь. Мебели почти совсем не имелось, зато над кроватью Князя висели накрест попарно четыре ружья. Точнее — три ружья и карабин «лось» (если кто не знает — ружьё гладкоствольное, а винтовка или карабин — нарезные). Кроме того, было много книг в двух явно самодельных шкафах. Перспектива провести тут МЕСЯЦ ужасала. Свежий воздух, лес, речка и прочее уже не прельщали. «Нужно мне всё это, как зайцу стоп-сигнал!» — угрюмо думал Олег, устраиваясь тем вечером на раскладушке. Тишина — а точнее, непонятные, неясные звуки за дверью дома — его просто пугала, хотя он и самому себе не хотел в этом признаваться. Во всяком случае, мальчишка долго лежал с открытыми глазами, стараясь ни к чему не прислушиваться, пока усталость не взяла своё...

Князь разбудил его ни свет ни заря и задал злому Олегу (спать хотелось!) один вопрос:

— В объезд пойдёшь со мной?

— Пойду, — буркнул Олег, сдержавшись лишь потому, что не привык грубить взрослым.

С того момента он забыл, что такое скука и недовольство.

...Подумайте сами, можно ли быть недовольным, если встаёшь раньше солнца и,

позавтракав необыкновенно вкусным молоком — холодным, с хлебом и мёдом — идёшь в конюшню седлать коня? Когда Олег проделал это в первый раз, Князь одобрительно хмыкнул и вынес мальчишке одно из ружей! Правда, патроны дал лишь потом, когда учил стрелять на речном берегу, но всё равно — представьте себе, что вы едете верхом по утреннему, только-только проснувшемуся лесу, а за плечом у вас — НАСТОЯЩЕЕ ружьё! В ту, первую поездку, Олег взял с собой «сидюк», но так и не врубил его ни разу. А вечером Князь сказал:

— А зря ты его таскаешь. Городские многие так делают. Выберутся «на природу» — орут, разные штучки включают, хохочут, а потом пеняют: «Мёртвый у тебя лес, дедуля!» дурачки. От человеческого шума любой лес, наверное, вымрет. Он ТИШИНУ любит. А вот если в лесу сидеть тихо-тихо — тогда многое увидеть и услышать можно. Даже самого себя.

— Как это? — удивился Олег. Князь загадочно усмехнулся в бороду:

— А вот поживи тут подольше, шуми поменьше...

С тех пор Олег не брал с собой плеер. Старый лесник оказался прав на сто один процент. Объехав с ним с утра часть его владений, Олег верхом возвращался домой — и, перекусив, путешествовал уже один. Чаще всего — пешком, лишь к реке уже знакомым путём ездил на велике. А в остальное время — исследовал лес. Это занятие не могло надоест или приестся. Лес менялся, как море, он всегда был разным, даже если Олег посещал одно и то же место. Князь к вылазкам мальчика относился одобрительно, а на высказанное как-то опасение насчёт диких зверей ответил, что в лесу самый опасный зверь — человек, но людей тут почти не бывает. А звери сами на человека летом никогда не нападут. Главное — вести себя так, как положено в лесу, чтобы он признал тебя своей частью. «В общем, мы с тобой одной крови — ты и я, — вспомнил Олег Маугли, и Князь одобрительно кивнул: — Вот-вот. — и удивил Олега, добавив: — Киплинг правильно писал.» Кроме того, лесник познакомил мальчишку с собаками и предупредил: «Свистнешь — прибегут.» Олег как-то попробовал посвистеть километрах в пяти от кордона — минут через десять Клык возник перед ним, словно из-под земли. Глядя вопросительно и удивлённо. Кажется, он обиделся на «пустой вызов», и вечером Олег задабривал его мослами от ужина (за «немясными» продуктами Князь ездил в деревню, и еды на кордоне хватало — вкусной может быть ещё и потому, что Олег не садился за стол, не устав от своих экспедиций или просто от колки дров; да, и этому он более-менее научился и практиковался постоянно, благо — Князь сказал, что лишних дров не бывает). Иногда правда по вечерам Олег, укладываясь спать, думал лениво: «Сгоняю завтра в Марфинку...» — но утром его будил Князь, и всё начиналось сначала. До Марфинки ли было, если вокруг лежал лес — сырые тенистые ложбинки, залитые солнцем поляны, буреломная, тенистая и загадочная чаща, лесные роднички, бобровые хатки над рекой, увиденная однажды на берегу ручья возня волчат, потрясающий жутью и величием миг, когда Олег однажды натолкнулся на краю сумрачного болотца на лося... И ещё столько разного, что можно было увидеть — если просто посидеть тихо-тихо. Сперва Олег хотел попросить Князя взять его с собой на охоту, но потом без сожаления подумал, что стрелять в обитателей этого особого мира — леса — он просто не сможет. Ему хватало и стрельбы по мишеням, на которую старый лесник не скупился. Патроны он делал сам, и Олег с удовольствием помогал ему по вечерам — когда поужинали, все дела переделаны, а спать ещё не хочется. Мальчишка боялся, что будет скучать без аудио-видео, но скука пока что не показывалась даже когда Князь зажигал керосиновую лампу, и они усаживались около стола. Было у Олега ещё опасение — а не окажется ли он «лишним» для привыкшего жить в одиночестве старика, но Князь, казалось, наоборот — был доволен, что рядом есть кто-то, с кем можно поговорить. Запас рассказов у него был огромный, и Олег даже не всегда знал — верить или нет. Первые два или три вечера он только слушал, потом начал и сам рассказывать старому леснику про школу, про границу, про дом — с радостью и удивлением убеждаясь, что Князю интересно слушать и разные истории про класс, в котором учился Олег, и про здешние лесные «открытия» мальчишки, и про любимые фильмы Олега... Может быть, Князь просто

соскучился по людям?

В этот — восьмой — вечер Князь рассказывал, как много было после войны волков, и как вот в это самое окно, возле которого он сидит сейчас, зимой 45-го заглянул, встав на задние лапы, Корноухий — вожак стаи, терроризировавшей две зимы подряд всю округу вплоть до окраин Фирсанова; волки не боялись людей, крали не только скот, но и собак, и маленьких детей, пока массовая облава не покончила с ними. А Корноухий ушёл.

Олег с опаской покосился на окно, представив себе, как это было: сидят люди, ужинают, и вдруг к окну из морозной ночи приближается огромная волчья морда, и свет лампы отражается в жутких глазах... Бррр!

— Корноухим-то его дружок мой, Сенька Бурцев, сделал, — неторопливо говорил Князь, развешивая порох на аптекарских весах. — Вместе мы с войны вернулись, хоть он и нездешний был, а минский. Проезжали через Минск — как сейчас помню — он оперся так руками на перекладину в дверях вагона, а у самого слёзы в глазах стоят. Не город — одни развалины, безлюдье. Он и говорит: «Не могу я, дядя Антип — я ведь старше его вдвое был — на это смотреть. Едем к тебе, а то у меня душа больше пепелищ не выдерживает, навидался, хватит!» Ну и приехали. Я сюда вернулся, а он в колхозе работал. Той зимой они как раз с тамбовским начальником одним волков били, да так хитро! Едут они на санях по лесу, а за санями — мешок с поросёнком бултыхается. Поросёнок визжит — вот и приманка. Только не трусь и бей, как выбегать начнут. Ну а тем разом как у них получилось-то — квёлый какой-то поросёнок попался, хотя начальник за него консервами платил и денег добавил — в те времена не всякий согласился бы продать за одни-то деньги, что деньги — бумага... Не завизжал, значит, а так, похрюкивал в мешке. Ну начальник и говорит — мол, сейчас я его! Подвинулся так на край саней и прикладом, прикладом. А лошадка волков почуяла. Возьми — да и рвани с места. Сенька с начальником — кубарем в снег... Лошадка-то в деревню прибежала — поросёнок цел, а сани пустые. Собрались мужики, на сани целым обозом. За мной заехали. Сеньку нашли — на дубу сидел, как ворон ошипанный, мы трянули, он так в руки и свалился... А от начальника того и костей не отыскивали. Сенька-то после рассказывал — как выпали они из саней, он-то и говорит: «Давай скорей на дерево!» А тамбовский как ополоумел — ружьё бросил и бежать. А волки — вот они. Сенька-то его ещё отбить хотел, дурака. Жаканом из одного ствола повалил первого-то волка, стоя было на него повернула. Он вторым-то жаканом и срезал ухо жожаку, а сам на дуб взлетел. Думал, они под дубом останутся — нет, круг obeжали и следом за тамбовским погнались.

— Догнали? — спросил Олег, даже голос приглушив: он так и представил себе эту картину — как из фильма ужасов, только ведь было это ПО-НАСТОЯЩЕМУ!

— Догнали, — кивнул Князь. — Вместе с одеждой сожрали, даже что металлическое было — раскидали. Так и говорю — только кровь, да снег разрытый нашли...

— Волки расплодились, потому что на них охотиться было некому? — поинтересовался Олег. Князь покачал своей серебряной гривой:

— Да не плодились они больше обычного... Пришли волки были. Украинские, белорусские, брянские... От войны бежали.

— От войны? — не поверил Олег. Князь кивнул:

— От войны... Когда люди друг друга за глотки берут — зверю лучше подальше забиться. Так вот.

— Князь, — Олег осторожно выкладывал на стол капсулы к патронам,

— Князь, а на войне... страшно?

Старик задумался. Покачал головой и медленно ответил, словно взвешивая каждое слово на этих самых аптекарских весах, стоящих перед ним: — Вспоминать про то — страшно. Думать перед боем страшно. Во сне видеть — хуже нет. А в самом бою редко у кого страх бывает. Словно не ты, а кто другой вместо тебя всё делает, ну а раз так — то и убьют другого... Вот так оно, — он вдруг улыбнулся и добавил: — А время прошло — так и вовсе разное смешное вспоминаться начало. Вот был случай... Начинался-то и вовсе не смешно, — Князь устроился удобнее. — После Курска дело было. Только-только вернулись

мы. Трое суток вообще не спали. Осовели. Верка Кривошапова пошла по начальству докладывать — старшего нашего убили, она командовала — а мы в какой-то школе разместились. Падаем, на ходу засыпаем! Помню, значит — вошёл куда-то, лёг на что-то — и вроде как в колодезь упал. На войне недосып — главный враг. Нам в поощрение вроде как и дали-то выспаться — лучше любого ордена на тот час! Ну, просыпаюсь. Гляжу по сторонам — мать божья!!! Лежу на столе. В головах у меня — знамя. А вокруг — цветы. Думаю тем часом: «Ну вот и всё, Антип, спета твоя песенка — то ж не иначе убили тебя и хоронят с почестями, как смертью храбрых... а душа, значит, из тела вылетела и на это любитесь...» Голова-то со сна мутная. Не сразу разобрался, что спал я на столе в учительской комнате, знамя — школьное, а цветы туда со всей школы снесли из классов, чтоб поливать было удобнее! Тут как раз Сенька-то вошёл, говорит мне: «Ты чего это, дядя Антип, зелёный какой-то?!» А я ему сдуру: «Так ты что, Сень, тоже усоп?!» Еле разобрались...

Пока Олег хохотал, Князь, улыбаясь в усы, занимался гильзами. Отсмеявшись, мальчишка спросил удивлённо:

— Верка Кривошапова — это...

— Она, мать подружки твоей матери, — подтвердил Князь недосказанное. — Радистка наша, и по званию вторая после командира.

— Так ты, выходит, в спецназе служил?! — вспомнил Олег слова мамы, что тётя Вера служила в ГРУ. — Во приколы! Правда?!

— По-нынешнему — спецназ, — согласился Князь, — а тогда нас «спецы» называли. Верка-то меня туда и сосватала. Она-то ещё в начале войны ушла, по комсомольскому набору... А меня в 42-м взяли, я ведь и тогда немолодой был, за сорок! Ну и на сборном-то пункте офицер — тогда «командир» говорили — стал спрашивать: есть ли охотники, спортсмены по стрельбе, радисты хорошие, водители... Я возьми и сдуру вызовись — думаю, всю жизнь в лесу, лес мне и семья, и дом, и корм, может, и тут пригожусь по лесному делу? А получилось так, что едва сам себя не погубил.

— Почему? — удивился Олег.

— Потому, что был я перед тогдашней властью вроде как виноватый... Отец-то мой, брат твоего прадеда, у графа Михайловского лесником был. Дом этот ещё тогда построен. Жил хорошо, граф ему верил. Я и те времена помню, и графа самого — не маленький был, отцу лет с восьмью в лесу помогал... Старый граф ещё до войны — первой войны — умер от сердца, а сын его был постарше меня года на три. Как та война началась — пошёл он в тамбовские гусары. И отец мой пошёл, а я остался за лесника — лет пятнадцать мне тогда было. Мать-то свою я и не помню, один жил — тогда и одичал... — Князь улыбнулся. — Как революция началась — вернулись и граф, и отец, вместе. Воевали они на германском фронте, отец был у графа денщиком и к графу считай как ко второму сыну относился. Было — в рубке уланы немецкие отца уже кромсать начали, еле отмахивался, так граф его отбил. А потом, уж к концу — наоборот получилось: пустили немцы газ, и тут отец молодого графа вытаскивал, свой противогаз на него надел... Вернулись они вдвоём. А Иконовку — имение графское — это километров двадцать отсюда — мужики сожгли, и графиня, мать молодого графа, там же сгорела... Граф с отцом моим на юг подались, к белым. Ну и я с ними увязался. Служили мы в Алексеевском драгунском полку. Про «Веру, Царя и Отечество» я как-то не очень думал, дикий был... — Князь снова усмехнулся. — Повоевать хотел, да и куда я от отца, жалко расставаться. Ну, отца порубали будённовцы. Ну а мы с молодым Михайловским отступали аж в Крым. Под конец и не помнили уже, кто граф, а кто лесник. На одной шинели спали, другой укрывались, кто что найдёт, то вдвоём и едим... Ну а там разошлись пути наши. Он от тифа свалился. Погрузил я его на пароход, однополчанам на руки, а сам — на берег. Он звал с собой, ты — говорит — в красной Совдепии пропадёшь. А я как подумал, что больше наших мест не увижу — тоска за горло взяла. Как я сюда добирался — отдельная статья и новая война. И махновцы, и красные, и антоновцы — уж тут, на Тамбовщине — до моей шеи добирались, да не на того напали. Стрелять я всегда

умел, пашкой махать казачки и офицеры научили, да ещё там, на юге, крутил я одно время с остальными драгунами хвосты английским самолётам, так их пилоты мне бокс показывали. Понятливый оказался... Добрался домой. Тогда как-то спокойно смотрели — кто, у кого, когда служил. Страна-то пополам расколота была, что, ж, всех сажать? Даже в тридцатых не тронули. А вот в армии-то я сам подставился. Как насел на меня один — мол, зачем это бывший белый драгун в советскую спецгруппу пробирается? Не затем ли, чтобы в немецком тылу немцам и сдать?! Будь это до войны — посадили бы. Да и тут от штрафбата не отвертелся-б, наверное, не окажись с тем офицером, что желающих выкликал, Верка. Ну, друзьями-подружками мы с нею никогда не были, возраст разный, но знала она меня хорошо. Особисту тому они с командиром от ворот поворот дали. Сперва сомневались — за сорок мне, смогу ли выдержать? Ничего не скажу — тяжело было. Только и тут лесу спасибо — не выдал. Вот так и воевал до конца — в немецком тылу. Отдохнём у своих — и опять за линию фронта...

Олег слушал, как отрывок из приключенческой книжки. Не верилось, что всё ЭТО было в жизни у старика, сидящего напротив — пусть похожего на Одина, могучего, но самого обычного! А Князь негромко продолжал:

— Да... За войну-то нас из Марфинки без малого три сотни ушло. И я, и Верка, и дед твой, мой братан — брат двоюродный, значит... А вернулись, Олега — тридцать пять человек. Я эту цифру крепко запомнил. Тридцать пять, из них шестеро и десяти лет не прожили... Крепко подрубил нас немец... Ну ещё, слава Богу, с дюжину чужаков прибилося, вроде Сеньки моего. А то б не вытянули деревню. Оттого и обидно иной раз было — после войны смогли её удержать, а в мирное время погибла, обезлюдела... Вот думаю — умру когда...

— Зачем? — нахмурился Олег. — Ерунду-то...

— Да какая ж это ерунда, — спокойно отозвался Князь, — это жизнь. Вечной её ни у кого не бывает. Умру, да не страшно умирать-то. Обидно, что пустое место останется. Жил тут, с людьми дружба и вражда была, сам на отшибе, а всё ж таки — марфинский... И вдруг — пусто будет. Ночью иной раз увидится, что уж совсем запустела деревня, хожу по улицам, людей по именам выкликаю, зову — а в ответ тихо — в поту просыпаюсь...

— А почему так получилось? — продолжая хмуриться, спросил Олег. — Ну, деревня — она почему опустела?

— Неперспективной признали, — развёл руками Князь. — Молодёжь разъезжаться стала, вот в начале 70-х официально и признали: нет у Марфинки будущего... Иной раз думаю — будь жива Верка — так по-другому повернулось бы. Молодёжь ведь почему разъехалась? Не удерживали её, наоборот — подначивали, поощряли «мир посмотреть»! А какой там мир, если родины нет за спиной?

— А тётя Вера тут при чём? — не понял Олег. — Она же была директором школы?

— Такая история... — Князь посмотрел на часы-ходики на стене: — Э, да тебя завтра не поднимешь? Ну-ка — спать!

— Князь, пожалуйста! — завопил Олег. — Это же так интересно! Родные корни! Возвращение к земле! Наше культурное наследие! Подростки наконец-то потянулись к прошлому, а ты эти тянущиеся ростки топчешь своим равнодушием! Ну расскажи, и я сразу спать!

— Ой, ладно, визгун! — замахал руками Князь. — Слушай, быть так!...

В войну оказался у нас председателем человечешко один, Изот Моржик. На фронт он не попал по болезни — поговаривали, купил он себе эту болезнь, но тут я точно не знаю, врать не буду. И как-то так он дело повернул, что и после войны на том же посту остался. Умел он для кого надо хорошим быть, а на колхоз, на Марфинку всю, смотрел, как на... ну, место что ли временное. Как паучок — сосал потихоньку соки, тянул, взяточники развозил, на собраниях выступал... Да всё так гладко, так аккуратно. Кто его краем знал — и подумать не мог, что гнилой он, нечистый. А близко-то его и не знал никто почти. Ну тут как раз Верка из города вернулась, институт она там кончала. Осталась жить. Замуж за нашего же, за



фронтовика, вышла, только не зажился он — обычная история, я говорил уж. Дочь только ей и оставил. А к концу 50-х Верка уж директором была! По тем-то временам директор он кто — он второй, а то и первый человек в селе. И начала она, что ни собрание, с Изотом сражаться — куда там Полтава с Бородином! Он ей слово — она ему десять, боевая ж была! А уж потом-то и впрямую грозиться начала: мол, вижу я, ты тут уселся в деревне, как этот... фе... фа...

— Феодал? — подсказал Олег.

— Да, феодал, боярин какой, мол, всё тут для тебя, а о том, чтобы людям жизнь налаживать, чтоб молодёжь удержать — не думаешь! Тут вроде его правота была — тогда часто поощряли, поддерживали, чтоб молодые уезжали. В те времена — всё больше на целину, на севера, потом — на БАМ... Изот Верку и так и сяк свалить хотел. Жалобы на неё писал, комиссии в школу организовывал. А она всё своё: «Не затем мы родину защищали, чтоб она запустела, вымерла!» и не свернули её — ни в районе, ни в области. А нашим-то она больше по душе была, чем Изот. Как в 63-м Хрущёва — слышал, наверное? — турнули, так его защитникам, Изотовым-то, кого он задабривал да умасливал, не до него стало. Тут Верка под него мину и подвела: на очередном отчётном собрании погрозилась свою кандидатуру выставить! А по тебе — говорит — дезертир, ворюга — тюрьма плачет! Изот, рассказывали, аж с лица спал... да вот так получилось, что перед тем собранием попала она с дочкой в аварию...

— И что, никто не догадался?! — подскочил Олег. — Ой, блин, ну вы дремучие, как Шервудский лес! Да этот Тюлень... Моржик, то есть, тётю Веру и убил! Нанял киллеров...

— Да какой киллер, — вздохнул Князь, — шоферюга пьяный, даже не наш — временно его прислали, на работы. Он тут и не знал никого, кроме продавщицы в сельмаге... Нет, милиция разобралась. Несчастный случай, как есть... А Изот как на пенсию вышел — так и отчалил куда-то со своим семейством. А после него председатели, как облака менялись — пыхнул ветер, и нету. Тут уж и вообще никому ни до чего стало... Ну, давай спать. Завтра надо нам Чёртов Откос посмотреть, говорят, там опять овраг пополз...

...Впервые за последние восемь дней Олег ворочался на раскладушке, пытаясь уснуть. А когда уснул — ему снилось что-то смешанное из войны, погонь-боевиков и старых, ещё советских, фильмов — во всей этой мешанине он принимал самое живое участие.

## ГЛАВА 5.

Денёк с утра выдался пасмурным, хотя и тёплым — как бы напоминание о том, что хотя и лето на дворе, но лето бывает разным. Покачиваясь в седле, Олег созерцал хвост Тумана, на котором ехал Князь, и лениво думал, куда ему отправиться сегодня после объезда. Может, всё-таки сгонять в Марфинку? А то смех — больше недели тут живёт, ни разу толком не был.

— Прикольно, — сказал Олег вслух. Князь, не оборачиваясь, спросил:

— Чего там у тебя?

— Да вот, — мальчишка поправил ремень двустволки 16-го калибра, — я как сюда приехал, так вроде в какое волшебное царство попал. Где время остановилось или вообще назад повернуло. Приеду в Марфинку, а там какой-нибудь управитель рязанского князя всем заправляет. А Воронежа и вашего Фирсанова вообще нет.

— Всё может быть, — загадочно ответил Князь. Так ответил, что Олег засмеялся — специально чтобы прогнать жутковатое ощущение:

— Да ну, туфтянка... Кругом всё-таки жизнь, а не сказка.

— А сказки — это и есть рассказы про былую жизнь, — по-прежнему не оборачиваясь, ответил Князь. — Тем более — в таком лесу. Этот лес, Олега, древнее не то что Киевской Руси. Он всех нынешних народов древнее. Сейчас, конечно, кусочки сохранились. А было

время — лес от океана до океана стоял, без края. Кусочки нынешние это помнят — время, когда лес всему головой стоял, а люди, прежде чем войти в него войти, позволения спрашивали, да с поклонами, да с подношениями. Я в этом лесу, считай, всю жизнь прожил. И такое видел, что и рассказывать зарёкся — на смех поднимут, скажут, Князь ума лишился под старость! Да что далеко ходить — Чёртов Откос, куда мы едем. Тамошние дубы Мамаю помнят. А уж мои-то войны для них вчера были. Кто я перед ними — несмышлёныш...

— Всё-таки деревья — это не люди, — возразил упрямо Олег. — У них ни памяти нет, ни привязанностей, ни желаний никаких. Если что и видели — не расскажут. Если бы рассказать или показать могли, тогда другое дело... Я вот вчера думал опять — машину времени бы сейчас! Столько бы можно было посмотреть!

— Только и посмотреть, не поменять? — полюбопытствовал Князь.

Олег со знанием дела разъяснил старику:

— А менять ничего нельзя. Вот например попаду я в прошлое. Убью... ну, Гитлера, ещё когда он молодой был. Спасу миллионы людей. Но ведь из-за этого всё по-другому пойдёт! Может так случиться, что мои дед и бабка не встретятся. И меня не будет. А если меня не будет — кто Гитлера убьёт? Получается, что ничего не поменяешь, просто не выйдет.

— Но тогда камень вместо сердца надо иметь, — сказал Князь. — У тебя на глазах жечь и убивать станут, а ты не мешайся. Так, что ли?

Олег задумался. Такое ему не приходило в голову. И найти ответ мальчишка не успел: Князь вдруг приподнялся в стременах и беспокойно бросил:

— Машинным дымом пахнет. Ну-ка, давай галопом — кого в эти места занесло?...

...Чёртов Откос появился не благодаря чёрту, а людскими стараниями. Чёрту и в голову не пришло бы никогда — добывать песок в лесу, а вот людям пришло. Но песок оказался некачественный (Олег долго думал, а какой же песок «качественный»?!), раскоп забросили, он благополучно разросся в овраг, к которому вела через лес от Марфинки еле заметная дорога. Дальше расползаться оврагу мешали деревья — нависая уже над самыми склонами, они тем не менее своими мощными корнями удерживали почву даже весной, когда овраг превращался в настоящую речку, а с откосов неслись потоки талой воды. Олег уже знал, что эти места нередко посещали туристы, находившие в овраге какую-то «прелесть дикой природы» и «первозданность» (?) — и не понимал, что так забеспокоился Князь. Но послушно пустил своего коня в галоп за лесниковым, умело пригнувшись к конской шее и сведя плотнее колени. Появились и поскакали рядом оба кавказца.

Князь резко забрал влево, и всадники с собаками выбрались на дорогу у самого начала оврага. Здесь даже Олег различал запахи машинного дыма, шашлычного костра и слышал весёлые голоса двух или трёх человек. Старик, легко наклонившись с седла, тихо сказал:

— Две машины, не наши, большие. Джипы. И людей восемь.

— Паджеро, — определил Олег, всмотревшись в чётко пропечатанный на сыром песке след. — Джипы паджеро, я такие шины в папкином атласе видел. Туристы?

— Убивцы. — сурово ответил Князь. Олег уже знал по вечерним разговорам, что браконьеров старик называет убивцами. — Заезжие, наши не сунутся...

— Почему? — изумился Олег. — Откуда ты знаешь, что браконьеры?

Вместо ответа Князь молча показал на то, что Олег не заметил сразу — пятна крови, похожие на вытянутые стрелочки.

— Тушу на крыше везли, на багажной решётке. Лося свалили.

— Может, с лицензией? — Олег выпрямился в седле. Князь покачал головой:

— Я бы знал, что выдали. Не было лицензий... Ты вот что, Олега...

— Не поеду, — быстро ответил Олег. Князь хмыкнул:

— Ладно... Но тогда вот что. Стволы заряди дробью. Случись что — бей в ноги. Жалеть их нечего, убивцы и есть убивцы, а тут им не город, лес. Но думаю я — без этого справимся.

Он положил стволом на плечо свою самозарядку 12-го калибра и легко тронул коня

каблуками...

... Два джипа «паджеро» стояли нос к носу около пробивавшегося из склона родничка. Горел костёр под переносной шашлычницей, возле огня возился бритоголовый бугай в тельнике. Ещё двое, тихо поругиваясь, разделявали возле ручья лосиную тушу. В лёгких шезлонгах за раскладным столиком сидели друг против друга два одетых с иголки в охотничье американское и немецкое снаряжение джентльмена, державших в пальцах пузатые бокалы с коньяком или вином. Рядом с ними романтической пирамидой были составлены четыре блистающих хромировкой и полированным деревом ружья. Наконец, ещё трое сидели на песке возле машин. У одного на коленях лежал короткий разлапистый «калашников» — АКС-74У.

При виде появившихся на поляне всадников оживились все. Даже джентльмены, занятые беседой, соизволили обернуться с лёгким интересом. Охранники поднялись на ноги, отвлёкся от костра бугай, бросили своё дело те, кто кромсал убитого лося — при виде их окровавленных рук и длинных, жутковатых ножей Олегу стало не по себе. Он слышал, как охранники перебрасывались удивлённо-ироничными репликами:

— Во, ковбои...

— Не, это здешний леший с лешачонком...

— Счас подорожную спросят...

— А чё, мы, блин, всегда предъявить можем...

Князь и ухом не повёл на болтовню. Он, чуть наклонившись с седла, обратился напрямую к джентльменам:

— Серёгин, лесник. Попрошу вас предъявить лицензию на убитого лося.

— Документы, — потребовал сухим голосом тот, что постарше. Младший — зачем-то с противосолнечными очками на лбу — рассматривал Князя с брезгливым удивлением, словно заползшую в чистую комнату сороконожку.

Князь подал старшему книжечку в зелёной обложке. Олег, сидя прямо, заметил, что в обоих джипах на сиденьях лежат ещё автоматы, а у охранников — у кого под куртками, у кого на виду — висят пистолеты в подмышечных кобурах.

— Всё верно, — уже не сухо, а почти радостно сообщил старший, возвращая удостоверение Князю. — Нам про вас говорили, мы, конечно, запаслись лицензией. Там, в удостоверении, пожалуйста. Всё верно?

Краем глаза Олег заметил вложенные в книжечку три стодолларовые купюры. Только краем глаза, потому что Князь гадливо потряс удостоверение и вытер его о свою старую куртку. Доллары упали на песок.

— Не завизирована ваша лицензия, — спокойно ответил он. — Попрошу вас всех отойти в сторону — вон туда — и сообщить мне свои данные для протокола. Браконьеров я не люблю.

— А я, милейший, — вздохнул старший, — не люблю тех, кто мне мешает отдыхать... У нас с партнёром деловой разговор. Кеша, объясни туземцам, что они заблудились и покажи дорогу.

Дальнейшее Олег вспоминал потом с невероятным удовольствием, как кадры из захватывающего фильма.

Всё разворачивалось одновременно и очень быстро. Кеша — тот, что с автоматом — поднял было своё оружие, чтобы начать «толковище», но жакан из князева ружья ахнул в песок между ног, и Кеша, выронив автомат, тонко заверещал и шлёпнулся на пузо, как большая жаба. Двое около ручья истошно заорали «волк!!!» и, столкнувшись, плюхнулись в воду, бросив ножи — перед ними серой тенью вырос Клык и просто оскалил зубы. Сунувшийся было в один из джипов за оружием охранник завопил — появившийся из-под джипа Боец просто ВЗЯЛ его клыками за запястье и чуть нажал, но этого хватило, чтобы здоровенный мужик рухнул на колени. Олег ни в кого и не думал целиться, он просто не успел как-то отреагировать, но последний охранник у машины, секунду подумав, сноровисто лёг на песок и сложил руки на затылке. Князь тем временем съездил в лоб ногой

предлагавшему ему взятку, тот опрокинулся на своего «партнёра по бизнесу» и остался лежать. Бугай в тельнике дёрнулся было к подмышке за пистолетом, но Князь мирно сказал:

— Внучок, не надо. Калекой ведь на всю жизнь останешься, подумай, — и чуть шевельнул ствол. Бугай без особой обиды и даже с каким-то уважением откликнулся:

— Понял, дед, — и присел философски на корточки.

— Дед, а дед, — заскулил стоявший на коленях у машины, — Христом-богом прошу, отзови волка, он же мне руку откусит...

— Внучки, вы пистолеты побросайте, — посоветовал Князь, — и ножи.

А сами вон, к ручейку отойдите.

Он подцепил одной рукой все четыре ружья и швырнул их к машине. На ходу разоружаясь, охранники табунком перебрались к родничку, где их принял под опеку Клык. Боец обежал оба джипа, пометил колесо и аккуратно, по очереди, выволок с сидений автоматы, добавив их в общую кучу. Потом присоединился к брату.

— Вот теперь давайте записываться, — как ни в чём не бывало предложил Князь. В Олеге всё дрожало от напряжения, но это была скорее приятная, боевая такая, дрожь.

— Вы ответите, — угрюмо заявил старший из браконьеров, стирая кровь с рассечённого лба. — За всё ответите.

— Я бардачки посмотрю, — подал голос Олег, — у таких крутых всегда в бардачках пушки.

— Посмотри, — одобрил Князь. — Ну, по порядку...

Из бардачков Олег извлёк ещё два пистолета — и вытащил четвёртый автомат, угнездившийся в одном из джипов между передними сиденьями. Бугай его окликнул:

— Пацан, кинь сигареты.

— Курить вредно, — непримиримо отозвался Олег. — Сидите, собаки дыма не любят.

— Да? — бугай покосился на кавказцев и вздохнул: — Ладно, потом покурю. Вы их хоть кормили сегодня?

— Они себе сами добывают, — огрызнулся Олег, — так что потише там.

— Смотри, щенок, — процедил Кеша, — ещё встретимся...

— Заткнись, — презрительно бросил бугай, — в штаны навалил, теперь сиди и сопи в две дырки.

— Оружие и боеприпасы конфискованы, мясо тоже, — объявил Князь, закончив писать протокол. — Можете убираться. Но ждите гостей.

— Мне это всё — тьфу, — вдруг смачно сплюнул молодой, снимая и убирая очки. — Понял, козёл старый — тьфу! Но тебя я срисовал. И ты запомни мои слова, пенёк — я на тебе отпляшусь. Будет и на моей улице праздник.

— Может, и будет, — согласился Князь. — Когда меня не будет.

Уже от джипа молодой пообещал:

— Это мы тебе устроим, чмырь.

— Боец, усади его, — не повышая голоса, скомандовал Князь, и молодой то ли икнул, то ли охнул: кавказец, тенью оказавшийся рядом, метко сомкнул свои зубы на... Олег скрючился в седле от хохота, да и охранники с трудом прятали ухмылки. Боец подтолкнул молодого — тот, сложившись пополам, исчез на заднем сиденье своего джипа. — Счастливого пути, — напоследок пожелал Князь.

## ГЛАВА 6.

Тучи растянуло вскоре после полудня. Подкралась и улеглась среди кустов на прогалинках жара — настоящая, даже чересчур. Тёплый дремотный воздух был неподвижен и тих.

Олег валялся на краю полянки, в тени дуба. После возвращения с объезда Князь отбыл

в Иконовку, к лесничему, своему начальнику (Олег долго путал эти два звания — лесник и лесничий), повёз рапорт и конфискованное оружие, а мальчишка подумал и слинял уже привычно в лес. Но там его застала жара, он присел возле дуба, потом прилёг, а потом уснул, и лес перестал обращать на Олега внимание. Даже здоровенный барсучище, трусивший на своих кривоватых мощных лапах по каким-то делам, только подёргал чёрным мокрым носом, но и головы не повернул.

Мальчишка проспал часа два, не меньше. Разбудили его капли дождя, упавшие на лицо. Олег подскочил, как подброшенный пружиной, вытер локтем физиономию и огляделся. Несколько капель упали ему на руку. Но небо над поляной оставалось солнечным, белёсым от жары и безоблачным. Он взглянул на часы и, сев поудобнее, зевнул, потом — потянулся.

На поднятые вверх руки снова упали несколько капель.

Олег быстро вскинул голову и всмотрелся в крону дерева. Это был обычный дуб, вот разве что метрах в пяти над землёй его ствол раздваивался, как огромная рогатка. Два отростка шли немного в стороны, а потом опять вверх.

На нос Олегу упала ещё одна капля. Мальчишка стёр её пальцем и лизнул. Обычная вода. С листьев капает, наверное.

Но, придя к такому выводу, Олег не двинулся с места и не опустил голову. От природы он был наблюдательным парнем, а неделя, прожитая в лесу рядом с Князем, многое добавила к этой наблюдательности. И теперь он видел, что листья дуба возле этой развилки шевелятся — словно их ворошит ветер. Вот только ветра не было — даже вечно дрожащие осинки, сгрудившиеся по другую сторону поляны, застыли в нагретом воздухе, словно металлические.

Человек повзрослее просто пожал бы плечами, да и зашагал дальше по своим очень важным делам. Но когда вам тринадцать лет — ваше внимание способны привлечь многие странные вещи, на которые взрослые не обращают внимания. Подростки чаще глядят по сторонам и в небо, чем те, кому мешают «отвлекаться на глупости» эти самые «важные дела».

Олег сощурился и оттопырил языком щёку. Листва подрагивала — не всё время, а так, будто ветер то поддувал, то стихал. Ещё две капли упали на его лицо. Мальчишка огляделся. Тихо было в лесу, только на все лады заливались птицы — часть лесной тишины.

— Так, — сказал Олег. Примерился и, подпрыгнув, повис на нижней ветке дуба. Царапнул кроссовками шершавую, в крупных глубоких трещинах кору, качнулся маятником и забросил ноги на сук. Потом встал на нём в рост.

Дальше лезть было совсем легко. Если честно — Олег не знал, зачем и почему он лезет. Ну, правда, если разобраться — капает. Листья шевелятся. Ну и что — даже с точки зрения тринадцатилетнего мальчишки? В Воронеже он мимо пробежал бы, даже если бы заметил. А тут... То ли сам лес подталкивал совать нос в разные места, то ли рассказы Князя так действовали, то ли утренняя стычка, почти настоящий бой? Короче говоря, через минуту Олег уже в рост встал на развилке, упираясь ногами в стволы «рогатки». Листва шелестела у его висков.

Тёплый, но сырой ветер с капельками дождя толкнулся в лицо — ОТТУДА, ИЗ РАЗВИЛКИ! И БОЛЬШЕ ЭТОГО ВЕТРА НИГДЕ НЕ БЫЛО!

Это оказалось так неожиданно, что Олег не удержал равновесия. Его повело вперёд, мальчишка понял, что падает с высоты двухэтажного дома и в последний момент отчаянно толкнулся ногами, чтобы приземлиться в прыжке, а не падая плашмя...

Земля ударила по пяткам с такой силой, что Олега бросило набок, в мокрые кусты. Барахтаясь в хлестких, липнущих влажной листвой ветвях, он с изумлением подумал, что вроде бы спрыгнул с куда меньшей высоты, чем должен был — метров с трёх, не больше!

Наконец он выпутался и, на четвереньках выбравшись из кустов, встал в рост. В ту же секунду у мальчишки вырвался звук, средний между иканьем и кашлем, а глаза выпучились так, что он сам это ощутил — как у хамелеона.

Он стоял на той же поляне, у того же дуба. Вокруг лежал тот же лес. Только в этом лесу

дул, покачивая кроны, прохладный ветер и накрапывал из низких туч дождь. А до развилки, из которой Олег десантировался, при желании можно было допрыгнуть!

Что Олег и сделал. Да не просто так, а по-щенячьи скуля от ужаса. Он взобрался на дуб и, зажмурив глаза от непередаваемой жути, прыгнул вниз снова — в ту сторону, откуда взбирался, с одной лишь мыслью, с одним желанием в голове: чтобы всё стало, как прежде!

Не переломал он себе ничего чудом. Пять метров — не три. Дыша, как после забега на три кэмэ, Олег долго лежал в прогретой траве, приходя в себя и не открывая глаз, чувствуя лишь, что вокруг безветренный, солнечный день. «Мне всё это приснилось, — вдруг отчётливо подумал он. И облегчённо перевёл дух, как после кошмарного сна. — Ну конечно, я же уснул под дубом, вот мне и приснилось, что я проснулся, и...»

Джинсы и рубашка с закатанными рукавами были мокрые. И, когда он открыл глаза, то увидел подсыхающую на коленях, ладонях и кроссовках грязь.

Грязь ОТТУДА.

Стараясь даже не оглядываться на развилку, Олег опрометью бросился прочь с поляны.

...Способность рассуждать если не логично, то хотя бы приближённо к логике вернулась к Олегу лишь на кордоне, когда он вымылся, застирал джинсы, отмыл кроссовки и в одних плавках уселся за стол — не перекусить, а подумать. Страх не возвращался, можно было порассуждать.

— Чего я испугался? — спросил сам себя Олег и потрепал по ушам лежавшего под столом Бойца. Тот вздохнул и переместил было тяжёлую башку на босые ноги мальчишки, но Олег спихнул пса: — Уйди, ты как печка... Так чего я испугался? Ну дождь. Ну ветер. И что?... По здравом размышлении Олег даже забегал по комнате, издавая нечленораздельные вопли. Не было сомнений, что ему бешено повезло! В тринадцатилетних мальчишках очень редко живёт скептицизм, они свято убеждены (и это хорошо!), что мир — просто залежь приключений, чудес и даже опасностей, которые он прямо-таки обязан предоставлять в полное распоряжение людям. Среди взрослых очень мало тех, кто сохранил такое отношение к миру, а имеющих в наличии называют «чудаками», «странными» или «неисправимыми романтиками». Сомнений не было — он нашёл что-то в сто раз круче «Думок» или «Кваки» — да и вообще всего, что могла изобрести фантазия компьютерных производителей. Потому что — НАСТОЯЩЕЕ. Скорее всего — параллельное пространство.

Конечно, такого не может быть, потому что не бывает. В газетах пишут, но там пишут и про секретные лаборатории, где у свиней рождаются человеческие дети (правда, Олег слышал от отца, что в настоящих секретных лабораториях делают вещи и покруче, только оттуда ни в одну газету информация не просочится). Однако, бывает или нет, а он, Олег, там БЫЛ. И это факт. И никто не мешает ему побывать там ещё раз. Хоть прямо сейчас.

Эта мысль захватывала, как ожидание большого праздника. Но Олег заставил себя сперва подумать об этой экспедиции (само слово «экспедиция» доставляло ему удовольствие). Первое, что он решил — идти не пешком, а перетащить с собой велик. «Транспорт повысит мою мобильность,» — с удовольствием опять-таки подумал Олег, наливая себе молока. Ещё он подумал о ружьях, но хотя и соблазнительно было воспользоваться одним из них, возникал риск, что Князь оторвёт голову. Конечно, можно взять незаметно... вот только, если честно, Олегу не хотелось обманывать старого лесника. Даже если он и не узнает.

Было уже почти три часа, когда Олег выехал с кордона. Ну, это сперва он выехал, а уже вскоре пришлось тащить велосипед рядом с собой, чертыхаясь и спотыкаясь. Кроме того, Олег вдруг сообразил, что не может найти нужное дерево! Это было так обидно и неожиданно, что даже слёзы навернулись на глаза — сами собой. Мальчишка стиснул зубы, обругал себя позлее и снова запетлял по лесу. Почти тут же его старания были вознаграждены — он буквально носом уперся в нужный дуб.

Уже знакомым способом Олег вскарабкался в развилку, привязав к поясу один конец верёвки — второй он закрепил за руль велика. Держась руками за раздвоенный ствол, он высунулся в ТУДА. Дождя не было, ветер улёгся, светило солнце, и Олег заподозрил, что

всё-таки стал жертвой глюков или правда спал. Но тут же совершенно определённо понял, что видимое им из развилки дуба только ПОХОЖЕ на то, что можно было увидеть, обойдя дерево по земле. Отсюда, из развилки, дуб с ТОЙ стороны был определённо ниже. И ещё — росли деревья, которых не было ЗДЕСЬ, НА ЭТОЙ СТОРОНЕ. И наоборот — НЕ росли те, которые БЫЛИ. Короче, лес был тот, да не тот.

Закрепившись получше, Олег втянул к себе велик и так же осторожно спустил его на ТУ сторону. Помедлил. Ему вдруг снова стало не по себе, очень захотелось, чтобы рядом оказался Юрка. Вдвоём было бы так здорово! Ну что он там может увидеть, в своей несчастной Австралии?!

Набрав в грудь воздуха, как перед прыжком в воду, Олег соскочил на ТУ сторону.

## ГЛАВА 7.

Чёртова Откоса Олег не нашёл.

Просто не нашёл, и всё, хотя место было то же самое, определённо. Но в утешение обнаружилась тропинка — довольно широкая и накатанная, она вела сквозь заросли примерно в том же направлении, что и заброшенная подъездная дорога. Только ездить по ней — грунтовой — было удобней, чем по песчаной дороге.

Чуть подсакивая на плавных кочках, Олег катил в сторону Марфинки. Ему казалось, что всё происходит во сне — невероятно классном, отпадном сне. Настроение оказалось таким, что Олег даже нарушил было усвоенное правило не шуметь в лесу — напевал песенку на мотив знаменитой застольной «У церкви стояла карета...»:

— Съезжались к ЗАГСу трамвай,  
Богатая свадьба была!  
Невеста, вся в белом такая,  
На радостях вдруг померла.  
Отец её что-то глотает  
(А был этим чем-то мышьяк!) —  
Он на пол упал, помирает,  
Под ним задохнулся свояк.  
Не сразу жених застрелился —  
В троих угодил впопыхах.  
Свидетель с тоски удавился —  
Он тайно любил жениха.  
Шофёра отдачей убило,  
Когда он вдруг начал стрелять.  
Оставшихся тёща добила —  
Чего уж!  
Гулять, так гулять!

Тропинка вывела его на лесную опушку и нырнула в зеленевшее хлебное поле — огромное, словно окантованное посадками. Припекало, солнце стояло ещё очень высоко. Если бы не сырость под шинами, трудно было бы поверить, что два часа назад тут шёл дождь.

— Хлеб, — слегка удивлённо сказал Олег, — значит, люди тут есть, точно.

Он задумался — если честно, то впервые с начала экспедиции. В конце концов, он всё-таки поступил опрометчиво. А что если тут живут какие-нибудь дикари? Да нет, уж очень большущее хлебное поле...

Впереди обозначились ещё одни посадки. Вернее, это сперва Олегу показалось, что посадки, потом он подумал, что это лес... а ещё потом подъехал к знакомому уже рву. Только в этом не росли крапива и лопухи, он был расчищен, и тропинка утыкалась в новенький мостик, покрашенный зелёной краской. «Школьный сад! — догадался Олег. Сухо прошуршал мостик под колёсами. — И, похоже, тут он не заброшенный...»

Действительно, он въехал в школьный сад с другого конца. В этом мире за садом ухаживали — ни валежника, ни сорняков... Тропинка, по которой Олег ехал, была хорошо утоптана, и где-то далеко впереди отчётливо слышались то собачий лай, то мычание коровы, неясные людские голоса...

Олег притормозил и остановился. «А ведь тут что-то не то, — тревожно подумал он. — Хоть перпендикулярный мир, но что-то он ОЧЕНЬ похож на наш, только... только...»

Он уже почти додумался, что «только», но внимание его отвлёк лёгкий шорох — шорох велосипедных шин.

...Олег стоял неподвижно, на фоне затенённых кустов, поэтому абориген параллельного мира его не замечал — ехал себе и ехал. Вполне обычный мальчишка — похоже, помладше Олега, одетый в клетчатую ковбойку со вшитым поясом и широким воротом, чёрные, простроченные алой нитью, джинсы (на ноге рядом с велосипедной цепью штанина аккуратно закатана) и потрёпанные кеды. Было в том, как он одет, что-то странное, как и вообще вокруг, только Олег не мог понять — что. Пыльно-светлые волосы мальчишки стянуты в хвост — и не на затылке, а на макушке, хиппует парень, странно, что заклёпку в ухо не вставил... Худые, но сильные, крепкие руки прочно удерживали руль какого-то несуразного, большущего велика с вытертым почти везде воронением. У велосипеда, как это ни смешно звучит, было что-то общее с танком. Велосипедист напряжённо всматривался в тень — очевидно, тоже слышал шорох, когда Олег ещё ехал — загорелый, большеглазый, с пухлыми обветренными губами.

— Привет, — сказал Олег и, толкнувшись ногой, выехал из тени.

— Йо! — вырвалось у велосипедиста, и он мгновенно остановился, сильно накренив своего монстра, чтобы достать ногой до земли. — Ты откуда это?!

Если он и удивился, то Олег удивился куда больше и куда явственней. Он даже почувствовал, как сам собой приоткрылся рот.

Это был не велосипедист, а велосипедистКА! Стоило ей заговорить, как Олег сразу сообразил это. Ну и у велосипедистов не бывает кое-каких ещё признаков... э... половых, которые Олег сейчас разглядел. А в заблуждение его ввело в первую очередь то, что у девчонки на лице не было ни грамма косметики! Ну и то ещё, как она управлялась со своим чудовищем — вблизи Олег разглядел жёсткое мужское сиденье и странный значок на стояке руля: словно бы солнце восходит и три вытянутые красные буквы: ЗИЛ. Про машины ЗИЛ он знает, конечно, но велики?... Не слышал.

— Ты девчонка! — не удержался Олег. — Я тебя за парня принял...

Та удивлённо улыбнулась, дотронулась пальцами до хвоста:

— С лэхэкэ? Парень?! Чё ты болтаешь-то?!

— С кем? — не понял Олег. — С каким кекеке?

— Да не кекеке, лэ-хэ-кэ, — девчонка подёргала себя за хвост. — Лошадка хочет какать.

Секунду Олег удивлённо смотрел на её причёску. Потом захохотал так, что какая-то птица взлетела с дерева над его головой. Девчонка заулыбалась и засмеялась тоже — смех у неё был какой-то НАПОРИСТЫЙ, но очень приятный, весёлый.

— На себя посмотри, чё у тебя на башке, — сквозь смех выдавила она, — чё, мама под горшок стригла?

— Это карэ! — оскорбился Олег за свою модную причёску, которая ему очень шла — по его мнению и общему признанию. Но тут же он повторил: — Лэхэкэ, — и засмеялся снова, так и не успев по-настоящему обидеться.

— А ты классная девчонка, — объявил Олег, просмеявшись. Велосипедистка чуть



свела светлые брови и как-то неуверенно сказала:

— В седьмом... ну, в восьмой перешла... А ты?

— А я в девятый перешёл, — немного удивлённо сообщил Олег.

— Ты, наверное, на каникулы приехал? — спросила велосипедистка и, не дожидаясь ответа, протянула ладонь: — Валя.

— Олег, — мальчишка пожал крепкую небольшую ладошку. — Ага, на каникулы. Из Воронежа.

Он сказал — и обмер. А что если тут нет никакого Воронежа?! Да и вообще, в России ли он?! Но Валя кивнула:

— Ага, знаю... Мама там училась на курсах. Так ты там и живёшь, и учишься? А сюда, наверное, недавно приехал? К кому?

— Да я вообще-то не сюда, — быстро сказал Олег, — я в Иконовку. А сюда так заехал. Вижу — тропинка, ну и покатил...

— О, это я тоже так люблю, просто ехать куда-нибудь, это зекенско, — оживлённо заговорила Валя. — Только смотри, а то наши мальчишки тебе и вколоть могут.

— Чего вколоть? — насторожился Олег. — У вас тут что, тяжёлыми балуются?

— Тяжёлыми? — моргнула Валя. — Чем тяжёлыми?

— Проехали, — вздохнул Олег. Валя кивнула:

— Ага, поехали. Хочешь — я тебе тут всё покажу, со мной не тронут.

«Странная девчонка, — думал Олег, нажимая на педали. — Человеческого языка не понимает, а сама какие-то словечки отпускает... Но ездит она здорово!» В самом деле, Валя катила на своём тяжёлом велосипеде уверенно и легко. И ещё не переставала говорить:

— Это чё, у вас теперь такие техасы носят? — она кивнула на джинсы Олега. — Нормально, только узкие, ездить неудобно... А кеды китайские, что ли?

— Это кроссовки, — немного удивлённо ответил Олег. — Английские, настоящий «рибок».

— Английские?! — удивилась Валя. — А у тебя там кто?

— Вообще-то родители бывают, — осторожно ответил Олег. Его не оставляло растущее чувство странности происходящего.

— Они что, дипломаты? — уважительно спросила Валя. Олег промямлил:

— Да нет, они типа по торговле...

— А, в торгпредстве, — понимающе кивнула девчонка и ловко объехала выбоину. Олег поспешно спросил:

— А ты местная?

— Марфинская, — отозвалась Валя. — Я прямо тут живу, в школе. У нас квартира.

— А школа работает?! — вырвалось у Олега, но девчонка не удивилась:

— Да нет, сейчас нет, конечно — лето же. Но мы-то всё равно живём.

По аллее — Олег не мог понять, был ли он тут в прошлый раз — они выехали ко въезду. Валя притормозила:

— Марфинка, — гордо объявила она.

Да, это была та самая деревня. Только лежала она вдоль накатанной дороги, по которой и сейчас ехали себе несколько телег. Ухоженные, жилые дома тонули в зелени аккуратных садов. Перемещались люди — пешком в основном, хотя около одного из домов мелькнула и скрылась стайка мальчишек на великах. Работал магазин. Двери клуба (под свежепокрашенным навесом с четырьмя целыми колоннами) были закрыты, но стенд КИНО стоял себе прямо и на нём что-то такое висело.

— Сегодня «Бродяга», индийский, — сообщила Валя.

— Пойдёшь? — машинально спросил Олег. Валя вздохнула:

— Кто б пустил... Вечерний же, до шестнадцати. Если только на протырку, когда много соберётся. Ты б, наверное, прошёл. Вон какой рослый, я б не подумала, что ты всего на год старше.

Позади взревело — и между ребятами со страшным треском и грохотом пронёсся

чёрный мотоцикл без люльки, громадный и угловатый. Над передним колесом была закреплена табличка, Олег прочитал: «Зундап, — поправил себя: — Нет, «Цундап», если по-немецки...» — и обмер. Окаменел от этого произнесённого про себя слова.

Мотоцикл затормозил. Седок — в чёрной коже, подшитых ей же бриджах, сапогах и крагах сдёрнул с лица большие очки с какой-то прикреплённой к нижнему краю занавеской и оказался ещё довольно молодой и красивой женщиной, чем-то разительно похожей на Валью.

— Здравствуйте, — очень отчётливо, чуть ли не по слогам сказал Олег.

— Здравствуй, — слегка насмешливо ответила женщина. У неё были цепкие глаза, немного неприятные от этой цепкости и прямого взгляда. — Вальюшка, я уехала! Буду в темноте, есть захочешь — знаешь, где что. Гостя не забудь накормить, и сама до темноты не летай! Если приеду — не будет, честное слово, сниму ремень со стены!

Она быстрым движением опустила очки — и только пыль завилась следом за мотоциклом.

— Валь, — по возможности твёрдым голосом спросил Олег, — у... это твоя мама?

— Ага, — Валька думала о чём-то своём, лицо у неё было сердитое.

— Она директор школы?

— Ну да. А чё?

— Ничего... А председателем у вас Изот Моржик?

— Он, гад такой. А что, про него уже и в Иконовке слышали?

— Слышали, — булькнул Олег. — А ваша фамилия не Кривошаповы?

— Ты про маму в газете читал? — лицо Вали стало гордым, как будто даже засветилось изнутри.

— Читал, — подтвердил Олег. — Значит, ты — Валя Кривошапова?

— Ну да, — недоумённо подтвердила Валя. — Эй, ты че?

— Ничего, — коротко ответил Олег. И добавил: — Ничего... Ва-аль... ты только не удивляйся... а какой сейчас год?

— Тысяча девятьсот шестьдесят четвёртый, — послушно ответила Валя.

## ГЛАВА 8.

Вы никогда не разговаривали с мёртвым человеком?

Вот так, наяву, стоя рядом около зелёной аллеи? Не с умершим мёртвым, что неизбежно, а с погибшим мёртвым? С тринадцатилетней девочкой, которой осталось жить пять дней?

И вы знаете, что ей осталось пять дней.

От этого не спрячешь голову под одеяло, как от страшного сна. Не отговоришься тем, что она всё равно давно погибла, что вокруг — лето 2001 года.

Три часа назад было лето 1964. И она — ЖИВАЯ! — приглашала тебя приезжать ещё на какие-то «дубки», обещая поспособствовать в налаживании контактов с местными мальчишками. Вот сейчас выйти из дому, добраться до того дуба — и опять будет 64-й! Так значит, она ЖИВА?! И ещё только ДОЛЖНА умереть?!

И ты про это знаешь.

Интересно, как это может произойти? Как в «Назад в будущее» — начнёшь слабеть, становиться прозрачным, а потом растаешь?! Вот жуть-то... Нет, погоди, Олег, ты про что это думаешь?!

В сто первый раз вертанувшись на мокрой от пота раскладушке, Олег сел. Стараясь ступать как можно тише, подошёл к двери и выбрался в относительно ночную прохладу, где устроился на крыльце. Оба кавказца гоняли по лесу, в конюшне тихо пофыркивали и переступали кони. Нет деревни. Нет школы. Нет девчонки. Было — давно. Прошло. Так

сложилась жизнь. Он, Олег, ничего плохого не делал. Надо просто больше туда не соваться, и всё тут. А там — пройдёт пять дней, и...

И он ночью будет спать. Спокойно спать в то время, когда Валька умрёт. И её мама умрёт. И что с того, что они уже умерли? Несколько часов назад он, Олег, видел их и они были живы.

— Ой блин!... — простонал Олег любимое присловье всех попавших в затруднительное положение мальчишек и сплюнул в траву.

Дети, особенно подростки, часто завидуют взрослым и обижаются на них — вот, мол, отдают распоряжения, и всё. Распоряжаться и я бы не хуже смог, а вы попробуйте-ка выполнять, это в сто раз труднее! А на самом деле — до чего тяжело, мучительно тяжело принимать решения. В сто раз тяжелее, чем выполнять. Конечно, если ты честный человек. Мерзавцу, тому и правда и решать легко тоже — главное, себя не обойти, себе не навредить, а остальное катись по указанному на заборе адресу...

Но он-то, Олег, не мерзавец.

Итак — никакое не параллельное пространство. Прошлые, в котором он, Олег, очень силен, потому что знает то, чего не знают живущие там люди. И он БУДЕТ действовать! Может, ещё и ничего не случится с ним, если он спасёт Кривошаповых. В самом-то деле, они же не Гитлер и не Сталин. К моменту их смерти Семёновы уже вообще в Воронеж переехали, как может отразиться на нём, на Олеге, происходящее в Марфинке?!

Это здравое соображение, почему-то раньше не приходившее Олегу в голову, его успокоило. Снова вернулось ощущение необычайного приключения, и Олег стал деловито вспоминать, что же он вообще знает от 1964 года?

Выяснилось, что почти ничего. Страной вроде бы управлял Брежнев... Владимир Ильич? Нет, стоп, это Ленин Владимир Ильич, а Брежнев — другой, но тоже Ильич. В 61-м полетел в космос Гагарин, и в том же году была денежная реформа. Кстати, старых денег у Князя полная шкатулка — старая тоже, вся резная... Войны какие-то шли. Кажется, во Вьетнаме шла. И ещё вроде на Кубе чуть ядерная не началась — Олег вспомнил одну из передач «Как это было». Точно, на Кубе. А вообще Советский Союз был крутым государством — его все боялись. Олегу вспомнилось ещё, как он видел хронику — Брежнев стучал по трибуне ботинком и кричал на американцев: «Мы вас похороним!» Нет, не Брежнев, а Хрущёв, но всё равно где-то в это время. Ещё все мечтали про космос и коммунизм. Армия была очень престижной. О! Ещё Олимпиада в Токио была в этом году. Или будет? Блин, запутался... Ещё все боялись, что будет война, даже присловье такое бытовало: «Лишь бы войны не было!»

Олег вздохнул. Да, знания были не особенно и солидными, зря он губки раскатал. Ну и ладно, в конце концов, он же там не будет вести беседы по международному положению! Его дело — другое. Итак, главное — предотвратить несчастный случай на дороге. А дальше — выяснить, был ли это на самом деле несчастный случай. Несмотря ни на что, Олег был уверен, что вся эта история с пьяным шофёром — «заказ» злокозненного председателя, убравшего соперницу по предвыборной борьбе. Очень даже просто! А эти тогдашние — они как средневековые, ни фига в таких делах не секут. Значит, потом нужно выяснить подробности и сделать так, чтобы впредь опасности со стороны Изота Моржика не существовало. Правда, не совсем ясно, как это на практике будет выглядеть. Но это потом.

И ещё — до чего же здорово будет посмотреть на тогдашнюю жизнь! Поближе познакомиться. Такого классного приключения ещё ни у кого не бывало! А вот интересно — как вообще появился этот проход между временами? Вырос вместе с дубом, что ли?...

...Когда Князь ещё затемно поднялся и вышел на улицу, он обнаружил Олега спящим прямо на крыльце. Мальчишка свернулся на ступеньке и улыбался во сне во весь рот — очевидно, ему снилось что-то хорошее...

...На этот раз Олег с утра никуда не поехал, объяснив Князю, что хочет побывать в Марфинке. Старый егерь не обиделся, а наоборот — словно бы даже обрадовался:

— Съезди, — кивнул он, — а то всё сидишь со мной, так и одичать недолго! Вторая

неделя идёт...

Едва Князь выехал со двора, как Олег предпринял налёт на шкатулку. Он никогда раньше не видел вблизи старинных денег — не интересовался, хотя старик в первый же вечер показывал шкатулку и говорил про них. Встав коленями на стул, Олег опустошил ящичек и начал увлечённо раскладывать купюры по номиналам. Теперь это была не просто бумага, никому, кроме филателистов, не интересная. Она внезапно обрела стоимость — и немалую! Мама рассказывала, что в те времена и у взрослых людей свободных денег почти не было. Но он, Олег, как говорят разведчики, легендирован сыном работников торгпредства за рубежом — у него, наверное, может быть немало денег. Олег вовсе не был жадным или высокомерным, но мысль, что можно будет похвастать, всё-таки оказалась приятной.

Купюры оказались меньше современных, какие-то смешные из-за этого, словно «деньги» в «Монополии». Рубль — жёлто-коричневый, трёшка — зелёная, пятёрка — синяя. На красной десятке, фиолетовой двадцатипятирублёвке, зелёной пятидесятирублёвке и коричневой сотне были профили Ленина, водяные знаки тоже состояли из портретов Ленина и пятиконечных звёзд. Монетки были медные — копейка, две, три, пять — и из какого-то светлого металла — десять, пятнадцать, двадцать, полтинник. Нашлись и два металлических рубля — тоже с ленинскими профилями. При внимательном рассмотрении Олег обнаружил на металлических монетах даты выпуска и тщательно отложил выпущенные позже 64-го года — не хватало ещё, чтобы его обвинили в том, что он делает фальшивые деньги! Вообще денег было больше семисот рублей — зачем их хранил Князь, неизвестно, между прочим, в той же шкатулке оказались и ещё более старые деньги, вплоть до царских начала XX века! Рассматривать их оказалось неожиданно интересно, но Олег с сожалением оторвался от этого занятия, сгрёб немногочисленную «годную» мелочь и после коротких раздумий отобрал сотенную, пятидесятирублёвку, две двадцатипятирублёвки, по три десятки, пятёрки и трёшки и шесть рублёвок. Двести шестьдесят с копейками. Олег знал, что это две хороших зарплаты взрослого человека в то время и чувствовал себя богачом.

Подумав ещё, Олег взял и один из ножей Князя — не те, что висели на стене рядом с ружьями, а из ящика, где хранились охотничьи припасы — там лежали полдюжина клинков, и Олег выбрал новенький военный «оборотень» — раскладной, с разными прибабасами вроде открывалки и гвоздодёра. Подумав, мальчишка закрепил ножны, расширив ремешок, на правой ноге, над щиколоткой, и опустил штанину джинсов. Как она их обозвала? «Техасы»? Олег покрутил ногой — не мешает. Конечно, сразу не достанешь, но и незаметно... ТАМ, в 64-м, лето не такое жаркое, и Олег оделся, как в прошлый раз, только вместо привычных кроссовок, чтобы не возникало вопросов, надел старые кеды, которые привёз с собой, чтобы ходить по дому. Правда, с тех пор он их так и не доставал, предпочитая ходить босиком, но вот —годились. Деньги Олег убрал в карманы ковбойки: сотенную и полусотню — в один, все остальные — в другой.

Вот теперь он готов. Итак — вперёд, в прошлое!

## ГЛАВА 9.

Полевая дорога, как и в прошлый раз, была пустыня. Но откуда-то издали слышался шум техники и вроде бы людские голоса. Заградительные лесополосы создавали эхо, невозможно было понять, откуда несутся звуки, далеко или близко их источники... Олег не особенно спешил, раздумывая над важной проблемой: открыться Вальке или нет? Конечно, он всегда может ей доказать, что говорит правду. Но мальчишка представил себе, как сам бы он отреагировал, перенеси его кто-нибудь на сорок лет вперёд и покажи опустевший Воронеж. А она девчонка, у них натуры тонкие, даже если гоняют эти натуры на мужских великах. А если она решит, что он врал, что он ей туфту впаривает (кстати, как это тут говорится?) — конец его планам спасения, она его и близко не подпустит! И ещё Олег вдруг

подумал, что эта Валька — симпатичная. Такая... естественная, пришло ему в голову взрослое слово. Ничего из себя не строит, не прикидывается веником... Интересно, умеет она целоваться? Сам Олег умел и неплохо, хотя на девчонок вообще поглядывал с долей презрения.

Он так и сяк обсасывал эту приятную мысль и не сразу заметил, что впереди появился и приближается столб пыли — совершенно точно, навстречу ехала машина. Разминуться тут было негде, и Олег, свернув на обочину, остановился, чтобы пропустить транспорт.

Из пылевого облака показался открытый, похожий на юркого любопытного зверька с глазами-фарами автомобильчик болотного цвета. Олег узнал «виллис» — первый на свете джип, который во время войны десятками тысяч производился в США и поставлялся её союзникам, в том числе — СССР, а сейчас встречается в основном на экранах телевизоров. Мальчишка отвернул лицо от пыли, успев заметить, что в джипе сидят двое, но «виллис» совершенно неожиданно затормозил рядом с ним.

— Эй, парень! — послышался громкий, начальственный голос. Олег обернулся — рядом с шофёром — молодым парнем в майке — сидел плотненький, хотя и не толстый, невысокий человек, одетый в рубашку с вышивкой по вороту и то ли кепку, то ли фуражку неопределённо-пыльного цвета. На одутловатом, почему-то незагорелом, лице самой яркой деталью являлись небольшие усики. Их владелец выглядел не молодым и не старым. — Подойди сюда! — он махнул Олегу рукой, на которой оказались большие часы на широком кожаном ремне.

Честное слово, безо всякой задней мысли Олег ответил так, как его научили отвечать — с самого детства:

— Простите, я вас не знаю, — и поставил ногу на педаль, готовый в любой момент рвануть по дороге. Уже в следующую секунду он сообразил, что его ответ «не катит», но уса́тый побагровел, выпучил глаза и рывкнул, в конце несолидно сорвавшись на визг:

— Не знать своего председателя колхоза?!

— А вы не орите на меня! — оскорбился Олег-2001, если так можно сказать. Никто из взрослых (кроме родителей, но это дело другое) ни разу в жизни не повышал на него голос. Но тут же Олег сориентировался и попытался смягчить разговор: — Я не здешний, дядь...

До него уже дошло, что судьба свела его с тем самым Моржиком, которого он заранее записал в убийцы Кривошаповых. Выглядел председатель не очень солидно: ни «мэrsa» с охраной, ни гаек на пальцах, ни полупудового креста с «гимнастом» на цепаке... Но с другой стороны, может тут, здесь, такая рубашка — самая крутизна? А личного транспорта тут вообще — одни телеги, «виллис» за «линкольн» сойдёт только так.

Судя по всему, Моржик тоже оценивал пацана, но с какой-то своей точки зрения. Молодёжь он считал самым вредным на свете народом и всеми правдами и неправдами старался сплавить её из села. Мальчишка — рослый, хорошо одетый, неуловимо «городской» — по виду ему был не знаком, разговаривал и держался так, как не всякий взрослый осмелился бы... Вроде похож на сына секретаря райкома! Нет, не он, но явно откуда-то «сверху»... Вон и ке́ды китайские, таких и в области-то не достанешь, а он в них на велосипеде раскатывает... и сам велосипед с заграничными надписями, гэдээровский, что ли? Мало ли какое начальство приехало по соседству отдыхать — в Иконовку, Чудновку, Кузьминку или Дребень. Сидят где-нибудь, пиво пьют, а пацан вот по округе раскатывает — не влипнуть бы с ним, мало ему неприятностей от этой сумасшедшей директорши!

— А, ну, если нездешний, — милостиво, чтобы «сохранить лицо», и в то же время всё ещё недовольно ответил Моржик, опускаясь на место, с которого начал было приподниматься, — тогда чего, ладно тогда... Да я ведь не просто тебя остановил, мне что — кататься, дорога народная... Бригадиру третьей бригады писульку забыл передать, а возвращаться — бензин жечь, народное добро опять же — гляжу, вроде мой едет, дай думаю — передам.

«Твой», блин! — возмутился Олег. — Нашёл мальчика-раба с плантации чупа-чупсовых деревьев, таракан безусый!» Но вслух сказал:

— А вы давайте, я всё равно в Марфинку еду. Найду и передам.

— Передашь?! — искренне обрадовался председатель. — Вот и славно!

На, держи — бригадиру третьей бригады, запомнил? Он часом должен на полевой стан подъехать — это вот дорогой, дорогой, в школьный сад не сворачивая, тебе и будет за ним полевой стан! — он передал подкатившему ближе Олегу сложенный листок блокнота и подмигнул: — Эх, машинка у тебя — я б сменился, да возраст не тот! Ну, бате привет... Поехали, Вить.

Когда они отъехали метров на сто, молчаливый Вить спросил:

— А вы его отца-то не то знаете, Изот Анисимович?

— А как же, — важно ответил Моржик. — Значительный человек в районе, да вот мальчика я сперва не признал, до того ли... Ты вон давай, смотри на дорогу, смотри!...

...Вообще чужие письма читать нехорошо. Это Олег знал. Но одно дело — письмо честного человека, другое — письмо врага возможно своему сообщнику. Поэтому Олег, дождавшись, когда «виллис» исчезнет в клубах им же порождаемой пыли, бестрепетно развернул записку. У председателя-террориста оказался хорошо читаемый, чёткий почерк старательного первоклассника, а сама записка была написана непонятными, очень яркими и жирными чернилами. «Гелевая ручка, — подумал Олег и тут же посмеялся над собой: — Ага, с какой горы гелевая — «вечная» их называли, с чернилами и насосиком для накачки! Так, что он тут пишет-то?...»

После обеда ставь своих на свёклу... Борьке скажи, чтобы подбросил на тележке...

Если это не хитрый шифр, то дело самое обычное. Олег с неудовольствием вздохнул. Да, теперь придётся пилить на этот полевой стан. Впрочем — мальчишка тут же воспрянул духом — надо познакомиться с театром боевых действий, как военные говорят. Почему бы и не проехаться?

Он спрятал записку в нагрудный карман и нажал на педали, с удовольствием ощущая, как здорово идёт велик. Похоже, здешние велики быстрее за счёт тяжести и диаметра колёс — зато его маневренней и удобней на пересечённой местности... А председатель похож на отрицательного героя из старых фильмов, вот на кого! Как две капли.

Олег проехал мимо поворота в школьный сад. Потом долго катил вдоль этого сада — мостков через ров было ещё несколько, и возле одного из них колотил молотком чем-то знакомый человек. Увидев Олега, работающий приветственно махнул рукой и что-то нечленораздельно прокричал. Только отъехав уже довольно далеко, Олег понял — да не прокричал, а промычал, и видел он немного Романа! Чёрт, а ведь и Князь сидит на кордоне! Вот интересно: если явиться к нему с какой-нибудь ерундой, вспомнит он через сорок лет, что уже видел Олега?! Нет, стоп. Лучше таких штучек не откалывать... В душе Олега шевельнулось прежнее опасение. Не стоит.

Теперь он ехал через поля, раскинувшиеся по склонам холмов. Справа на них тянулся лес, слева, в низине, за узкой пыльно ленточкой дороги через другие поля, засеянные чем-то ещё, не хлебом, медленно продвигались ломаные цепочки людей. Стояла большая бочка с водой, казавшаяся отсюда игрушечной, как и впряжённая в неё лошадь.

Холмы были пологие, но подъёмы — очень длинные и неудобные. Олег уже отдувался, когда, взобравшись на очередной перевал, увидел внизу, примерно в двух километрах, кучку зданий и навесов. Оттуда поднимался дымок и слышались отчётливые удары по металлу. На утопанной до серебряного блеска земле стояли два больших грузовика и неуклюжий комбайн, около которого возились люди. Воздух был так спокоен, тих и прозрачен, что Олег слышал даже, как там, внизу, кто-то поёт, дурашливо налегая на «о»:

— Ты куда, Одиссей?!

От жены, От детей?!

— Шла бы ты дОмОй, ПенелОпа!

Олег усмехнулся и, слегка притормаживая, покатился вниз.

Работавшие около комбайна люди — двое молодых мужчин в комбинезонах серо-зелёного цвета на голое тело и кирзовых сапогах, а с ними мальчишка, одетый так же и ещё более солидный — издалека наблюдали, как Олег мчится к зданиям. Тропка резко сворачивала, обходя большие выбоины — Олег пролетел напрямик, развернулся на заднем колесе и ногой затормозил рядом с людьми. Мальчишка завистливо прищурился и пренебрежительно хмыкнул. Один из мужчин весело сказал:

— Здорово.

Его напарник, держа на весу чёрные, промасленные руки, кивнул:

— Привет.

— Здрасссь... — улыбнулся Олег. — А мне нужен бригадир третьей бригады. Он здесь?

— Скоро будет, — ответил первый мужчина. — Да ты пока подожди вон там, — он кивнул на широко открытые двери в кирпичном здании — единственном кирпичном на всём большом пустом дворе.

— Ага, спасибо, — поблагодарил Олег и, соскочив с велика, пошёл к лавочке у входа, в тени. За его спиной кто-то из работяг сказал: «Нездешний,» — потом упруго лязгнул металл и снова послышалось громкое, воодушевлённое пение:

— Как-то шёл сатана,  
шёл, скучал!  
И к солдатке одной  
постучал!  
Говорит: «Я тебе  
слова не скажу,  
Просто так, — говорит, —  
посижу...»

Прислонив велик к стене, Олег сел на скамейку, земля вокруг которой была усыпана шелухой от семечек с редкими вкраплениями окурков. За каменным домом Олег заметил длинные навесы со столами и скамьями, вкопанными в землю. Молодая женщина в платочке протирала столы тряпкой, по временам куда-то посматривая из-под руки, приложенной к бровям. Кроме редкого лязга и пения под комбайном тишину ничего не нарушало. Когда эти звуки затихали — становилось слышно, как ветер — точнее, воздух — гудит в телефонных проводах, подходивших к полевому стану на тонких столбах, цепочкой тянувшихся через поля — столбы были совсем новые.

— Слышь.

Олег неспешно обернулся. Рядом стоял тот мальчишка. Олег молча посмотрел на него. Подраться хочет, что ли? Он, конечно, старше, но Олег был уверен — он сможет тут навалить почти любому, если противник не будет уж намного тяжелее.

— Слышь, как тебя зовут? — спросил мальчишка.

— Олег, — Олег первым протянул руку. Жёсткая ладонь мальчишки пожала её — явно излишне сильно — но Олег не уступил.

— А меня Васёк... Василий, — поправился мальчишка. — Слышь, Олег, дай на твоих колёсах погонять. Немного. Я таких не видел никогда. Иностранный?

— Иностранный, — Олег щёлкнул пальцем по рулю. — Да бери.

Васёк-Василий сделал круг по площадке, выписал несколько фигур и вернулся к Олегу. Прислонил велик на место и присел рядом. В оттопырившемся кармане комбинезона Олег заметил у него пачку сигарет.

— Экенский велик, — признал Васёк. — Только чего он чудной какой-то? Разгоняться фигово.

— Зато на пересечённой местности ездить клас... хорошо, — не уступил Олег.

— Это да, — не стал спорить Васёк. — А ты нездешний?

— В Иконовке отдыхаю, — продолжал придерживаться своей «легенды» Олег. — А ты подрабатываешь?

— Работаю, — солидно поправил Васёк. — В техникум на механизатора скоро буду поступать. Механизаторы везде нужны.

— Уезжать хочешь, что ли? — уточнил Олег. Васёк вздохнул, пожал плечами:

— Да я б не уехал... А что тут делать? Свою технику не покупают. Много кто уехать хочет... Есть будешь?

— Поел бы, — признался Олег. После долгого раскатывания по полям у него разыгрался аппетит. — А где?

— Во! — удивился Васёк. — Да вот она, столовая-то! Пошли.

По длинному — тёмному и прохладному — коридору Олег следом за мальчишкой прошёл в небольшой зальчик, где стояли несколько столов со скамьями. Пахло холодной водой от протёртых полов. Из полукруглого окна раздавались стук, лязг и плюханье. Васёк, словно подводник на лодке, по пояс въехал в это окно и заорал:

— Тётъ Зин!!! Накорми человека!

Из помещения, где плюхало и гремело, раздалось невнятное ворчание, Васёк судорожно дёрнул сапогами и выпал обратно, потирая лоб. Тут же подмигнул Олегу:

— Всё путём. Сейчас.

Две красные руки — обладательницы их Олег так и не увидел — метнули на влажный прилавок пару солидных мисок, пустую кружку и большущий кусок хлеба. А потом одна из рук требовательно указала куда-то под потолок. Жест оказался таким властным, что Олег невольно поднял глаза — и увидел на стене красочно исполненный плакат:

ХЛЕБА К ОБЕДУ  
В МЕРУ БЕРИ!  
ХЛЕБ — ДРАГОЦЕННОСТЬ,  
ИМ НЕ СОРИ!

От мисок пахло обалденно. В одной над уровнем ярко-красного борща горделиво возвышался кусок говядины. В другой две крупных самодовольных котлеты были небрежно брошены в центр груды макарон. Немного смущала пустая кружка, но Васёк, подмигнув снова, куда-то скрылся с ней и вернулся, держа кружку наполненной холодным молоком.

— Шамай.

Олег присел за стол. Прежде чем он отправил в рот первую ложку, Васёк выдохнул:

— Ох ё! Часы, чё ли?!

Олег посмотрел на украшавшие его запястье массивные «командирские» и ругнул себя, что надел их. Но он так привык ощущать часы на своём запястье, что надевал их по утрам чисто автоматически, как рубашку.

— С секундомером, с компасом... — заворожённо перечислял Васёк. Прочитал надпись:

— Ко-ман-дир-ские-е... Откуда такие?!

— Понимаешь... — Олег понизил голос, — отец был ТАМ. Короче, ТАМ, понял?

— Понял... — глаза Васька загорелись, как две серые лампочки, он тихонько и не очень мелодично пропел:

— Солнцу свободы над Кубой гореть —  
Родина или смерть!...

Эх-ха, вот бы куда махнуть! Вот там жизнь. А твой батя Фиделя видел?!

— Да он не рассказывал ничего. — отмахнулся Олег. Васёк солидно кивнул:

— Эт конечно... Да ты ешь, ешь давай.

Борщ, котлеты и макароны оказались очень вкусными, а хлеб немного странным. Олег



как раз допивал молоко, когда снаружи послышался чей-то громкий голос, потом смех, шаги в коридоре, и Васёк сказал:

— О, вот бригадир. Что там для него у тебя?

## ГЛАВА 10.

Вблизи Марфинка показалась Олегу странной. Он ехал по улице с другого конца, отвечал на приветствия старушек, возившихся почти у каждого дома и провожавших его любопытными взглядами, а сам напряжённо думал, что же такого необычного и непонятного в облике деревни? А потом догадался. Ни над одной крышей не было телевизионной антенны! Это показалось таким забавным, что мальчишка поехал медленней — и почти столкнулся с высыпавшей на дорогу компанией человек из шести его возраста: четверых пацанов и двух девчонок. Судя по тому, как блестели их волосы и по мокрым пятнам на одежде, они только что обливались во дворе водой — наверное, вечное занятие, которому предавались в жару и в средние века, и в первобытном обществе... Девчонки были в платицах и сандалетах, мальчишки — кто в чём: один в таких же «техасах», как у Вальки, только не чёрных с красным прошивом, а в синих с жёлтым, кто босиком, кто в сандалетах же или кедах, кто в тренировочном костюме или рубашке с подкатанными рукавами...

— Привет, — дурашливо подёргал себя за волосы на макушке довольно рослый мальчишка со шkodливymi глазами табачного цвета — как раз тот, в техасах. — Откуда такое чудо?

— Чудо ты в зеркале увидишь, — приятно улыбнулся Олег. Все шестеро примолкли — в их время так не говорили, — но потом разобрались в сказанном и заулыбались тоже. Обрадованно — неизвестный, кативший по их улице, как по своей, сам шёл на конфликт.

— Колёса-то положи, а то погнутся, — без злобы посоветовал всё тот же мальчишка. — Жалко будет и уматывать придётся пёхом, а тебе будет хотеться побыстрее...

— Не хочу я драться, — вздохнул Олег. — Честное слово, ребята. У меня тут дела есть.

— Он наш новый председатель, — хмуро, без улыбки, предположил скуластый мальчишка в синем трико.

— А вам старый больше нравится? — уточнил Олег. — Ладно, кучей бить будете, или как? — он положил велосипед на траву, зорко следя, чтобы на него не бросились в этот невыгодный момент. Странно — мальчишки и с места не двинулись, подождали, пока он выпрямится. — Или, может, колями от забора подерёмся?

Мальчишки запереглядывались. Тот, в техасах, спросил:

— А правда, откуда ты такой?

— Отдыхаю тут недалеко, — ответил Олег.

— Ну, заодно и полечишься, — удовлетворённо сообщил мальчишка и быстро выкинул кулак вперёд, одновременно целя другим «под ложечку» Олегу.

...Когда он поднялся с пыльной травки, Олег всё ещё стоял, быстро посматривая по сторонам — опасался, что накинута кучей. От троих можно было и не успеть отмахаться. А если ещё и мочалки наедут — вообще кранты. Девчонок Олег бить не умел, хотя многих и стоило. Но никто и с места не тронулся.

Мальчишка поднялся с травы, отряхнулся и сообщил:

— Самбист.

— Не без этого, — согласился Олег и обвёл всех взглядом: — Ещё кто-нибудь хочет потолковать с городским хлюпиком?

Все засмеялись — в том числе и мальчишка, которого Олег секунду назад швырнул на траву.

— И всё-таки ты откуда? — вполне дружелюбно повторил он свой вопрос.

— Правда отдыхаю тут недалеко, я же сказал, — не стал углубляться в тему Олег. — А

где тут найти Валю Кривошапову?

— Валюшку? — спросил кто-то из мальчишек, а обе девчонки захихикали не без завистливого ехидства. Ход их мыслей, одинаковый во все времена, просекался «на раз»: «Жених и невеста! А он ничего. И городской, и смелый...» — А она недавно совсем в магазин прокатила. Показать?

— Сам найду, — ответил Олег, поднимая своего «стального коня» (а точнее — «карбонового пони») из травы. — Разучивайте приёмы, молодёжь. В жизни пригодится.

Больше всего он опасался, что попросят покататься на велике. Отказать было бы неудобно, но это значило опять терять время. Судя по всему, Валентина не любила засиживаться на одном месте — купит чего ей надо там, а потом усвищет куда-нибудь. Но велосипед у него не спросили, хотя и проводили завистливыми взглядами.

Олег проехал мимо клуба, на дверях которого появилось большое объявление, что «состоится вечер проводов комсомольской молодёжи на ударные стройки». Ниже стояла дата и фамилия ответственного. Дата — завтрашняя, фамилия — неразборчивая. Так-ак, коварный председатель подло обескровливает деревню, откачивает из неё наиболее молодые, здоровые силы. Всё ясно. Уж не на этих ли проводах тётя Вера обозвала его дезертиром? Блин, плохо запомнил, когда что было...

Навстречу прокатили парень и девчонка лет по 16-17 — на велосипедах, из небольшого приёмничка, висевшего на руле у парня, незнакомый голос распевал про Ладую-Ярославну и железный звон кольчуги — получалось лучше, чем у Малинина в «Старых песнях о главном-2» — этот музыкальный фильм любили смотреть предки, ну и Олег смотрел. Ничего, прикольный, и песни неплохие. Особенно «На безымянной высоте». Олег никому не признавался — отпадут со смеху! — но от этой инсценировки у него мороз шёл по коже...

Задумавшись и не обращая внимания на происходящее, Олег докатил до сельмага. Возле железных перил крыльца притулился велик Вальки. Ага, здесь! Олег, спрыгивая с велосипеда, вдруг поймал себя на мысли, что волнуется. С чего бы это вдруг? Прислонив свою машину рядом, Олег вошёл внутрь.

В большом помещении продавщица, облокотившись на прилавок, выслушивала пространную исповедь бодрой бабульки в платочке и непонятном одеянии. Речь шла о каких-то покойниках, обе стороны оказались настолько заинтересованы, что на Олега и внимания не обратили. Мальчишка осмотрелся и понял, что Вальки среди полок с товарами (он бы, кстати, не отказался рассмотреть их получше — интересно же!) нету.

— А когда помер-то? — спросила продавщица. Бабулька, пожевав губами, дала убийственный ответ:

— Дыть, Вер — через девять дней аккурат будет две недельки... И ведь как оно...

Не успел Олег придти в себя от убийственного бабушкиного подсчёта, как его отеснило в сторону что-то, чудовищно вонявшее перегаром в смеси с бензином и машинным маслом, кто-то прохрипел: «Примись, примись...» — и в помещение сельмага проник невысокий, какой-то весь корявый, хотя и нестарый мужичонка в промасленных галифе и ветхой майке. Видно было, что ему немалых трудов стоило не промахнуться мимо прилавка — сперва он направился к весам, затормозил, с сомнением на них поглядел, решительно тряхнул головой и причалил к прилавку напротив продавщицы.

— С утра, — нейтральным тоном сказала она. Бабка, отодвинувшись, косилась на водилу с неодобрением. Шофёр пошевелил губами, что-то просипел, потом более внятно потребовал:

— Поправиться...

— Перебьёшься, — спокойно ответила продавщица, — не сорок первый.

— Во-во, — оживилась бабуля, — ты молодой ишшо...

— Бабуль, — мучительно прохрипел водила, — ты голосу не повышай, ради Христа, а то у меня не ровён час глаза выпадут... Вер, не пил я. Это с вечера. Поправиться — один хрущовский. Как женщину прошу.

— Один хрущовский?! — взвилась продавщица. — Да ты с одного хрущовского на

танк с вилами полезешь! Иди вон к колодцу, разбавь! Тебя, Коль, сюда работать прислали, а не водяру жрать! А ты не просыхаешь! Иди отсюда — мне сказали, что если буду водяру кобелям продавать до вечера, у меня её стоимость из получки вычтут! Давно я ваши пьянки не оплачивала — из своего-то кармана!

— Не дашь?! — голосом человека, которого все предали, спросил водитель. Вместо ответа продавщица показала ему смачную фигу. — Ладно. Ну дай хоть я тебя напоследок чмокну.

— Че-го?... — угрожающе протянула Верка. — Это как чмокну?!

— А вот так, — шофёр оттолкнулся от прилавка и удалился с полными достоинства словами: — Чмо ты, Верка.

— Алкаш! Проглот! — заорала вслед продавщица, но за мужиком уже хлопнула дверь. — А тебе чего?!

— Валька где? — деловито поинтересовался Олег. Продавщица моргнула, огляделась и спросила:

— А и правда — где ж она?... Марьстепанна, она ж тут была?

— А уехала, — охотно сообщила бабуля. — За ними ить нонеча не углядишь, носят, как оглашенные...

— Спасибо... — растерянно ответила Олег и вышел за дверь, краем уха услышав, что интригующий разговор на кладбищенские темы возобновился.

ЗИЛ Валентины стоял рядом с его горным. Но ни заволноваться, ни даже толком удивиться Олег не успел — до его слуха совершенно отчётливо донёсся из-за магазина голос Валентины:

— Я тебе чё, неясно сказала — отклейся! — и в ответ чей-то неразборчивый басок. — Рукупусти! — и уже отчётливый вскрик мальчишки:

— Ой, блин! Ты чего?!

Двумя прыжками Олег преодолел расстояние, отделявшее его от покосившейся уютной будочки светло-зелёного цвета за магазином, из-за которой непосредственно и неслись голоса. Валька, похожая на рассерженную кошку, стояла, прижавшись спиной к «туалету типа «сортир» — сегодня она оказалась одета в чёрный спортивный костюм и кеды, в одной руке была зажата авоська. Напротив неё, поднеся к губам кровоточащую четырьмя длинными царапинами ладонь, замер мальчишка постарше Олега — и повыше, одетый в вельветовую куртку, техасы и ботинки. Лицо у него было растерянным, обиженным и злым. Мельком посмотрев на Олега, как на что-то незначашее, парень прошипел:

— Ну, дурка учительская — держись. Я-то по-хорошему хотел... — и добавил несколько ругательств. Потом вновь посмотрел на Олега и рывкнул: — А ты чё встал?! Вали отсюда, ну?!

— Извинись перед девчонкой, баклан, — угрожающе сказал Олег. — Быстро!

— Олег, не надо, пойдём... — Валентина отошла от туалета, но парень неожиданно рванул её за плечо и отбросил обратно — так, что она стукнулась спиной о боковую доску и вскрикнула.

Олег прыгнул вперёд... и покатился по траве, сбитый безжалостным и точным ударом в скулу — таким, что небо не сразу перестало кружиться перед глазами.

— Лежи лучше, — предупредил парень, — я боксом занимался в городе.

Он, правда, не упомянул, что из секции в ДЮСШ — детско-юношеской спортивной школе — тренер выгнал его с позором, едва узнал, что подававший надежды подросток использовал преподаваемое ему умение для расправ с теми из ребят, кто осмеливался сказать ему что-то поперёк. Впрочем, выгнанный не слишком огорчился — преподанных уроков ему с лихвой хватало для того, чтобы бить парней даже старше себя. Практически все затеваемые им — или с ним — драки заканчивались примерно так, как сейчас. В от только он не понял, что драка-то и не начиналась пока.

Олег вскочил — прыжком, из положения лёжа. Глаза у парня расширились, такого он не видал даже в кино.

— Олег, не надо! — крикнула Валентина. — Он тебя избьёт!

— Меня? — искренне удивился Олег. Злости он не ощущал. Тот, кто злится, проигрывает бой, это всё враньё, что злость придаёт сил. Она только ослепляет. — Вот уж нет.

Увидев, что так ловко вскочивший на ноги противник отвёл глаза и болтает с девчонкой, парень бросился вперёд, целясь нанести удар в так удобно подставленную щёку.

Следующее, что он увидел, была стремительно приближающаяся стенка туалета.

Доски сухо хрястнули и просели. Агрессор мягко хлопнулся на спину с сосредоточенно закатившимися под лоб глазами. Олег отряхнул руки:

— Примерно так.

— Самбо, — определила Валентина. И тут же попросила: — Научи, а?

— Посмотрим, — туманно отозвался Олег. — А этот придурок — он кто?

— Так это сын председателя! — удивилась Валентина. — Ты что, не знаешь его?... Точно придурок. Даже учится в городе.

— А это что — показатель глупости? — засмеялся Олег. — Чего ему понадобилось, деньги, что ли?

— Не деньги, — Валентина отвела взгляд в сторону и немного покраснела. Олег глубокомысленно сказал:

— Ясно.

— Ты с ним поосторожней, — предупредила Валентина. — У него, говорят, обрез есть, он ещё в прошлом году перед мальчишками хвастался. Ему многие вколоть хотят, только он здоровый. Да и с папашей поди только свяжись... А ты чё приехал?

— Тебя искал, — Олег мельком посмотрел на завозившегося «мажора», как он про себя окрестил противника. Глаза у него вернулись в определённое природой положение, но упорно разъезжались по углам, лоб заливало синим.

— А я в магазин за хлебом, — почему-то вдруг смутилась Валентина. Коснулась скулы Олега, покачала головой: — Зе-екенский фонарь... Медяк приложи.

— «Випросал» есть? — спросил Олег и сам себя выругал. Но Валентина просто покачала головой:

— Нет, такой вещи нет. Это что?

— Мазь от ушибов... — промямлил Олег и быстро предложил: — Ладно, пошли в магазин, я тоже кой-чего куплю.

## ГЛАВА 11.

Пока Валентина покупала хлеб, Олег стоял и рассматривал полки, замечая, что и продавщица рассматривает его — вышел без фингала, вошёл с фингалом... Олег был готов к тому, что она отпустит какую-нибудь шуточку и напоминал себе, что в этом времени продавщицы чувствуют себя элитой общества — тут их никто не выгонит с работы по жалобе клиента и не пригрозит им, что будешь пользоваться другим магазином... Но женщина помалкивала.

— Всё, я купила, пошли, — с этими словами Валентина подошла к мальчишке.

— Подожди. — немного неловко ответил Олег. — Конфет хочешь?

— А у тебя чё, деньги есть? — удивилась девчонка. Олег секунду помолчал, рассматривая её гибкую фигурку, ладно обтянутую спортивным костюмом — как видно, дешёвеньким, но очень пришедшимся «к лицу».

— Может, найдутся, — улыбнулся он, ощущая себя заезжим миллионером, решившим ошастливить провинциалку. — Пошли, выберешь.

На прилавке стояли, закрытые стеклом от мух, несколько вазочек с образцами. Валентина, не колеблясь, указала подбородком на одну из них и шепнула:

— Вот... «подушечки»...

— Полтинник за килограмм? — Олег презрительно рассматривал желтовато-зелёно-синие комочки в крупинках сахара. — Нда... Пожалуйста, «Мишки на севере», шоколадные, два килограмма, — обратился он к продавщице. — Вон те, по шесть сорок пять.

— Наследство получил? — проворчала она, берясь за совочек.

— Это моё дело, — коротко ответил Олег. Продавщица было открыла рот... но ничего не сказала. На секунду её — женщину с большим опытом! — охватило странное ощущение: что с ней разговаривает не сопляк-мальчишка, а какое-то начальство, таким уверенным и холодным оказался голос этого щенка. — Спасибо, — не забыл поблагодарить Олег, расплачиваясь.

Но когда он оглянулся — Валентины не было.

...Он выбежал на крыльцо как раз когда девчонка, повесив авоську с хлебом на руль, седлала свой велик.

— Валюшк, — вырвалось у него само собой, — ты чего?!

— Ничё, — дёрнула плечами она, не оборачиваясь на растерянно стоящего на крыльце мальчишку.

— Валюшк! — Олег растерянно спустился по ступенькам и встал рядом, заглядывая искательно в лицо девчонки — упрямое и нахмуренное.

— Валюшк, что я сделал-то, ну?!

Голос его прозвучал обиженно и почти со слезами. Покусав губу, Валентина развернулась к нему, продолжая придерживать велик рукой. Глаза у неё были серьёзными и неприязненными:

— Олег, — с расстановкой спросила она, — откуда у тебя деньги?

— Деньги? — растерянно переспросил Олег. — У меня?

— Если ты их украл — то ко мне больше не подходи, — по-прежнему неприязненно сказала Валентина. — Нам ворованного не надо

Олег моргал и приоткрывал рот, потом снова закрывал его. В его времени девчонке, которую угощаешь, не пришло бы и в голову, не вскочило бы даже, поинтересоваться, откуда у парня деньги! Есть — и хорошо. Много — ещё лучше. А тут... «Ну дикая! — с изумлением и одновременно с восхищением подумал Олег, не зная, ругаться ему или смеяться. — Ну село!»

— П-почему украл? — с трудом выдавил он из себя.

— Я же видела пачку! — сердито бросила Валентина. — Там много! Откуда у тебя столько, ты же мне ровесник?!

— Валюшк, я не крал, — Олег замотал головой. — Я отвечаю, на что хочешь отвечаю — не крал, правда! Я вообще чужого никогда не возьму, мне родители дают. А где их тратить — в селе-то?! Ну что ты наезжаешь не по делу, ты думаешь, я туфту гоню?!

Валентина вдруг рассмеялась.

— Ты так чудно говоришь! — проговорила она сквозь смех. Но тут же вновь посерьёзнела: — Если говоришь правду — поклянись. Честным пионерским под салютом. А то сразу уеду, понял?!

«Вот это фишка — обба! — подумал Олег. — Чего она хочет? Если скажу, что не пионер и не был — вообще в агенты ЦРУ запишет. Ой, блин!»

Призвав на помощь все воспоминания о виденных фильмах и чувствуя себя на редкость глупо, Олег вскинул ко лбу прямую ладонь и отчеканил:

— Честное пионерское, не вру! — и добавил жалобно: — А конфеты — ну хочешь, я их выкину, Валюшк?!

— Купил — надо есть, — поспешно сказала Валентина. И засмеялась, когда Олег улыбнулся. — Только погоди, не сейчас... Я хлеб отвезу — поедешь на речку? Или ты торопишься?

— Не-а, — мотнул головой Олег. — Я на весь день приехал.

А про себя вдруг подумал, что это и в самом деле будет здорово — провести здесь весь

день.

...Сразу поехать на речку не удалось — несмотря на протесты Олега, его усадили за стол, и обнаружилось, что, невзирая на плотный перекус на полевом стане, он ещё может съесть миску творога со сметаной и сахаром. Валентина мела всё, что перед ней оказывалось, и Олег поражался, как ей удаётся сохранить такую фигуру и кожу. Множество его современниц морили себя диетами, но не имели и половины Валькиных данных.

Очень опасался Олег расспросов Валькиной матери. Но она, кажется, думала о чём-то своём и только задала дежурный вопрос, откуда Олег взялся. Враньё насчёт Иконовки сошло и здесь; вскоре двое на велосипедах катили по каким-то тропинкам среди рощиц к речке под названием Вязля, оказавшейся совсем недалеко от деревни.

Речка тонула в лесу. Узкой полоской вдоль берега тянулся песчаный пляжик, переходивший в отлогое дно. Олег сообразил, что это та же самая речка, которую он видел из деревни в 2001 году и в которой не раз купался — просто они с Валькой выехали к ней в каком-то другом месте. На берегу — тут он был немного пошире, чем ничего — в разных местах лежала сваленная одежда, несколько велосипедов (таких же монстров, как и у Валентины). Несколько человек загорали, но в основном обладатели и хозяева лежащего на берегу барахла сидели в реке — как и любая молодёжь, они не очень-то понимали, зачем на речку ходить «за загаром», если его полно на огородах и просто на улице.

Первое, что Валентина сделала — щедро разбазарила конфеты, оставив себе три штучки. Олег от своей доли отказался вообще — судя по всему, шоколад тут ели не часто, и он, покупавший без особого материального напряжения во время учебного года каждый день то «сникерс» то «марс», проникся жалостью к окружающим. Пусть лопают...

— Обгонишь меня до того берега? — поинтересовалась Валентина, когда шоколад был съеден, и они раздевались около велосипедов. На девчонке оказался чёрно-красный закрытый купальник. Олег обратил внимание на то, что двое мальчишек, игравших в ножички неподалёку, наострили уши и один толкнул другого в бок, после чего оба уставились на Олега, который вылезал из джинсов.

— Попробую, — дипломатично ответил Олег, бросая джинсы на песок и нагибаясь отстегнуть нож. Брови Валентины прыгнули вверх, неподалёку кто-то восхищённо прошептал обмирающим голосом: «Зекенский ножичек!»

— Дай посмотреть, — попросила Валентина — не удержалась. Олег выпендрился: незаметно сбросив пальцем стопор, крутнул кистью (тренировался на дешёвых китайских складниках-бабочках) и прямо из его кулака выросло широкое, чуть изогнутое лезвие. Недаром нож назвали «оборотень». По пляжу снова прошёл шепоток. — Зачем тебе такой? — уже возвращая оружие, спросила девчонка.

— От крокодилов отбиваться, — с подковыркой из анекдота ответил Олег. Валентина «купилась»:

— Тут их нет, — слегка удивлённо возразила она. Олег возликовал: — Во, видишь, как они моего ножа боятся!

Вокруг засмеялись. Валентина, вздёрнув голову, встала у берега, бросила одному из мальчишек:

— Скажешь «старт!» Понял?

— Ага, — тот присел на корточки. Олег встал рядом с Валентиной, искоса на неё посмотрел и подумал, что не отказался бы придти с ней на дискотеку. А что если...

— В этом месте от берега глубоко, — предупредила Валентина. Олег кивнул и услышал:

— Старт!

...Он понял с первых же гребков — проиграл. Валентина не плыла, а летела в воде чудовищно быстрым кролем — или «саженками», как тут по-простому называли такой стиль. Олег ещё не проплыл и половины расстояния до берега, а Валентина гребла обратно. Остановилась в воде и спросила:

— Продул?

Упрямо мотнув головой, Олег продолжал плыть. И вернулся на берег только пройдя всю дистанцию, когда Валентина уже лежала, растянувшись, на песке. Ожидаемых насмешек не последовало, а кто-то из мальчишек сказал:

— Здорово плаваешь, городской. Только на полречки отстал. Его поддержали:

— Лучше Валушки никто не плавает. Чемпионка. И по велику тоже чемпионка.

— Это мы ещё проверим, — ответил Олег. Валентина приподняла голову и коротко фыркнула. А Олегу тут же предложили «вечером приходи на дубки», а потом «погоняем и посмотрим». И объяснили, что «дубками» называют с незапамятных времён сложенную за клубом здоровенную поленницу, возле которой по вечерам собирается молодёжь среднего возраста — кого на танцы ещё не пускают, а дома сидеть уже скучно.

Потом пошёл обычный трёп про кино — странно было слышать разговоры о древних фильмах, как о новинках! — про Воронеж — говорил в основном Олег — про катушечные магнитофоны — на всю округу имелся один, в школе... Ещё искупались и позагорали, кто-то заговорил про Кубу — все мальчишки горели желанием туда попасть, чтобы сражаться за «бородачей» Фиделя Кастро и говорили о войне, как о приключении, ярком и красивом... А Олег подумал, что, может быть, многие из них и вправду будут воевать в разных там Африках и Азиях.

Что тогда они будут думать про войну?... Взялись ругать председателя — со слов взрослых, это было ясно. Кто-то из ребят спросил Валентину, собралась ли её мама выставлять кандидатуру на пост — Олег насторожил уши, но разговор не имел продолжения...

Наконец Валентина поднялась и начала одеваться, бросив Олегу:

— Едешь? Я тебе сад покажу.

— Э, ты секретных мест не выдавай! — крикнул кто-то. — А то он всех нас обыграет запросто!

К счастью, Олег успел влезть в джинсы, когда на пляже появился уже немолодой человек в милицейской форме — тоже чудной, старой. Его приветствовали чуть ли не хоровым: «Здрассь, Михаммитрич!» — с добродушной улыбкой отмахнувшись, мент подозвал Валентину и негромко сказал ей — Олег слушал только потому, что специально вслушивался:

— Матери скажи — я проверю, как она просила. Только зайду после выходных. Дружок мой пока в отъездах... — после чего разделся и задумчиво спросил: — Закурить бы? — ответом ему были повёрнутые затылки и гробовое молчание. — О ёлки! — воскрился мент. — На пляже ни у кого курева нету?!

Окончания этой сцены Олег не видел — они с Валентиной уехали.

— А что у вас там за игра? — поинтересовался Олег, когда они проезжали мостик через овраг, на дне которого тёк ручей — Валентина поехала другим путём, не так, как они ехали сюда.

— Потом объясню, — покачала головой девчонка и спросила: — Ты не обиделся? Что я тебя обогнала?

— Нет, — искренне сказал Олег. — Ты круто плаваешь. Как чемпион мира. Чемпионка.

— А ты научишь меня приёмчикам? Или нельзя?

— Покажу, — пообещал Олег. — Чтобы всякие дубы не доматывались.

— Знаешь... — Валентина вдруг моргнула и быстро, удивлённо попросила: — Повернись боком. Лицом, боком!

Олег повернулся в профиль:

— Что такое?

— Ничего... — даже немного испуганно ответила Валентина. И потом призналась: — Ты так на Ленку похож...

— На кого?! — ужаснулся Олег. К счастью, Валентина приняла его растерянность за обиду, естественную для мальчишки, которого сравнили с девчонкой и поспешила:

— Просто похож — ну, на подружку мою, которая в Воронеж уехала. Немного похож! Это же ничё страшного...

Она заметила, что Олег похож на его собственную мать. Вот это навороты, подумал Олег, я ведь еду по тропинке с девчонкой, которая... Нет, вот вам бублики — она не умрёт! Чем бы это для него не обернулось! От такого решения Олег почувствовал себя мужественным, сильным и ловким. Но таким он себя чувствовал недолго — из-за поворота появился всадник.

Олегу хватило одного взгляда, чтобы осознанно выпустить руль, выбрав из двух зол меньшее — и рухнуть в малинник. Возясь там, он слышал звонкий голос Валентины: «Здравствуй, Князь!» — и неразборчивый ответ лесника. Из кустов Олег выкарабкался только когда всадник скрылся за поворотом.

Валентина смотрела удивлённо. Чувствуя себя полным придурком, Олег пробормотал:

— Кочка... это... там. На тропинке. А кто это проехал?

— Лесник, Князь, — сказала Валентина. Сказала, как говорят о привычном и обычном предмете на местности, который помнят, сколько себя — приметном камне, старом доме, памятнике...

— А, — вякнул Олег. И предложил: — А давай наперегонки до Марфинки?

— Давай! — загорелась Валентина. — Десять десятых! — и рванула с места.

...На лесных тропинках Олег вырвался вперёд. Лидировал он и потом, на овражных склонах. Но когда началась дорога через поля — ЗИЛ девчонки вырвался вперёд с лёгким шорохом: казалось, он не идёт, а летит в воздухе. «Швейцарец» Олега проигрывал — и к деревне мальчишка пришёл почти на полкилометра в хвосте.

Но Валентина не стала смеяться. Наоборот — с завистью сказала:

— Ну он у тебя вёрткий! По прямой — фигня, а так...

Ободрённый этими словами, Олег показал несколько триаловских фокусов с ездой по бревну, прыжками на пеньки и обратно на одном колесе, разворотами на месте... Валентина, придерживавшая велик, оценила:

— Ну, сегодня нам трудно придётся. Вот, слушай, как мы играем.

Правила у игры оказались простые. Когда начинало темнеть — а в школьном саду и вообще наступала ночь — на его аллеях и дорожках разворачивались баталии. Велосипедисты гонялись друг за другом, караулили в засадах и стремились к одному: надо было, догнав противника, «пнуть» его своим передним колесом в заднее. Но так, чтобы не вылететь из седла самому и не свалить его. Короче, как в сериале про Горца: «В конце останется только один!» Побождённые между тем разводили где-нибудь костёрчик и пекли картошку, которую съедали все вместе.

Олег и Валентина немного потренировались, а потом отправились в яму для прыжков: девчонке надоело гонять на велике и она прилипла к Олегу с требованием «показать приёмы». Отнекиваться Олег не стал — уже потому, что... короче, он сам себе не совсем в этом признавался, но вот так возиться с Валькой оказалось очень здорово. Ну... короче... да. Кроме того, она оказалась понятливой ученицей и скоро уже безошибочно-быстро проводила полдесятка простеньких, но достаточно эффективных приёмов. Потом Валентина заявила, что можно не особо спеша съездить домой — «на три десятых, не быстрее, чтобы поесть».

— А что это за цифры — «десять десятых», «три десятых»? — поинтересовался Олег, когда они неспешно ехали к школе.

— А ты «Тайну трёх океанов» читал? — вопросом ответила Валентина.

— Фильм смотрел, — неожиданно вспомнил Олег.

— Ху-у, фильм — это фигня, — разочарованно помотала головой девчонка, — книжка в сто раз лучше. Это там так было со скоростью у подводной лодки «Пионер» — чем быстрее, тем больше десятых. А десять десятых — полный ход. Понял?

— Понял, — кивнул Олег. — А твоя мама не будет против? Я же у вас сегодня уже лопал. Скажет — не столовая...



— Моя мама?! — возмутилась Валентина. — Не скажет! Тебе что — в Иконовку из-за еды тащиться, как неродному? Моя мама — фронтовичка. Она, если что, кому угодно в любой беде поможет, не то что накормить. Её председателем хотят выбрать... ой, я расхвасталась...

Они подъехали к школе «с тыла». Ещё утром — точнее, днём — Олег заметил, как странно выглядит летняя школа с её пустыми и загадочными коридорами и классами. И подумал тогда, что не согласился бы жить здесь. Ночью просто жутко, наверное. Д и обидеть может любой — школа так глубоко в саду, что кричи — не дозовёшься, а живут-то девчонка и пусть решительная, смелая, но женщина...

— У мамы гости, — прервала размышления Олега Валентина. И точно — остановившись, Олег услышал мужской голос — быстрый и напористый:

— ...именно вам, вам, Вера Борисовна. У вас же все шансы! Товарищ Моржик смотрит на колхоз, как на вотчину, как на своё имение, и, к сожалению, это следствие нашей собственной близорукой кадровой политики, эдакой травоядности! Как было верно сказано на XXII пленуме ЦК КПСС...

— Дело в том, что он молодёжь просто выживает из села! — вмешался другой голос, совсем молодой. — Я не говорю, что у него на новые машины денег не допросишься! Я этого не говорю! Но он создаёт невыносимые культурные условия! У него завклубом — сбоку припёка, хвост надоедливый! Середина шестидесятых, наша страна шагает вперёд семимильными шагами, сказки делаются повседневностью — а в клубе танцуют под патефон! Чуть ли не под фонограф Эдисона! И ведь я подходил к нему, я сто раз к нему подходил, когда знал, что деньги есть, деньги даны...

— Если ты думаешь, Сеня, что я брошусь покупать вам магнитофон и усилители в первую очередь... — слегка насмешливо ответил женский голос — Олег узнал голос тёти Веры.

— Да аллах с ними, как говорят трудящиеся Востока — я не о частностях, я о состоянии дел в целом, Вера Борисовна! А оно таково, что молодёжь разбегается — и не столько на ударные стройки, как этот надутый клоп...

— Сеня, Сеня... — укоризненно вмешался первый голос.

— Хорошо, как этот близорукий товарищ рапортует райкому партии! Не на стройки, а просто бегут — за позорным для советской молодёжи длинным рублём!...

Голоса удалялись по главной аллее.

## ГЛАВА 12.

Незаметно подкрался тёплый летний вечер. Так и хочется написать — «тихий», но тихим он не был. По деревне перемещались тени. Парочки и группы молодых людей со смехом, песнями, под гитары стягивались к ярко освещённому зданию клуба, двери которого были распахнуты настежь. Из них несло:

— В Москве, в отдалённом районе,  
Семнадцатый дом от угла,  
Хорошая девушка Соня  
Согласно прописке жила...

Под окнами клуба мелькали те, кому танцевать уже хотелось, но ещё не рекомендовалось по здешним жёстким нормам. А жаль — Олег бы станцевал с удовольствием... Небольшой хвостик людей стоял у кассы.

Оставив велосипеды, Олег и Валентина шли «на дубки». Наискось, сближаясь с ними, из-за деревьев какого-то частного сада, появилась такая парочка, что даже Олег,

воспитанный в жесточайшей борьбе за выживание дискотек начала XXI века, сбил шаг и замер, как парализованный.

Это были двое парней с лицами настолько надменными, что хотелось сделать фотографию на память. Ясней ясного становилось, что два этих высших существа на голову превосходят остальных и всех прочих — и причины для такой надменности имелись. Невероятно пестрые, чудовищной расцветки рубашки были заправлены в брюки и застёгнуты вкривь и вкось, расстёгнутые рукава — подвёрнуты на пол-ладони. Правое бедро у каждого украшала здоровенная белая пуговица. Но самым крутым оказались брюки. Узкие от пояса до колен, ниже они расширялись и превращались не просто в клёши. Нет. Это было что-то настолько чудовищное, что чернейшая зависть скрутила бы любого революционного матроса. В каждую из штанин Олег влез бы без особых проблем. Однако, главным штрихом оказались вшитые с внешней стороны клинья алого бархата. Эти клинья украшали СВЕЯЩИЕСЯ В ТЕМНОТЕ мелкие лампочки. Узкие длинные носы туфель надменно торчали из-под иллюминированных клёшей.

Воронежская тусовка лопнула бы от зависти. Повесилась бы всем коллективом в сознании убожества своих пирсингов в пупках и разноцветных хаеров.

С открытым ртом провожал Олег парней, канувших в двери клуба.

— Пойдём, ты чё? — тронула его за рукав Валентина.

— Круто, — оценил Олег. — А как лампочки светятся?

— Батарейки в карманах, проводок по ноге пущен, — конспективно пояснила девчонка. — Ты чё, не видал таких?

— Таких? Нет, — искренне ответил Олег. И повторил: — Круто. Вот придурки!

— Придурки, — подтвердила Валентина. — Вон дубки наши.

Возле угла стоял и курил в одиночестве парень. Олегу показалось, что он нарочно скрывается в тени. Мимо прошли две девчонки — стройненькие, в белых платьицах колокольчиками, звучно фыркнули и, гордо вздёрнув головы, ускорили шаг. Парень отчётливо сник ещё больше.

— Облом, — негромко констатировал Олег. — Валюшк, а что это он тихарится? Ну, прячется, в смысле?

— Этот? — брезгливо спросила девчонка, едва глянув в ту сторону. — Да это же Юрка Больной.

— Больной? Чем? — не понял Олег.

— Да он не больной, а больно, — не слишком вразумительно пояснила Валентина и наконец расшифровала: — Он семь лет назад вместо того, чтобы в армию идти, какую-то справку принёс. Испугался, что три года. Ну, его освободили. Вот с тех пор никак не женится, ему мать всю плешь проела, а девчонки его стороной обходят. Раз в армии не был — значит, правда какой больно, кому он нужен?

Олег обернулся на парня. Тот с жалкой улыбкой мямл в пальцах сигарету, потом бросил её и побрёл куда-то. От его улыбки мороз драл по коже, без преувеличения. Крутые тут правила игры, однако... Несколько секунд Олег пытался решить для себя, справедливо это, или нет, но так и не решил.

К дубкам оказались прислонены велики. Кто-то сидел на древесных стволах, отполированных, как хорошая мебель, кто-то уже оседлал машины, несколько человек играли в расшибалочку — игру, хорошо знакомую Олегу. Только вместо фишек с цветными монстрами, покемонами и суперменами из мультиков тут были монетки. Во времена Олега в эту игру его ровесники уже не играли, однако тут Олег заметил нескольких ребят даже постарше. В ответ на их с Валентиной приветствия кто-то сказал, что ещё не все прошли — и Олег рискнул включиться в игру.

Сперва он просадил двадцать копеек медью — почти всё, что у него было. Бита оказалась тяжелее, чем пластиковая из будущего, а монетки — падали и отскакивали не так, как фишки. Но, когда кругом уже начали посмеиваться, Олег «поймал руку». Ещё через десять минут он обчистил практически всю компанию, и мальчишки угрюмо смотрели, как

«городской» подкидывает в руке екатерининский медный пятак, служивший битой.

Олегу подумалось, что деньги для этих мальчишек значат куда больше, чем для него. Ему-то, если честно, здешние деньги и вообще не требуются. И с беззаботным видом он сообщил:

— Да ладно, разбирай свои. Я не на интерес играл, а просто так. Ну, мы в сад-то едем, или нет?

Около клуба образовалась практически полная пустота, смолкла музыка — начался фильм. Ловя на себе отчётливо благодарные взгляды, Олег подумал, до чего приятно быть благородным.

Награду за благородство он получил сейчас же. Знакомый по утренней схватке парнишка — тот, которого Олег отправил в травку полежать — пристроился сбоку и прямо спросил:

— Говорят, ты Марьку в сортире искупал?

— Че-го?! — не понял и слегка возмутился Олег — ему показалось, что это «крутой наезд по лажовой предьяве». — Какую Марьку, я с девочками...

— погоди, — заулыбался мальчишка. — Марька — это Марлен. Марлен, сын Моржика, председателя нашего. Правда, что ты ему вколол?

— Он сам нарвался, — спокойно ответил Олег. — Что хотел — то и огрѐб.

— Я понимаю... — задумчиво кивнул мальчишка. — Только ты теперь поосторожней будь. Во-первых, у него батя...

— Не касается меня его батя. Даже задней левой копытой.

— Ну, может, у тебя отец с матерью, похоже, шишки. Только Марька — он придурок. Его и в интернат потому сплавил учиться, что Моржик с Верой Борисовной конфликтовать из-за него не хотел... В общем, у него обрез есть. И он грозился тебя подстрелить, если ещё раз тут появишься. Понял?

— Я другого не понял — это он тебя просил ультиматум передать? — усмехнулся Олег, хотя ощутил что-то такое холодненькое в животе, словно там начал растворяться кусок льда.

— Он? — мальчишка хмыкнул. — Мы с ним — во, — и, ловко выпустив велосипедный руль, столкнул два кулака так, что послышался стук. — Дружков у него тут нет, кто его боится, кто просто не любит... Ты знаешь, что он за Валюшкой бегаёт?

— Заметил, — буркнул Олег.

— Он ещё и из-за этого...

— Из-за чего?

— Ну, что ты появился. Она и раньше от него нос воротила, а теперь вообще. Усѐк?

— Въехал, — отозвался Олег.

— Куда? — не понял мальчишка.

— В проблему... А почему ты решил, что я за Валюшкой бегать собираюсь?

— А из-за чего ты сюда за двадцать пять километров шины протираешь? В Иконовке тоже речка есть... Так что ты бы свой ножик поближе носил.

— Думаешь, я с ним ножом драться стану? — удивился Олег. Такая мысль ему не приходила в голову.

— Смотри...

Около сада все разъехались по одному. И началась игра, чем-то до странности похожая на компьютерные стрелялки — когда из тѐмных коридоров, из-за поворотов, вдруг выскакивают цели, враги, монстры, и всё зависит от твоей скорости реакции... Почти сразу Олега захватило и понесло. Он помнил, как носился, налегая на педали, по тѐмным аллеям — и замирал, прислушиваясь, не раздастся ли шорох чужих шин... стоял в кустах или чѐрных, как сама ночь, тупичках, карауля противников... Помнил обиженную досаду на лице первого протараненного им мальчишки — потеряв равновесие, тот соскочил с велика и лишь крикнул вслед уносящемуся вихрем Олегу: «Ловок, чѐрт!» И то, как ахнул от неожиданности преследовавший его парень, когда горный Олега вдруг молниеносно затормозил,

развернулся — и превратившийся в преследуемого преследователь, получив ощутимый пинок в шину, завилял и спешился... Время перестало течь нормально, и Олег относительно пришёл в себя лишь когда обнаружил, что стоит, весь напряжён, за кустами, а параллельно ему по аллейке почти бесшумно катит чёрная тень. Похоже было, что они остались вдвоём — больше ниоткуда не слышалось ни шума, ни треска, ни выкриков, зато где-то за деревьями, в районе спортплощадки, разгорался костёр, а от клуба как раз вновь зазвучала музыка. Олег чувствовал себя лётчиком-истребителем, который готовится намалевать очередную звёздочку за сбитый вражеский самолёт на своём фюзеляже — им владело великолепное чувство **УВЕРЕННОСТИ В ПОБЕДЕ**.

А потом он узнал Валентину. Она ехала и правда бесшумно, почти стоя на педалях, озираясь и прислушиваясь. «Вот чемпионка — точно чемпионка!» — восхитился Олег и... не стал таранить. Залюбовался, засмотрелся. И просто вышел из кустов, ведя велосипед рядом.

— Ты?! — Валентина потеряла равновесие и соскочила наземь. — А почему ты...

— Мы, похоже, остались вдвоём, — сказал Олег. — И, как рыцарь, я не могу скрещивать копыта с дамой. Считаю себя побеждённым.

Несколько секунд девчонка смотрела сердито — очевидно, такого финала игры ещё никогда не было. Потом уголки её губ дрогнули — Валентина улыбнулась.

— Не отказись от своих слов около костра, — лукаво сказала она. — Пошли?

— Пошли, — согласился Олег.

Они именно пошли, не поехали. И это обрадовало мальчишку. Ему не очень хотелось в компанию, он опасался, что Валентина заторопится, но она неспешно шла рядом и смеялась, когда он рассказывал ей анекдоты про мужика, который посадил пять мешков картошки, выкопал осенью шесть и удивлялся: «Откуда ж шестой, я ж пять посеял!?!», про неизвестное существо, которое сидело в яме и очень любило сыр, про... короче, много рассказывал, а аллеи всё не кончались, и костёр не приближался, хотя там уже начали — было слышно — посвистывать и аукать... И мальчишка понял, что идущая рядом девчонка в чёрном спортивном костюме и со старым (новым?) великом ЗИЛ вовсе не хочет к костру и просто сворачивает не в те аллеи.

Тепло-тепло стало в груди от этого открытия. Будь вокруг 2001 год — Олег нацелился бы её поцеловать. А здесь... он не был уверен, что его поймут и не хотел всё портить.

«Ой блин, — отчаянно подумал он, — что же я, дурак, делаю-то, что?! Это же просто нельзя, её НЕТ, и даже если БУДЕТ — между нами же почти сорок лет расстояния окажется, это даже не от Воронежа до Магадана, это... вообще!»

Они вышли в главную аллею. Сперва Олег удивлялся, почему отсюда видно деревню, а потом понял, что все те брошенные здания, которые он наблюдал... будет наблюдать летом 2001-го, построены, наверное, позже.

— Тут на реке есть одно место, — вдруг сказала Валентина, — там растут лилии...

— Есть в графском парке чёрный пруд —

Там лилии цветут, — пропел Олег, не стесняясь, —

Там лилии цветут...

Цветут...

Фильму про трёх мушкетёров ещё только предстояло появиться, но Валентина не обратила внимания. Только кивнула:

— Ага... Так красиво. Мы там один раз были с классом, в походе. Ещё хочется, но туда без лодки не добраться. А ты видел лилии?

— Я?... — хотел уже ответить Олег, но Валентина вдруг прошипела:

— Тиххх...

— Чего? — тоже едва слышно спросил Олег. Валентина молча указала рукой на тропинку за рвом, окружавшим сад.

На взгляд Олега, ничего особо серьёзного там не происходило. Мимо старого колодца неспешно шли — наверное, с танцев — двое парней лет по 17-18. Но потом Олег заметил

под мышкой у одного из них белый свёрток, а ещё — что они идут как-то слишком медленно, словно выбирая место. Точно! Оба остановились у колодца, сдвинули головы и зашептались — разобрать ничего было нельзя, только один из них вдруг захохотал, сказал: «Зекенско!» — и почти бегом припустился обратно к клубу, а другой неспешно скрылся за колодцем. Какое-то время там шуршало и потрескивало, потом наступила тишина. Теперь Олег с искренним интересом ожидал продолжения.

Оно не заставило себя ждать. На тропинке вновь появились двое — тот парень, что был со спрятавшимся, и ещё один, вёдший рядом велик. Сейчас они разговаривали довольно громко.

— Так и сказала? — спрашивал обладатель велосипеда.

— Да вот честное слово! — размахивал руками приятель спрятавшегося. — Так и сказала: «Пусть приходит, пойдём кататься!»

— Да ты бреешь, — сомневался велосипедист. — А Славка?

— Да разругались они! — убеждал сопровождающий. — Вот на танцульках и разругались, я сам видел, она как раз ко мне причалила и это сказала, а Славка домой пошёл — нога за ногу... Лови момент, Серёня!... А... ой... ё...

Этот многозначительный, но невразумительный набор звуков сопровождающий выпалил, когда они поравнялись с колодцем. Ничего не понимающий Серёня проследил направление его взгляда...

...и увидел, как из-за сруба в торжественном жутком молчании поднимается, неимоверно вырастая, фигура в белом. Две длинных, раскинутых крестом руки словно бы струились в тихом воздухе, похожие на струи тумана. Лица у белого существа не было.

У Олега даже мороз пробежал по коже. Валентина вцепилась в его руку. В наступившей гробовой тишине было слышно, как Серёня икнул... и, не вскакивая на велик, но и не бросая его, словно руки приросли к рулю, бросился опрометью прочь. Цепь слетела и гроыхала, как тысяча привязанных к хвосту собаки консервных банок. Он уже скрылся за поворотом тропки, когда до слуха зрителей донеслось истощное — кто знает, почему? -

— Пожа-а-а-ар!!!

Двое парней хохотали у сруба. В кустах на опушке школьного сада тоже царил тихое, но полное веселье. На ходу сматывая простыню, шутники поспешно удалились, а Олег с Валентиной всё ещё продолжали хохотать, только уже в голос — успокаивались, но кто-нибудь повторял: «Пожар,» — и хохот пузырьками газировки поднимался откуда-то снизу и выплёскивался через нос бегемотьим фырканьем, что само по себе смешило ещё больше. Наконец девчонка смогла выговорить:

— Пошли отсюда, а то сейчас прилупят дружки Серого, ещё нам достанется...

Спотыкаясь и волоча велики, они двинулись в глубину сада... и тут-то Олег спросил сам себя:

— А сколько времени? — и посмотрел на часы. Был первый час ночи. Наверное, лицо Олега достаточно красноречиво говорило само за себя, потому что Валентина понимающе-сочувственно спросила:

— Ты до скольких отпрашивался? Влетит?

— Не то слово, — в ужасе ответил Олег, — меня, наверное, уже с ментами... с милицией ищут. Ой, ё! Валь, я побегу! Ты там извинись перед ребятами, то, сё... Я побегу!

— Подожди, — Валентина покопалась в седельной сумочке и протянула новенький фонарик. — Батарейки свежие... Луны-то нет. Это всё я виновата... — она вдруг засопела и отвернулась. — Я про время помнила, просто хотела, чтобы... А ты завтра приедешь?

— Ой, завтра — не знаю, — искренне ответил Олег. — Но я приеду обязательно, ты жди. Ну — я полетел!

— Не заблудись! И приезжай! — раздалось ему уже в спину. И потом ещё — совсем тихо: — Извини...

## ГЛАВА 13.

Пока Олег мчался через поля — его мучило только одно: стыд перед Князем. Старый лесник либо уже поиски организовал — узнал, что в Марфинке им и не пахло, обыскивает с собаками лесные закоулки, овраги и речку. Стыдно было так, что Олег про себя решил — если Князь решит его отлупить, то пусть лупит. Заслужил. Только бы не вздумал отослать домой или посадить под арест! Но когда Олег въехал в лес, то на смену стыду пришёл страх.

Олег был действительно смелым парнем. Он не боялся ни драк с ровесниками, ни всяких там маньяков и прочих, будучи уверен, что всегда сможет если не отмахаться, то убежать. Но сейчас было не с кем драться и не от кого убегать. Страх был и вокруг и в самом Олеге. Он бесшумно скользил у мальчишки за спиной, и волоски на коже вставали дыбом, тянуло оглянуться и в то же время приходило понимание — нельзя. Можно только жать на педали, втиснув голову в плечи и надеяться, что ДРЕВНЕМУ УЖАСУ нет дела до человеческого существа, едущего через ЕГО, УЖАСА, ночной лес.

Эпизод с привидением уже не казался смешным. В голову полезли кадры ужастиков и прочитанных книг, и страх разросся и приобрёл вещественность. Он похрустывал в кустах и мелькал неподалёку парами красных точек. Олег даже не думал, что может не найти дуб. Какой дуб, доедет ли он до него вообще?! Повернуть? Но тогда — Олег был уверен — его не выпустят из леса. Тут же и набросятся. Кто? Он не хотел думать про это, но откуда-то из глубин даже не сознания, а наследственной памяти лезли образы, которыми, должно быть, пугали друг друга первобытные люди. Но у них, у первобытных, были копья, топоры. Огонь. Их было много. А он один — и даже фонарик боится включить. Ну — ещё есть нож под штаниной.

Наконец и ехать стало нельзя. Олег вроде бы держал правильный курс и, соскочив с велосипеда, повёл его рядом.

Совсем близко с тяжёлым топотом пронеслись несколько теней — так неожиданно, что от ужаса Олег не смог даже вскрикнуть и почувствовал, что ещё немного — и пришлось бы идти дальше в мокрых штанах. Без шуток, на самом деле. Но даже появившийся на секунду стыд был задавлен страхом.

— Пожалуйста, — вдруг сказал Олег, останавливаясь. — Ну пожалуйста,пусти меня. Я не хочу ничего плохого. Я не делал тут ничего плохого! Мне нравится здесь, но... но только днём. Ночь — это не то как-то... ты только не обижайся...

Он не знал, с кем говорит и почему говорит — просто бормотал, съёжившись и вцепившись в велосипедный руль. А лес — лес... слушал. Да, слушал — иного слова Олег не мог найти. Слушал, присматривался — и мальчишка вдруг понял, что в этом внимании нет враждебности.

Никакой.

— Я... пойду? — спросил он. Лес промолчал, но Олегу показалось, что, если в нём и было что-то недоброе — то сейчас оно юркнуло в овражные норы. Лес был БОЛЬШЕ Страх. Он только позволял этому Страху тут жить, потому что так повелось издревле.

И Лес отпускал мальчишку.

Всё ещё вздрагивая, Олег с опаской двинулся дальше. И неожиданно понял, что ночной лес красив. Светлячки перепархивали, роились среди деревьев. Колоннами огромного древнего храма высились чёрные древесные стволы. Таинственно — но уже НЕ СТРАШНО — шуршали кусты, ухнула сова, а потом — потом где-то очень далеко, но отчётливо, наверное, у опушки хвойного бора, звонко запел лесной жаворонок-юла, который всегда первым подаёт голос в ночном лесу, говоря, что не так уж долго осталось до утра...

Двойной дуб словно сам вынырнул из темноты. Уже совсем спокойно Олег проделал ту же операцию, что и утром — влез наверх, поднял велик из 1964 года, опустил в 2001 и спрыгнул следом.

Тут тоже была ночь. И снова не очень-то добрая. Накапывал дождь, тревожно гудели

деревья. Олег спросил, поднимая велосипед — спросил так, как никогда не спросил бы днём, постыдился бы сам себя:

— Ты здесь? Ты живой... сейчас?

И снова понял — бояться нечего. Лес всё ещё был жив. Он ослабел и устал за прошедшие годы, люди измучили его беспощадностью и жадной, бессмысленной злобой. Но Лес не умер. И узнал мальчишку, не удивился. Слишком много он видел за свою очень долгую жизнь — Русский Лес, один из остатков когда-то великого Дома русского человека,

Его Кормильца, Спасителя, Крепости, Колыбели...

Олег перевёл дух и кинулся навстречу заслуженному наказанию...

...Наказание — спору нет! — было правда заслуженным. Вот только Олег его не получил, потому что, когда он явился на кордон, старым лесником там и не пахло. Короткого осмотра хватило, чтобы Олег понял — Князь вообще ещё не появлялся.

Олег покормил Серого, застоявшегося в конюшне. Переоделся, поел сам. И начал беспокоиться. Шёл третий час ночи, а Князь не возвращался! Первоначальная радость сменилась волнением.

К счастью, разволноваться окончательно Олег не успел. Серый вдруг заржал, ему ответил Туман, послышалась возня Клыка и Бойца — и старик вошёл в дом. Видно было, что он торопился и даже чувствует себя виноватым.

— Беспокоился, что ли? — слегка смущённо спросил он, закрывая дверь. — Уж прости, вышло так... Сейчас, Тумана поставлю и расскажу, а ты, если уж не спишь — псам чего кинь, ладно?

...— Князь, — задумчиво сказал Олег, когда лесник вошёл с улицы окончательно и присел на скамеечку у входа, чтобы разуться, сменить сапоги на толстые носки, в которых обычно ходил по дому, — я сегодня ночью вот выходил... Князь, а лес — он живой?

Лесник не ответил. Только переобувшись, он выпрямился и посмотрел на мальчишку своими яркими глазами из снежно-белых зарослей волос и тихо спросил:

— Понял теперь? Конечно живой. И добрый. Даже слишком добрый...

— Почему слишком? — не понял Олег. Князь вздохнул:

— Я иной раз думаю, Олега — что ему, лесу, стоит-то? Того же убийца лесной сухой прихлопнуть. Или болото ему под ноги подстелить, гостю дорогому, незваному... А то на наш, человеческий, суд — надежда плохая...

— Их отпустили, — догадался Олег. Князь кивнул:

— А как же... Я и не надеялся, что арестуют. Думал, хоть штраф хороший заплатят! Какое там! Кинули, как корку собаке, посмеялись да и усвистали. Барахло ихнее им вернули чуть ли не с поклонами, на вышитом рушнике! — и Князь грохнул по стене кулаком так, что загудел весь дом. — Убийцам этим! Разорителям! Другой раз увижу — картечью начиню, да и спущу в омут, коли у нас в стране закон за деньги покупают!

— Князь, — сказал Олег серьёзно, — если задумаешь в партизаны уходить — меня с собой бери.

— А пойдёшь? — так же серьёзно спросил Князь.

— Побегу, — сообщил Олег. Лесник улыбнулся, оттаивая:

— Спать ложись, партизан. Завтра так и быть — не буду поднимать тебя, спи, пока спишься...

«Сколько проблем, — сонно подумал Олег, укладываясь на раскладушку. — Тут браконьеры... там — председатель-террорист... да ещё этот личный враг с обрезом...» Закачалась перед ним солнечная заводь с искристыми белыми звёздочками лилий, и Олег, успев радостно понять, что придумал отличную вещь, провалился-ухнул в сон.

«Хороший парень, правильный, — думал Князь, ворочаясь в постели. — Нашей породы... День-то прошёл, часок посплю — и пора. Сколько их ещё осталось мне — дней, Лес-батюшка? Помирать вроде и неохота...»

Отродясь незнакомый со старческой бессонницей, лесник заснул почти так же быстро, как и Олег. Только на самой кромке яви и сна он увидел вдруг картинку — давнюю, очень

давнюю: Валюшка, дочь Верки Кривошаповой, связной «спецов», катит ему, Князю, навстречу по лесной тропе плечо в плечо, педаль в педаль с Олегом.

Он не забыл этого. Но, проснувшись, рассудил, что это, конечно, было не воспоминание, а просто предсонный морок...

...Подаренный Князем выходной оказался кстати. Олег проснулся в первом часу дня! Тут с ним такого ещё не случалось — казалось преступлением тратить на сон великолепные утренние часы. Но вчерашние чрезвычайные обстоятельства извиняли — и Олег ещё долго валялся в постели, жмурясь, зевая и потягиваясь изо всех сил. Стоп! А что-то он вчера перед сном придумал такое... какую-то суперкрутую феньку! Ага... ага... стоп! Вспомнил!

Олег отбросил одеяло и засмеялся в потолок

Нет, сегодня он уже никуда не пойдёт. Поздно. Дела нужно начинать с утра, если хочешь, чтобы они были удачными и интересными. А сегодня и правда пусть будет выходной!

Поплескавшись и попрыгав возле умывальника, укрепленного во дворе, Олег сделал разминку. Князя не было на кордоне, да он бы и не удивился — привык, что его дальний родственник, поднявшись, прыгает в трусах по двору, лупцует воздух кулаками и выделяет разные штуки на перерубе сарая, по мере сил используя его вместо перекладки. От ночного дождика не осталось и следа — всю лупцевало с неба солнце, и Олег, снова сунувшись под умывальник — чтобы освежиться после разминки — весело прокричал в сторону леса:

— Сделай так, чтобы завтра и ТОГДА было солнце! По-жа-луй-ста-а!

Потом Олег начистил картошки и вскрыл банку самодельных консервов из оленины, вытащив её из холоднющего погреба во дворе, где даже летом по стенкам серебрился иней — непонятно, как это получалось, но факт оставался фактом. Таким же, как и то, что в банках молока, которые Князь привозил из Марфинки, жили ужи, отчего молоко оставалось холодным и не кисло, даже забытое на солнцепёке. К таким фокусам Олег уже привык. А как подскочил, разгрохав глиняный кувшин, когда пил первый раз, запрокинул голову — и вдруг увидел в молоке змею! Сейчас было смешно вспоминать...

Потом Олег уселся составлять план боевых действий. Он давно заметил, что изложенные на бумаге мысли легче оценивать и исправлять, чем те, которые остаются в голове. По этой же причине — искренне недоумевал, зачем люди ведут дневники. В том, что у человека в голове — поди ещё разберись. А попадёт твой дневник кому в руки — и готово, считай, что и ты попал в те же.

На странице блокнота «План операции «Удар из будущего» — так его озаглавил для серьёзности Олег — выглядел следующим образом:

— Установить личность шофёра, совершившего наезд. Для этого — опросить местных жителей в 1964 году.

— Предотвратить наезд 15.06.64. действовать по обстоятельствам.

— Способствовать разоблачению бандитской деятельности И.Моржика. Действовать по обстоятельствам.

— Способствовать избранию председателем колхоза В.Б.Кривошаповой. Действовать по обстоятельствам.

— Набить морду при первом удобном случае М.Моржику. Конфисковать огнестрельное оружие (если имеется).

— По возможности осуществлять охрану жизни и здоровья семьи Кривошаповых вплоть до окончательного разоблачения И. Моржика

План выглядел просто великолепно. Немного смущали многочисленные «действовать по обстоятельствам» — Олег не мог не признаться себе, что эти строчки говорят об одном:



он не вполне ясно представляет, что будет делать. Но с другой стороны, импровизация — это вершина боевого искусства. Или, как говорили наши мудрые предки: «Наше «авось!» не с дуба сорвалось!» Или именно с дуба? Олег хихикнул и решил взять себе псевдоним «авось», как нельзя лучше отражающий непредсказуемость, молниеносность и несокрушимость скрывающегося за ними супермена Семёнова. Кроме того, с первым пунктом всё яснее ясного.

Сегодня 12-е. Завтра будет 13-е. Вторник — хорошо, что не понедельник и не пятница. «Удар из будущего» обрушится на председательскую мафию, как падающий с двенадцатого этажа танк Т-80 на жалкий джип «лендкрузер» — неотвратно и точно. Ещё раз полюбовавшись планом, Олег отправился в чуланчик, где Князь хранил подшивки газеты-районки, которую выписывал с момента её появления — с 1921 года. Дата совпала с его возвращением с Юга России.

Чихая от пыли и отмахиваясь от яростно сражавшихся за своё жилище пауков, Олег выудил стопу экземпляров за 1964 год. Тогда газета называлась не «Вести Фирсановского района», а «Красный вестник». Усевшись со скрещенными ногами прямо на полу чуланчика и подставив бумагу под свет, падавший из двери, мальчишка занялся поисками.

Они оказались недолгими. В номере 10-м почти всю последнюю страницу занимали траурные рамочки с соболезнованиями по поводу трагической гибели директора Марфинской средней школы Кривошаповой В.Б. с её тринадцатилетней дочерью Валентиной. От кого только соболезнований тут не было! Имелись и вполне казённые — со словами «безвременная смерть вырвала из наших рядов...» и «мужественный ветеран войны за свободу СССР...» Но было много явно искренних — и тоже от самых разных людей и организаций.

Среди этого разнообразия Олег обнаружил и слёзницу, подписанную «Председатель колхоза «Светоч Марфинки» Моржик И.А.» Подпись звучала весьма двусмысленно. Олег возмутился:

— Ну погоди, Иа-Иа, — пробормотал он, — я тебе устрою «Терминатор-2: Судный День»!

К сожалению, никакой смысловой нагрузки некрологи не несли. Но уже в номере 11 Олег обнаружил довольно большую статью, из которой узнал, что «наезд был совершён находившимся в нетрезвом состоянии водителем автоколонны №4 Буровым Н.П., работавшим в колхозе «Светоч Марфинки» в порядке помощи селу в весенне-летний период.»

Упоминалось так же, что водила толком ничего не помнит, а в ментовку явился с повинной сам, потому что пришёл в себя как раз в тот момент, когда его «студебеккер» сбросил мотоцикл с дороги.

Олег озадаченно почесал пятку. Получалась какая-то чушь. Либо Моржик отмослал водиле просто гигантские бабки — такие, что даже сесть за них казалось не таким уж страшным. Либо водила крепко в руках у безжалостного председателя. Из-за каких-то старых долгов или делишек. Подумав, Олег решил вписать в план ещё один пункт — узнать поточнее, что имеет мама Валентины на председателя и как собирается использовать информацию.

Он ещё полистал газеты, надеясь обнаружить дополнительные материалы или журналистское расследование — ну, хоть милицейскую хронику! Но, похоже, в 1964 году власти не особо заботились снабжать граждан такой информацией. Он только наткнулся на коротенькую заметку под названием «Не ушёл от возмездия!», в которой говорилось, что «убийца-алкоголик Н.П. Буров, совершивший 15 июня наезд на просёлке недалеко от Марфинки, осуждён народным судом на 8 лет с отбыванием наказания в колонии общего режима.» Ничего себе... Крутой срок!

Но кое-что он всё-таки узнал. Время — 7:44, раннее утро. И фамилию водилы. Хорошо бы, ещё имя... Как там инициалы?... Н.П. Н.П., Н.Н, Н... Олег вдруг отчётливо вспомнил разговор, свидетелем которого был в магазине вчера (тьфу, опять путаница!) утром.

Продавщица называла похмельного шоферюгу... называла... Колей. Точно — Колей! А Коля — Николай. Совпадает и, хотя ещё не факт, что этот Коля — нужный Н.П., по виду он подходит на роль «убийцы-алкоголика». Может, председатель и правда тут ни при чём? Олег задумался — в таком положении его и застал Князь.

— Ты чего это в пыли сидишь? — удивился лесник.

— Я сейчас поесть приготовлю, — вместо ответа сообщил Олег, аккуратно укладывая газеты на самодельные полки.

...— Князь, — за едой Олег решил кое-что выяснить, — а когда убили эту директрису, твою сослуживицу — ты это дело хорошо знал?

— Знал, — ответил лесник. — Мы с участковыми нашим в приятелях были, да и сам я горевал тогда — уж больно смерть-то нелепая. Да с дочкой...

— Князь, — повторил Олег, — ты только сильно подумай: это ТОЧНО было не убийство? Ведь этого вашего Моржика посадить из-за неё могли запросто. Что она на него раскопала? Бумаги, что он вор?

— Это тебе не нынешние времена, — покачал головой Князь, — тогда всё по чистой бухгалтерии делалось, не подкопаешься без финансового образования...

— Экономического, — поправил Олег.

— Ну да... Нет, что он ворует — многие у нас знали, да этого не докажешь. Участковый наш по её просьбе вроде как искал бумаги, что Изот дезертиром был. Я тебе про это рассказывал. Фальшивую болезнь себе сочинил...Посадить тогда за это уже не посадили бы, амнистий несколько прошло. Но из председателей турнули бы, конечно.

— А поставили бы её? — уточнил Олег.

— Выбрали, — поправил Князь, — выборная должность-то... Точно её. И главный агроном,и завклубом, и комсомольцы за неё были, и колхозники простые... Да её бы и так выбрали. Но она Изота растоптать хотела. Верка, она как считала — раз пока остальные кровь за Родину проливали, ты на тыловых харчах отжирался и своих же обворовывал — места среди людей тебе нет. И сама она от войны мало хорошего видала, и муж у неё от ран умер... Не из-за поста председательского она Изота донять хотела, нет...

— А те документы? — поинтересовался Олег.

— Не знаю. — признался Князь. — То ли и вовсе не нашёл их Мишка — участкового Михаилом звали — то ли нашёл, да рассудил, что нечего теперь шум поднимать, раз Верки нету больше... А что ты всё твердишь — Изот её, мол, убил, так то, Олега, пустое. Я ж тебе говорил: Изот того водилу только по фамилии и знал, по работе. Милиция проверяла... Свидетели были — нажрался он с утра в городе, в компании — и покатыл в Марфинку. Тут нелёгкая Верку и вынеси из-под бугра. Прямо ему под передок...

Вечером, оседлав Серого, чтобы проехаться по лесу, Олег подумал, что Изот, похоже, и впрямь не виноват. Не может быть, чтобы столько народу ошибалось! И его, Олега, роскошный план превращается в фикцию. Пункт 1 он выполнил. Остаётся пункт 2 — наезд он как-нибудь предотвратит — и пункт 5. От такого удовольствия он ни за что не откажется...

Ну и пусть. Это даже и к лучшему!

## ГЛАВА 14.

Лодку — большую, солидную плоскодонку с двумя неподъёмными вёслами и парой уключин, завёрнутых в промасленную тряпочку — Олег арендовал на весь день у деда — тот проживал на берегу Вязли и собирался ловить рыбу, но городской подросток, выложивший четвертной (половину дедовой пенсии!), его быстро убедил, что клёва не будет. кроме того, мальчишка оставил у деда дорогой велосипед и прозрачно намекнул, что до вечера лодку вернёт,так что вечернюю зорьку рыбак не пропустит. После всего этого дед сам порывался

донести уключины и вёсла до лодки, но мальчишки вежливо и решительно отказался.

...Опыт общения с лодками у Олега был, грести он умел. Это только в некоторых книжках городские подростки, прибывая в деревню, поражают всех своей беззащитной неумелостью. Да, некоторых вещей они и правда не умеют делать (как не умел Олег колоть дрова), но очень быстро им учатся. А во многом деревенским просто не уступают.

«А то и превосходят,» — подумал Олег, вспомнив, как отправил Марьку целоваться с туалетом и обнёс аборигенов в расшибалочку. Но сейчас он не мог не признать — плоскодонка на прогулочную лодку не похожа. Она вела себя немного не так, была тяжелее и обладала офигительной инерцией — если уж разогнал, то не пытайся остановить сразу, рукоятки опущенных в воду для торможения вёсел выворачивало из пальцев.

Он тренировался почти час и сейчас отдыхал, лёжа в плавках на лодочном носу. Вёсла сушились, течение неспешно несло транспорт куда-то между лесистых берегов. Нож от ноги Олег не отстегнул, часы тоже не снял и сам себе немного напоминал мальчика с журнальной обложки. Ещё бы катер вместо плоскодонки. Но на катере тут не пройдёшь.

Надо было искать Валентину. И судьба смиростивилась над Олегом — ему даже вставать не пришлось. Он проплывал под низеньким, обросшим мхом мостиком, когда наверху вдруг появилась удивлённая физиономия и послышался знакомый голос:

— Ой! О-лег?!

— Валюшка, — разнежившийся на утреннем солнышке Олег сделал слабый жест рукой, потом всё-таки сел, со вздохом разобрал вёсла и причалил к берегу. Валентина, гремя велосипедом, скатывалась по еле заметной тропке к нему; сегодня она была одета, как при их первой встрече — в ковбойку, тейлоры и кеды.

— Привет! — наконец-то поздоровалась нормально девчонка, удивлённо глядя на плоскодонку. — А что ты тут делаешь — на лодке, так рано?

— Катаюсь, — пожал плечами Олег и поставил ногу на борт лодки. — Эту яхту мне одолжил один почтенный старый джентльмен. Увидел воспитанного юношу и не смог не осчастливить его. А воспитанный юноша вспомнил, что некая девушка из Марфинки выражала желание сплавить за лилиями в здешние дебри. И юноша поплыл её искать, и преодолел массу заморочек, устроенных речной нечистью, и... — он рассмеялся, глядя на растерянное лицо Валентины и сказал: — Я правда тебя ищу. Поплывёшь за лилиями?

— Ой, конечно! — просияла девчонка. Олег хотел сказать: «Чудо ты двухколёсное,» — но смутился своих мыслей и спросил:

— А велик куда?

— Тут, в кустах оставлю, — беспечно отмахнулась она, — если кто и найдёт — не возьмёт, мой велик все знают... Нет, правда поплывём?

— Ну хочешь — полетим? — спросил Олег. — Только погоди, я самолёт арендую я быстро.

Со смехом Валентина затолкала велосипед в кусты и, стащив кеды, ловко прыгнула в лодку. Олег оттолкнулся веслом, сел, разобрал их и спросил:

— Тебе сильно влетело? — вместо указаний спросила Валентина сочувственно. — Ты поэтому вчера не был?

— Я встать не мог, — вздохнул Олег. — Папенька порол меня на конюшне вожжами... Вот, — он приподнялся и оттянул сзади резинку плавок, — хочешь покажу?

Вместо ответа он вполне по-современному (о блин!) получил кедом по голове.

— Ему сочувствуешь, а он...

— Правда, запретили вчера выходить из дому, — серьёзно ответил Олег, — сидел и наводил порядок в чулане. Жуть. Пауки и пыль. У меня не поехала крыша только потому, что я думал про сегодня. Как мы будем... короче, вот.

— Какая крыша? — засмеялась Валентина, одновременно слегка покраснев и отведя глаза.

— Поехала крыша, — поучительно заметил Олег, — так в наиболее продвинутых воронежских кругах обозначается резкое и тяжкое умопомешательство, умоисступление,

сопровожаемое слюноотечением, потоотделением и бурным словоизвержением...

— Как сейчас? — убила его Валентина. Олег захохотал. Переждав приступ его весёлости, Валентина спокойно заметила:

— Сейчас ты не так закатаешься... Хочешь послушать продолжение истории с привидением?

— Спрашиваешь! — завопил Олег, и река зазвенела эхом.

Выяснилось, что добежавший до клуба велосипедист дружков не привёл, потому что ничего не смог объяснить им внятно. Сорвавшаяся цепь во время его бегства жутко грохотала и лязгала, отчего велосипедист убеждал всех, что во время его марафона некто гнался за ним и «лязгал когтями по багажнику». Ничего кроме хохота его рассказ не вызвал, а усилиями слушателей — тем же вечером дошёл до слуха девчонки, из-за которой и был затеян розыгрыш, после чего она заявила, что и раньше-то на велосипедиста глядеть не хотела, а теперь, когда он показал себя таким придурком и трусом — и речи быть не может...

Валентина замолчала только когда Олег начал беспомощно икать, свесившись за борт и начисто перестал грести. Какое-то время девчонка молчала, а потом неожиданно предложила:

— Давай как-нибудь съездим к тебе в Иконовку?

— Может и съездим, — ничем не выдал себя Олег. — Дальше прямо?

Вязля разделялась на два рукава. Точнее — на основное русло и сворачивавшую влево полужаросшую протоку с топкими берегами.

— Как раз влево, — вздохнула Валентина. — И там ещё далеко.

— Плывём, — пожал плечами Олег, раздвигая носом лодки камыш и ещё какую-то зелень. Смотреть за плечо ему было не очень удобно, он предупредил: — Работай вперёдсмотрящим, ага?

— Есть, капитан, — серьёзно отозвалась Валентина.

Лодка довольно легко шла — благодаря плоскому дну — в зелёной каше протоки. Грести тут было нельзя, Олег скоро перебрался на корму и отпихивался веслом от топкого дна, а Валентина лежала на носу и отводила с пути наиболее упругие ветки.

Потом неожиданно лодочный нос проколол зелёную пелену — и плоскодонка вышла на чистую воду. Олег замер. Над их головами смыкался зелёный шатёр ветвей, лучи солнца, прорывавшиеся сквозь него, сами обретали оттенок тёплой зелени драгоценного камня. На чёрной, загадочной воде тут и там золотыми монетками поблёскивали пятнышки солнечного света. Лодка шла как будто в длинном, сумрачно-красивом чертоге из сказки или книжки-фэнтэзи. Тут было лёгкое течение, поэтому, хотя Олег и забыл толкаться веслом, плоскодонка двигалась вперёд.

— Правда, красиво? — тихо спросила Валентина. Олег медленно кивнул — говорить ему не хотелось. Но в памяти у мальчишки закопошились какие-то строчки, он тряхнул головой и торопливо, боясь раздумать, сказал:

— Вот, послушай. Я сейчас вспомнил... вот так...

Закрыли путь через лес  
Семьдесят лет назад.  
Он дождём был размыт и бурей разбит,  
И ничей не заметит взгляд,  
Что дорога шла через лес  
Там, где нынче шумит листва,  
А приземный слой — лишь вереск сухой  
Да пятнышки анемон.  
Лишь сторож помнит едва —  
Где барсук проскакал, да исчез,  
Где горлица яйца снесла,

Когда-то был путь через лес.  
Но если тыходишь в лес  
Летним вечером, в час,  
Когда холод идёт от стоячих вод  
И выдры, не чуя нас,  
Пересвистываются через лес,  
В подступающей полутьме  
Вдруг прозвучит перестук копыт,  
И шелест юбок, и смех,  
Будто кто-то спешит  
Мимо пустынных мест,  
Твёрдо держа в уме  
Забытый путь через лес...  
...Но нет пути через лес.

Олег не знал, чьи это стихи. Он просто запомнил их, услышав по радио полгода назад. Запомнил, потому что в этих стихах жила Тайна — лучше он бы не смог объяснить. И он первый раз в жизни читал стихи девчонке.

Но Валентине и не потребовалось ничего объяснять. Она сидела на носу, сплетя пальцы у подбородка — тихая, с внимательными задумчивыми глазами. Олег не ожидал похвал — ему вдруг стало прохладно в этой зелёной тени, захотелось поскорей выплыть на солнце.

— Ты странный, — вдруг сказала Валентина. — Правда — странный-странный, — она даже головой потрясла. — Какой-то... нездешний, вот правильно как. Нездешний. Может, ты ни из какого не из Воронежа, и не отдыхаешь ни в какой Марфинке?

— А откуда я? — еле слышно спросил Олег, не опуская глаз.

— С другой планеты, — просто ответила Валентина. — Или из будущего, как в книжках. Ловкий, сильный, ничего не боишься...

— А если это так? — по-прежнему тихо и не мигая, спросил Олег.

На секунду лицо Валентины стало неуверенным, почти испуганным. Потом она улыбнулась и махнула рукой:

— Да ладно тебе, мы же не в книжке... Очень хорошие стихи ты прочитал. Слушай, я тебе потом дам адрес Ленки, зайдёшь к ней в Воронеже?

— Конечно, — согласился Олег. А про себя подумал, что знает адрес

Ленки Семёновой. Как свой собственный... И поинтересовался: — А если бы ты правда встретила кого-нибудь из будущего — о чём бы спросила?

— Я так сразу не знаю... — лицо девчонки сделалось увлечённым и растерянным одновременно. — Столько вопросов... Спросила бы, как люди живут. И когда наступит коммунизм... И про войну — будет или нет... И ещё...

«Той, которой вы боялись, САМОЙ страшной — пока не было, — про себя ответил Олег. — Но, может, ещё будет, потому что никакого коммунизма не наступило, в мире столько могучих сил, и каждая хочет своего, и каждая верит, что именно она хочет правильного... А люди живут совсем не так, как вы — НЕ ТАК, и этого не объяснишь...»

— Ты чего шевелишь губами? — засмеялась Валентина.

— Молюсь лесным богам, — улыбнулся Олег. — У нас в будущем в них все верят.

— Хватит меня пугать, — жалобно отозвалась Валентина, — а то я и правда решу...

— Я правда из Воронежа, — ответил, прервав её, Олег. И тут лодка, на миг окончательно погрузившись в зелёную гущу, выскользнула на поверхность небольшого, почти идеально круглого озера, топкие берега которого полностью заросли камышом и молочаем.

А около них, около берегов, в прохладной тени лежали на воде среди широких зелёных листьев ослепительно-белые и нежно-розовые цветы с золотисто-солнечными сердцевинками. Очень красивые, но... Олег узнал их. Это были не лилии, а кувшинки.

Мальчишка бросил на Валентину недоумевающий взгляд. И прочёл в ответном — умоляющем! — что она знает: это не лилии; она знает: это кувшинки; но ей хочется, чтобы это БЫЛИ лилии — и в конце концов... разве это так важно?!

Олег отвёл глаза. И подумал, что кувшинки всё равно очень красивые.

И, может быть, даже немножко лилии. Тем более — раз она этого хочет.

— Я не буду их рвать, — немножко виновато сказала Валентина. Как будто ей стало неудобно, что она заставила Олега переться в такую даль с такими трудностями ради ерундовой прихоти. — Я просто посмотрю... Ладно?

— Конечно, — кивнул Олег. — Как хочешь.

Валентина легла на носу, опустив руку в воду. А Олег, отложив весло, подумал с весёлым ужасом, что пропал. Пропал, или даже П-Р-О-П-А-Л, по большим буквам, потому что ухитрился влюбиться в девчонку, которую даже нельзя поцеловать, которая даже не родилась ещё — и вообще умерла к тому времени, в котором он живёт!

А ещё он подумал, что, когда предотвратит катастрофу, больше не сделает сюда ни шагу. Потому что иначе он однажды останется здесь. Наплевав на дом, маму, отца, школу, весь свой мир — променяет его на это время, в котором живёт деревенская девчонка, велосипедистка и пловчиха, называющая лилиями озёрные кувшинки — называющая так, что они от её слов ПРЕВРАЩАЮТСЯ в лилии. Само ощущение такой возможности — остаться — ужасало. Но этим могло кончиться. Могло. Олег чувствовал.

И ещё... пришла мысль, которую Олег потом стыдился вспоминать. Но она была — секундная, как взмах тёмного крыла. А что если спасти ТОЛЬКО её? И не спасать совсем-совсем чужую женщину. Спасать Валентину — и увести её с собой... Но уже через миг Олег жалел, что нельзя избить самого себя — сильно, до крови. Никто не имеет права выбирать, кого спасать, а кого нет. (Разве только Бог... если он есть.) Нельзя своё счастье лепить на чужом горе. Да, многие так делают. В его, Олега, мире это даже стало почти нормой.

Но он — не будет. просто не будет, хотя бы — ради умения видеть в кувшинках лилии. И всё тут!

— Плывём обратно, — вздохнула Валентина. И Олег послушно заработал вёслами, разворачивая плоскодонку в обратный путь.

## ГЛАВА 15.

Они причалили у мостика, чтобы погрузить велосипед, оставленный Валентиной в кустах. Хорошо, что Олег выпрыгнул первым...

Очевидно, Марлен Моржик был очень зол, потому что даже не смог потерпеть — сразу появился из кустов, бледный, как стена. Расплывшийся во весь лоб синяк отсвечивал зловеще. Видок у парня был ещё тот — Олег так и застыл на прибрежной траве.

— Я ж тебе говорил — не лезь в наши места, — срывающимся от злости голосом сказал сын председателя. Хотя ничего подобного лично Олегу он не говорил. — И тебе... — он добавил неприличное слово, — говорил не бегать за этим городским!

— А ну прекрати ругаться, Марька, дубина! — возмутилась Валентина, вставая в лодке. — Иди отсюда! Ругаться он ещё при мне будет!

— Он пойдёт, — процедил Олег, — только сначала извинится. Ему одного раза мало, он по пояс деревянный...

В руке Марлена оказался обрез.

Настоящий — потемневший от времени «ошкамёлок» — Князь говорил так о чём-то коротком, несерьёзном — трёхлинейной винтовки, без приклада и большей части ствола, который удобно прятать под одеждой. Русское национальное оружие 20-х годов... И этот обрез смотрел Олегу в грудь — снизу, от бедра. С расстояния в три нешироких шага.

Олег быстро оглянулся — Валентина, закусив губу, смотрела на мальчишек

потемневшими глазами. Так... А у Марлена глаза были, как у страдающего без дозняка торчка — это Олег определил со знанием дела. Люди с такими глазами поглощены одной идеей. Торчок — достать ширево.

«А Марлен, кажется, хочет нас убить.»

Олег подумал это спокойно-спокойно, понимая чутьём, что это так — Марлен пришёл сюда не играть с обрезом, не пугать, а просто застрелить и его, Олега, и Валентину. Его — как соперника, удачливого соперника. Её — за измену. И ему плевать, что Валентине он и не был нужен. Можно мстить не только за настоящие, но и за выдуманные обиды. И не менее жестоко, чем за настоящие...

Интересно, что напишут в местной газете? И появятся ли изменения в «архиве» Князя?

В американских боевиках показывают специалистов «по убалтыванию террористов». «— Хэй, парень, ты ведь не хочешь лишних проблем? Мы выполним все твои условия, нужно только время, а пока — почему бы тебе не отпустить эту женщину в знак добрых намерений?!» Чушь собачья. Он всё равно выстрелит, этот козёл.

— Справиться не смог — пришёл с пушкой, трусло? — презрительно спросил Олег. — Стреляй! Быстро — стреляй, пока я тебе башку не оторвал! — и с этими словами Олег шагнул вперёд.

Он рассчитал верно. Марлен просто не смог хладнокровно выстрелить в человека в упор, ему понадобились две секунды, чтобы решиться окончательно... а Олегу — те же две секунды, даже чуть меньше, чтобы перехватить обрез, рвануть его вверх и одновременно беспощадно ударить Марлена коленом между ног. Следующим движением Олег зашвырнул так и не выстреливший обрез на середину речки.

И остался стоять, тупо глядя, как мальчишка немногим постарше его возится в траве, постанывает, мотает головой — очень больно, конечно, Олег получал такие удары... Потом Марлен сел. Взглянул на Олега снизу вверх ничего не выражающим взглядом, тяжело поднялся и побрёл вдоль берега, натываясь на деревья и спотыкаясь о корни. Олег проводил его бездумными глазами, повернулся к лодке и куда-то упал — долго, глубоко и темно...

...Очнулся он от того, что кто-то растирал ему руки — ложбинки между большим и указательным пальцем. Над Олегом склонялось лицо Валентины, и оно, это лицо, сказала:

— Очнулся, наконец-то! — с таким облегчением, что Олег улыбнулся.

— Что со мной было? — спросил он.

— Сознание потерял, — объяснила Валентина и плюхнулась рядом на траву. — Я так испугалась... ещё больше, чем раньше, мне почему-то вдруг показалось, что он успел тебя ранить... правда! — она вдруг шмыгнула носом и потёрла глаза. — Но как ты... его! Как в кино!

Олег чётко вспомнил происходящее — и ощутил тошноту. Точно, как в кино, а могло-то и по-другому быть. Но что ещё оставалось делать? Упасть на колени — и надеяться, что Марлен не выстрелит?

— Да, у вас не скучно, — Олег сел, потёр голые плечи — его зазнобило, рот наполнился кислой слюной запоздалого страха. — Три раза тут был — из них дважды если не убить, то избить пытались.

Последние слова он выговорил еле-еле — челюсть так и прыгала, язык заплетался. Было стыдно перед Валентиной — и за обморок, и за это запоздалую реакцию...

— Вот тебе и человек из будущего, — пробормотал Олег, — ловкий, сильный и ничего не боится...

— Если бы ты боялся — ты бы не бросился на обрез, — негромко, но уверенно ответила Валентина. — Знаешь, Олег, ты самый смелый мальчишка, которого я видела. Да и из взрослых...

— Давай никому не будем ничего говорить, — попросил Олег. — Вообще не будем... Ну я и перепугался... Раньше я в обмороки не падал. Фиговое ощущение.

— Фиговое — это плохое? — уточнила Валентина. — Раньше в тебя и из обреза, наверное, не целились... А говорить мы никому не будем, конечно.

— Пункт пятый выполнен, — подытожил Олег, поднимаясь на ноги и прислушиваясь к своим ощущениям. Ноги всё ещё неприятно подрагивали, но в целом слушались... — Сейчас лодку отгоним — что будем делать?

— Мне вообще-то на огород пора, — озабоченно сказала Валентина, посмотрев на небо, — картошку окучивать...

— Давай помогу, — предложил Олег. Валентина удивилась:

— А ты умеешь?

— Ещё бы, — гордо ответил Олег. — Я трижды ударник по башке председателя колхоза и дважды передовик всех курей на тракторе. Что мне картошка? Давай залезай, поплыли...

...На пришкольном участке помимо всего прочего росла какая-то чудовищных размеров кукуруза — верхушками вровень с крышей школы! Как объяснила мимоходом Валентина — это плод усилий сколько-то-летней давности, когда кукурузу заставляли сажать всех и везде.

— Царица полей, — вспомнил Олег. И уважительно посмотрел на эти экземпляры — они в самом деле тянули на царицу. Но Валентина поморщилась:

— Из-за неё хлеба не добрали тогда. Пошли поедем и пойдём вкалывать, если не передумал.

— Твоя мама хоть дома бывает? — поинтересовался Олег, когда они вошли в пустую квартиру. Валентина помотала головой:

— Не-а, почти нет. Выберут её председателем — я вообще в сироту превращусь. При живом родителе. Или живой? И родительнице?

— Мать — учительница русского языка, а как говорить — не знаешь, — подколот Олег. И услышал в ответ:

— Знаю. Слово «учитель» по родам не изменяется, понял?

...После еды, пока Валентина готовила инвентарь, Олег ещё раз прошёлся по школе, заглядывая в гулкие солнечные классы и комнаты. Чучела птиц и зверей, портреты учёных и исторических личностей взирали на него со стен и из шкафов. В кабинете математики на доске ещё сохранилась надпись: «Последний день, учиться лень!» В небольшом спортивном зале почему-то покачивался свисавший с потолка канат — словно по нему только что лазили. «А ведь я мог бы тут учиться, — подумал Олег, берясь за толстые, плотно скрученные волокна. — Интересно, как выглядела бы эта школа в наши дни?» Он вспомнил унылое, опустевшее здание с выбитыми и заколоченными окнами и вздохнул. — Вот если бы получилось и тут всё поменять! Ну это вряд ли.»

— Вода, вода — кругом вода... — напевала Валентина в коридоре. — Олег, ты где?!

— Тут! — откликнулся он. Валентина заглянула внутрь, уверенно подошла к канату, ловко, в несколько движений поднялась до верха, соскользнула вниз и показала язык:

— Э!

— А так умеешь? — Олег сделал быстрый кувырок назад, стойку на руках, из неё опустился в упор лёжа, сделал несколько махов ногами, сел на шпагат, лёг на спину, свёл ноги и прыжком поднялся.

— Зекенско, — оценила Валентина. — Научишь? Я те приёмы на мальчишках повторяла, а ты теперь ещё это покажи!

— Если время будет... Пошли картошку полоть.

— Ты потом писать будешь? — спросила девчонка, первой выходя в коридор и не оборачиваясь. — И на будущий год... приедешь?

— Обязательно, — ответил Олег, проглатывая мерзкий вкус вранья.

Бывают такие моменты, когда враньё имеет мерзкий вкус — это когда врёшь тому, кому врать не хочешь.

— Ничего, — утешил себя Олег, — главное, чтобы она жива осталась. А там пусть меня обзывает, как хочет, вспоминает, чем желает!»

...«Отчалил» Олег от Валентины во втором часу, в самую жару. Но в своё время



вернулся не сразу — завернул сперва на уже знакомый полевой стан.

У рабочих был обед. Но довольно легко мальчишка узнал, что Буров Николай (Колька!) полчаса назад уехал в Кирсанов, отпросившись по личным делам — и вернётся только утром пятнадцатого, через день.

Всё сходилось. Ещё Олег очень охотно поговорил бы с участковым или с Верой Борисовной о бумагах на Моржика — но не знал, с какой стороны тут подойти и решил, что, раз версия с терроризмом председателя отпала, то и хлопотать из-за этого нечего. Разберутся без него. Он даже слегка пожалел об этом — не раз уже Олег успел попредставлять, как он с ружьём в руках лично задерживает злокозненного председателя... возможно даже после перестрелки, когда Моржик будет уходить от него огородами, отстреливаясь из маленького плоского пистолета, как в фильмах про войну. Задержав — доставляет участковому и таинственно исчезает, навсегда оставаясь неизвестным героем. Потом Олег себя одёргивал, напоминая, что это всё лажа, что ему не десять лет — но через какое-то время мечты возвращались снова.

Может быть, потому что десять лет не так уж далеко лежат от тринадцати?

...По пути на кордон Олег обдумывал свои действия. Первоначально он хотел перехватить «студебеккер» на дороге. Но потом решил, что, если Колька был пьян до невменухи, то это дело проблематичное. Куда надёжней — предотвратить его выезд из Фирсанова. Но для этого следовало попасть в город очень рано утром — и всё равно с риском опоздать, потому что неизвестно было точно, во сколько алкаш выехал в Марфинку. Значит, следовало объявиться в Фирсанове ЗАВТРА, ЧЕТЫРНАДЦАТОГО. Заранее разыскать Бурова и действовать сразу. А потом ещё — заночевать в городе, чтобы утром убедиться живы ли Кривошаповы, сработал ли план.

А значит — вставал во весь рост вопрос: ЧТО ВТЮХАТЬ КНЯЗЮ?

## ГЛАВА 16.

Князь, приехав уже под вечер, когда солнце скрылось за верхушками деревьев. Олег, сидя за столом, читал ветхую книжку без обложки, оглавления и последних страниц, которую раскопал на полке. По его мнению, этот штрих должен был многое добавить к картине безысходного отчаянья, овладевшего несчастным мальчиком — и смягчить сердце лесника.

После односложных ответов на дежурные вопросы в доме воцарилось молчание, прерываемое только редкими, но душераздирающими вздохами Олега и скорбным шелестом страниц. Его план начал срабатывать. Совершенно незнакомый с психологией современных школьников (и школьников вообще, если на то пошло!), Князь забеспокоился после пятого вздоха. После седьмого — заглянул в лицо Олегу, встретив скорбный взгляд. После восьмого — не выдержал:

— Стучилось чего, Олега?

— Да так... — Олег нехотя отложил книжку. — Слушай, Князь... Можно мне в город съездить?

— Да за милую душу, — удивился лесник.

— С ночёвкой, — добавил Олег. Князь — и это отличало его в выгодную сторону от большинства взрослых, ответивших бы немедленно и не разбираясь «нет, конечно!» или «это ещё зачем, не выдумывай!» — спросил:

— А где ты там ночевать-то собрался?

— На Советской, — быстро ответил Олег, вспомнив название улицы, которую сам же Князь и упоминал когда-то.

— Угу, — буркнул Князь. И вдруг искристо стрельнул взглядом из-под бровей: — Девчонка, что ль?

— Да нет... — Олег замялся, потёр верхнюю губу, почти не изображая смущения, он и правда смутился. — Ну... да. На речке познакомились, она на день рождения пригласила. Я там не один буду, ничего такого... А заночую у одного парня, Андрея...

Дома Олег не стал бы так врать. Поднял трубку — и выяснил, что он врёт. Но Князь связывался с миром по рации, которой нет в жилых домах.

— Вот что, — сказал Князь. — Ленка мне тебя вроде как доверила... Ты у меня почти две недели живёшь. Парень ты хороший. Серьёзный, ответственный. Поэтому так скажу — езжай, а то от здешней жизни одичаешь не хуже меня.

— От этого я бы не отказался, — заулыбался Олег. Князь легонько щёлкнул его в лоб:

— Цыц... Но уж коль я тебе доверился, как взрослому — ты мне не подгадь. А то доверию нашему и дружбе — разом конец. Понял?

Это Князь спросил серьёзно. И Олег серьёзно ответил:

— Понял, Князь... Я ничего плохого, кроме хорошего, делать не собираюсь. Честное слово, Князь.

...«Хорошо, когда тебе доверяют, — думал Олег на раскладушке. — Если бы взрослые побольше нам доверяли — от нас меньше было бы неприятностей... Но с другой стороны, — уже критически подумал он, — как нам доверять? Мы же как щенки — всё на вкус попробовать надо, и хорошее, и плохое. Если за нами не следить, то что? Если за щенком не следить — получится невоспитанная помоечная собака, грязная, запаршивевшая. И кончит тем, что или грузовик её переедет, или за то, что жратву таскает, хребет перебьют. Жалко, а кто виноват? Кто не воспитал, не следил... — философствовал Олег. — Кричишь: «Дайте мне самостоятельности!» — а сам во взрослом мире разобраться не можешь, что хорошо, что плохо, а когда разберёшься — уже и поздно может быть... Не, ну какие они там, в прошлом, доверчивые! — мысли его приняли иное направление. — С одной стороны — подозрительные, везде шпионов искали... А с другой — двери не запираются! Если палка прислонена — никого дома нет. Велик в кустах оставила — если и найдут, всё равно не возьмут... Куда же всё это делось-то? Откуда наркота взялась, садюги разные, бандиты? Вот бы что понять. И вот бы что поменять...»

Он ещё о чём-то думал, но уже засыпал... Потом резко проснулся — почудилось, что над ним стоит Марлен с обрезами, на миг вернулся страх, но недолгий. Олег секунду смотрел в темноту, потом — вздохнул, перевернулся на другой бок и уснул уже понастоящему, крепко.

...Асфальтированной дороги тут не было. Олег пылил по просёлку — грязный и злой, как чёрт. Машин тут почти не было — только грузовики попадались. Ещё и полпути не проехал — а уже замучился, как в Африке.

Марфинский просёлок остался позади — но оказалось, что в 1964 году и госдороги не все были асфальтированы. Навстречу, как на параде, одна за другой проскочили «волга», «запорожец», «москвич» и «победа» — Олег узнал все четыре машины, старые, громоздкие, с округлыми корпусами, добротно выполненными из хорошего железа. Такие «коломбины», как называл их отец, и в начале XXI века ещё бегали бодренько по улицам русских городов.

Немного скрашивало трудности то, что Олег ощущал себя первооткрывателем. Марфинка всё-таки была чем-то замкнутым. А по этой дороге можно добраться куда угодно — в мире прошлого. Увидеть живых «битлов» и ещё никому не известного Высоцкого, чёрно-белые телевизоры-новинки в магазинах и танковый парад в Москве, Фиделя Кастро, о котором тут столько и с таким восхищением говорят, и свой Воронеж, и даже маму! У мальчишки просто ноги зазудели от желания нажать на педали — и... Как там говорил в книжках Толкиена старый хоббит Бильбо своему племяннику Фродо? «Видишь эту тропинку? Вот она ведёт к той самой дороге, по которой можно выйти к Пустошам, а там и до Драконьей Горы недалеко — так что если уж встал на неё, то придержи ноги руками, а то и опомниться не успеешь, как заведёт она тебя кто знает куда!»

И почему некоторые люди считают, что жить — скучно?!

Он вдруг вспомнил, как парень классом старше, почти незнакомый, два года назад за

школой предложил ему, Олегу, «затянуться». Любопытство было так велико, что Олег уже практически согласился — но увидел одного из своих одноклассников. Тот сидел на пенке, широко расставив ноги, и заливался тихим, неудержимым смехом, глядя на собственные пальцы. Переставал смеяться, шевелил ими — и закатывался снова, мотая головой и повизгивая. И глаза у него были какие-то утонувшие в мутной дымке... А у того, который протягивал Олегу «косячок» — голодные и злые, ненормальные... как у Марлена вчера. Олег тогда замотал головой, попятился, потом развернулся и побежал так, как будто за ним гнались.

А через год тот, старший парень — его звали, кажется, Вовка, а фамилию Олег не помнил — выбросился из окна десятого этажа, из своей комнаты. Рассказывали, что он стоял на подоконнике и взмахивал руками — долго, кто-то вызвал милицию, позвонил его родителям... Но перехватить его не успели — он последний раз махнул руками и прыгнул.

Наверное, ему казалось в те секунды, что он летит. Улетает от скуки, от тоски, от бесконечных одинаково серых в любое время года дней, от долгов и дозников — от всего сразу... Юрка, старший брат которого учился с Вовкой в одном классе, сказал, что тот «толкал наркоту» — про это многие догадывались, а другие просто знали. Толкал — и этим отработывал сперва свои «косячки», потом «баяны». И сам без этого уже не мог. А ещё брат Юрки сказал, что раньше этот Вовка здорово пел и играл на гитаре — чуть ли не с дошкольного возраста. Потом бросил. Потом ему стало всё равно. Всё и совсем.

Но ведь пел и играл — значит, был какой-то интерес в жизни?! Почему же ДРЯНЬ оказалась сильнее?! Почему она — в разных обликах — так часто оказывается сильнее, и не только мальчишек и девчонок, но и взрослых хороших людей?!

Это были плохие мысли, хотя и выросли они из хороших — о приключениях и Дороге. И Олег, чтобы перебить их, негромко запел из «Собак Качалова»:

— А нам было совсем немного  
Дней до первой весны,  
И до победы — одна дорога,  
А на этой дороге — мы...

Песня легла на настроение и исправила его. Почти совсем — Олег даже не сразу обернулся, когда его окликнули:

— П-пацан, т-ты в г-город?

Он оглянулся. Рядом медленно тормозил большущий грузовик — похоже, как раз «студебеккер», Олег плохо себе представлял эту марку. Из кабины свешивался небритый, морщинистый, хотя ещё, кажется, нестарый водила в засаленной кепочке и ковбойке — весёлые глаза смотрели дружелюбно.

— В город, — кивнул Олег, останавливаясь.

— С-сидись, — хлопнул водила по сиденью рядом, — а т-то ве-весь пропылишься.

— А велосипед? — спросил Олег. Водила махнул рукой:

— В ку-кузов б-бросай.

Олег обрадованно потащил свой транспорт к машине, думая, что будет на месте минут через десять. Но тут его внимание привлекло бревно.

Бревно было просто привязано к буксировочному крюку. Оно мирно лежало, ободранное и пыльное, на дороге позади грузовика. Сомнений не оставалось — сумасшедший шофёр буксировал бревно волоком.

— Там у вас... — неуверенно начал Олег. Шофёр отмахнулся:

— Е-ерунда.

Олег покорился. Вертеть педали дальше не очень хотелось — хотелось выпить холодненького и посидеть в тени. А если бревно прицеплено сзади, то так и надо.

— Фё-фёдор Ив-ванович, м-можно дядя Фе-федя, — представился водила, когда Олег устроился на пыльной кожаной подушке. В кабине было адски жарко, и мальчишка

потихоньку проклинал местную моду.

Положим, рукава ковбойки он закатал. Но как было бы здорово в шортах вместо джинсов! Тут в некоем подобии шортов — на лямках — ходили только совсем сопливые личности. Приходилось терпеть — да и в открытое окно задувало неплохо, Олег подставлялся под струю воздуха и наслаждался. Дядя Федя — что, впрочем, понятно — оказался неразговорчивым и знай крутил, посвистывая, баранку. Впрочем, совсем скоро Олегу предстояло убедиться, что язык у его нового знакомого подвешен совсем неплохо...

Преодолев длинный подъём — Олег обрадованно представил, как тащился бы на него с великом — «студебеккер» свернул на асфальтированную дорогу, обсаженную кустами и деревьями, дававшими хорошую тень. Справа за деревьями тянулись поля, слева... сперва Олегу показалось, что там лес, но потом он различил среди деревьев постройки, а ещё потом вдруг на миг мелькнуло поле аэродрома и самолёты на нём.

— Ф-ФАТУГА, — пояснил дядя Федя в ответ на пойманный заинтересованный взгляд Олега. А ещё через секунду грузовик проскочил мимо арочных ворот со стеклянной будкой КПП, над которыми под красной звездой шла надпись из серебряных букв:

ФИРСАНОВСКОЕ  
АВИАЦИОННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ  
УЧИЛИЩЕ ГРАЖДАНСКОЙ  
АВИАЦИИ

«ФАТУГА,» — сократил для себя Олег. Они ехали по дороге, с которой Фирсанов было видно, как на ладони — город лежал в низинах, взбирался по склонам холмов, утопал в зелени: крыши, деревья, снова крыши... Машины стали попадаться чаще — они так и шарахались от размашисто ходящего по дороге бревна. Потом дядя Федя поморщился, глядя в зеркало заднего обзора, сказал: «Та-так...» — и начал тормозить.

Жёлто-синий мотоцикл с буквами ГАИ на люльке догонял грузовик. Олег мысленно выругался и напрягся — пытался сообразить, что делать, если начнутся расспросы. Вот так так...

Дядя Федя совершенно спокойно, не глуша двигатель, прижался к обочине и приоткрыл дверь, не пошевелился даже. В кабину заглянуло суровое лицо под козырьком непривычно-маленькой фуражки, рука отдала честь:

— Сержант Самохин... Товарищ водитель, что за безобразие?

— Ка-ка-акое? — удивлённо осведомился дядя Федя.

— Я о бревне на вашем буксировочном тросе, — язвительно пояснил сержант.

— Ч-чего?! — дядя Федя всмотрелся в лицо гаишника, как бы проверяя, не пьяный ли он. — Т-ты что, се-сержант, т-т-треснувши с у-утра?!

— Отставить! — сержант сердито свёл брови. — У вас на буксировочном тросе бревно, вы же не будете этого отрицать, товарищ водитель?!

Дядя Федя ещё несколько секунд смотрел ему в лицо, потом — свесился из кабины, посмотрел назад... и разразился потоком брани — не матерной, но очень разнообразной. Сержант даже попятился, а водила выпрыгнул наружу, продолжая ругаться:

— С-славка, па-па-паразит, что учуд-дил! Ах, па-па... — он даже задохнулся от возмущения, схватил сержанта за рукав: — Но то-то я гля-гляжу — ту... ту... туго идёт, туго, п-понимаешь?! Ду-думаю — что та-такое?! Ах, па-па... В-вот че-чего, командир! Да-давай отцепляй э-эту хре-хреновину.

Последнее было сказано уже тихо и деловито. Сержант заморгал:

— Ку-куда? — заикнулся он, нервно поправляя фуражку. — Куда мне её отцеплять?

— А мне ч-что за го-горе? — пожал плечами дядя Федя. Олег с немим изумлением наблюдал эту сцену, достойную ученика Станиславского. — О-отцепляй, за-зачем она мне?

— Но подождите, я на дежурстве... — слабо запротестовал сержант.

— А я на-на работе! — рывкнул дядя Федя. — Я с не-ней в го-город въехать не успею

— ме-меня ва-ваши сгребут!

— Ну хоть домой её довези к себе, — сержант перешёл на «ты» и умоляющий тон. Дядя Федя сплюнул:

— На-на кой о-она мне?! Отцепляй.

— Мужик, будь человеком, — понизил голос сержант. — Давай я тебя до твоего дома отконвоирую. А?

Дядя Федя сдвинул на лоб кепку. Он разрывался между нехваткой времени и желанием помочь человеку. Потом — махнул рукой:

— А-а, лад-дно! То-только до дому!

— О чём разговор! — повеселел сержант. — Ты где живёшь-то?...

...Олег даже не смеялся. Заика-водитель действовал с хладнокровием советского диверсанта Кузнецова, который, застрелив в собственном кабинете оберфюрера СС Функа, спокойно из кабинета вышел, спокойно ответил на вопрос пробежавшего мимо офицера: «Вы не слышали выстрел?!» словами: «Не слышал,» — спокойно вышел на улицу и спокойно ушёл. Об этой истории Олег недавно читал в книжке «Малая война». Дядя Федя это бревно скорее всего, как тут говорили, «смылил». Но заслуживал уважения за непробиваемейшую наглость...

## ГЛАВА 17.

Олег сошёл за мостом через неширокую спокойную речушку и довольно долго смотрел вслед удаляющемуся под конвоем (или почётной охраной?) милицейского мотоцикла грузовику — пока мотоцикл, грузовик и бревно не свернули куда-то за угол. Потом — отправился осматривать окрестности и искать автоколонну №4.

...Фирсанов оказался зелёным и тихим полусельским городком, где люди казались незаметными и собаки спокойно дрыхли в дорожной пыли, лениво просыпаясь и перебегая на пару метров при появлении редких, как белые вороны, автомобилей. Многоэтажных зданий практически не было, но зато город широко раскинулся из-за того, что вокруг каждого дома были сад, огород, палисадник, клумбы... На лавочках чинно восседали старушки. И даже административные здания выглядели не официальными, а домашними и добродушными — если так можно сказать про дома. Было много надёжных, добротных построек конца прошлого... или позапрошлого, как смотреть... короче, XIX века — из отличного кирпича, толстостенные, они стояли без единой трещинки. Олег подозревал, что и в 2001 году они выглядят так же, как и в 1964. И в 2064 будут выглядеть, как в 2001 — умели люди строить!

Центр города зарос зеленью. Олег отчаялся понять — то ли это здоровенный парк, разбитый вокруг площади (местами встречались фонтаны, глуповатые гипсовые скульптуры и неудобные скамейки) — то ли одичавшие и слившиеся сады (попадались плодовые деревья, а в двух местах Олег наткнулся на загадочные развалины). На площади стоял памятник героям Гражданской войны — и новенький кинотеатр «Россия». В десять часов начинался детский сеанс с фильмом «Пассажир с «Экватора», в 12, 14, 16, 18 и 20 часов шли взрослые сеансы — показывали «3+2». Билет на детский стоил 10, на взрослый — 30 копеек. До «Пассажира...» оставалось ещё тридцать с лишним минут, но у кассы уже толпились мальчишки и девчонки, ничем не отличавшиеся от марфинских. Кое-кто был одет получше, но многие просто босиком — вот такого в городах, даже небольших, Олег никогда в своём времени не видел, если только это не пляж или перед тобой не маленький бомжонок либо хиппарь.

В кино вообще-то сходить хотелось. Олег там ни разу в жизни не был, если честно — и если исключить видеобары. Но, сурово напомнив себе о деле, мальчик отправился... завтракать.

Нет, он поел, прежде чем выехать из дому. Но это было почти три часа назад, утром аппетита не было, а дорога его разожгла. Да и пить хотелось всё больше. Скитаясь по аллеям странного парка, Олег набрёл — и довольно быстро — на кафе, носившее заманчивое название «Север». На ступеньках сидели двое похмельных — им было отчётливо плохо и задумчиво. При виде Олега оба было воспрянули духом, но, разглядев мальчишку, сникли опять. Олег, покосившись на них, завёл свой велосипед в коридорчик.

В не очень чистом большом зале было душно и плохо пахло. Столы поблёскивали — и это была не полировка, а растёртый жир. В синих вазочках пылились искусственные цветы. За стойкой скучала сильно распространившаяся во все стороны мадам непонятного возраста, но явно очень гордая собой.

Олег осторожно присел на край ближайшего стула. Мадам покосилась на него и зычно осведомилась:

— Чего расселся?!

Мальчик слегка растерялся. До сих пор люди этого времени казались ему более общительными, весёлыми и открытыми, чем его современники — по крайней мере, такого хамства он в свой адрес не слышал ни разу в жизни. А мадам повторила, выложив на прилавок лапы (с маникюром и грязью под длинными ногтями):

— Чего расселся, спрашиваю?

От такого голоса забрёдшие сюда пацаны и девчонки вылетали наружу с ракетной скоростью. Мадам это не раз проверяла и вообще считала себя очень важной персоной. Она и не представляла, что имеет дело с мальчишкой, выросшим в совершенно другом времени — и не привыкшим к хамству со стороны тех, кто обслуживает людей, а значит — зависит от них. В Воронеже вошедший в кафе, магазин, бар, салон человек становился объектом небескорыстного, но пристального внимания и поклонения — это был ПОКУПАТЕЛЬ, и от того, оставит он свои деньги тут или понесёт в соседнее заведение, напрямую зависела зарплата сотрудников: от директора до технического сотрудника. Возраст и пол роли не играли. Олег и знать не знал (и не мог представить!), что «Север» делает сборы на спиртном — а подросткам его не продашь, значит, и возиться с ними нечего.

— Вы меня не обслужите? — вежливо, но неприязненно сказал Олег. — Я хочу есть. И пить.

— Дома надо есть. И пить, — буркнула мадам, но лапы убрала.

— А это моё дело, — заметил Олег.

— Соплив ещё — меня обговаривать! — лапы вновь появились, очевидно, они служили индикатором плохого настроения. — У нас самообслуживанье! Читай меню и заказывай, только деньги сперва посчитай!

В своём времени Олег не постеснялся бы позвать владельца кафе или его представителя — после чего имел бы удовольствие наблюдать, как мадам вылетает с работы в течение четверти часа. Плюс у 2001 года было немало. Но тут Олег мобилизовал почерпнутые из фильмов знания, вспомнил, что в те времена продавцы, официантки и прочие отличались особым хамством и были фактически неподконтрольны органам власти, составляя что-то вроде мафии — и спокойно направился к стойке, где висел косо припиленный листок со следами пальцев и нечёткими машинописными строками.

Из довольно куцевого списка Олег выбрал пельмени — тридцать две копейки за порцию, со сметаной — и газированную воду «Буратино». Про такую он не слышал, но колы тут, конечно, нет, а пить из водоразборной колонки на улице он как-то опасался, хотя видел, что тут так делают даже взрослые.

Вилка едва не выскользнула у него из пальцев. Во-первых, она была скользкая. А во-вторых лопнувшие ошмётки с какой-то коричневой начинкой, плававшие в жидкости, похожей по консистенции на воду, но белого цвета — не вдохновляли, хотя от них и валил пар. Зато хлеб был свежий, а стакан с газировкой — неожиданно чистый.

— Вилки можно и помыть, — заметил Олег. И был сражён молниеносным ответом:

— Если интеллигентный — надень очки и давай в ресторан. После чего мадам с

ощущением полной победы расплылась за стойкой, как кусок теста.

Пельмени оказались отвратительными. Хуже макдональдсовских гамбургеров, хотя Олегу раньше казалось, что это невозможно. Мясо отдавало на вкус чем-то, о чём лучше не думать — будь на месте Олега девчонка из его времени, её бы точно стошнило. Олег же с чёрным юморком представил себе, как на кухне засыпают мусором в ведре отрубленные собачьи головы — есть стало даже как-то веселее. А газировка против ожидания оказалась очень хорошей. «Зекенская,» — усмехнулся Олег, запивая ею пельмени.

Он не заметил, как в кафе вошла девчонка — лет десяти, волосы заплетены в неплохую косу. «Но лэхэка лучше,» — вспомнил Олег и улыбнулся в стакан, наблюдая, как девчонка робко приблизилась к прилавку и выложила на него монеты, негромко попросив:

— «Буратино», пожалуйста...

Громко засопев, мадам пересчитала мелочь и буквально метнула по прилавку бутылку. Вроде бы даже специально так, чтобы покупательница не удержала... она и не удержала. Бутылка с пенным хлопком кокнулась об пол.

Ой, что тут началось! Каких только оскорблений девчонка не выслушала за кратчайший срок — и в свой адрес, и в адрес родителей, от которых произошло безрукое и безмозглое существо... Голова с косичкой опускалась всё ниже... и Олег заметил, как первые слезинки капнули в лужу газировки. А мадам усилила натиск. Ей словно доставляло удовольствие ругаться!

Олег ощутил настоящую злость. Он резко встал — так резко, что мадам, всё ещё ругаясь автоматически, вскинула глаза на него — и, перешагнув через несколько стульев, подошёл к стойке. И спокойно, но громко сказал:

— Заткнитесь.

Мадам поперхнулась последним ругательством. Глаза у неё сделались непонимающими. Из окна раздачи высунулось сразу несколько голов.

— Вы наглое, глупое, жирное существо, — отчётливо выговаривая слова и слегка прищурившись, сообщил Олег. — Помимо этого вы ещё и до отвращения неопрятны... Бутылку «Буратино», пожалуйста.

Словно под гипнозом, мадам поставила перед Олегом ещё одну бутылку. Он выдернул из стаканчика на стойке бумажную салфетку, тщательно вытер ею стекло и только после этого взял бутылку в руки, бросив девчонке:

— Пойдём.

Уже у самых дверей, пропустив спутницу вперёд и взяв велосипед за руль, Олег обернулся ко всё ещё хватающей ртом воздух мадам:

— Да. Я чуть не забыл. Завтрак был отвратительным. Спасибо.

Они успели отойти шагов на десять от кафе, прежде чем сзади разразился ураган...

— Перестань реветь, — сердито попросил Олег. Девчонка всхлипнула:

— Э-это не м-мои деньги... ре-ре-ребята собирали...

— Везёт мне на заик, — вздохнул Олег. — На, держи бутылку, это я тебе купил.

Дальше события развивались вполне дурачки. Захрустели кусты — и человек пять мальчишек и девчонок помладше Олега, но очень решительно настроенных, окружили его и всё ещё всхлипывающую нез-накомку.

— Ты чё, ситро отбирать? — спросил один из мальчишек. — Свет, он чё, тебя отбуждал?

— А мы его самого ща отбуждаем, — деловито пообещал ещё один, — у него шарики с лобешника на... — и он со вкусом срифмовал название мягкого места Олега с «лобешником», — переедут.

— Опять, — сказал в небо Олег. — Правильно все боялись, что СССР собирается мир захватить. Только вот эти подрастут...

— Чё, чё?! — уже наступал первый из мальчишек. Но тут решительно вмешалась девчонка:

— Уйди, Венька, дурак! — вклинилась она между Олегом и своим приятелем. — Он

совсем наоборот за меня заступился, а ты лезешь! Уйди!

...От своей доли газировки Олег отказался — просто сидел на остатках каменной стены среди кустов и лениво слушал, как компания — а их было семеро — обсуждает план проникновения в кинотеатр без билетов. Ему уже многоголосо, но доходчиво объяснили, как найти четвёртую автоколонну — у задиристого Веньки там работал отец — и теперь немного стеснялись «взрослого парня». Хотя, между прочим, только что собирались отколотить его за одну из «своих» — и это при том, что по здешним меркам Олег тянул на все шестнадцать лет!

— Ладно, пойду я, — Олег поднялся и, нашарив в кармане рубль, положил его на камень. — Держите. Только с условием — и дальше вот так друг друга защищайте, если что.

Второй раз за полчаса он слышал за спиной потрясённое молчание — только в этом молчании были радость и недоумение. Олег уходил по тропинке, катил рядом велосипед и думал, как здорово себя ощущать взрослым, сильным и справедливым.

Правда — здорово.

...К восьми часам вечера Олег опух от безделья и устал. В автоколонне ему отказались дать адрес — ответили, что, если нужен Буров, так и приходи завтра к утру, часам к шести, он поедет. А адрес — зачем тебе? Он исколесил весь город, посмотрел виденную по телевизору «3+2» и отлупил возле клуба железнодорожников двоих парней, вздумавших выяснять территориальную принадлежность Олега к каким-то враждующим группировкам. Парни долго и уныло кричали вслед однообразные угрозы — Олег потом ещё дважды проходил мимо клуба, чтобы выяснить, как это они ему вставят вместо ног спички, но там уже никого не было.

Наступал ленивый июньский вечер. Город окончательно перешёл под власть мальчишек и девчонок, только возле кинотеатра было много взрослых, пришедших на последний сеанс, ну и ещё на обнаружившейся в другом конце города танцплощадке не протолкнуться было от молодёжи. Танцевали под самую разную музыку, за порядком следили дружинники и менты (без оружия и дубинок!) — Олег видел, как быстро и умело выдворили каких-то пьяных. Он бы и сам потанцевал, только ноги «уходились». А так — несколько прошедших мимо девчонок бросили на него любопытные взгляды, а отойдя — начали хихикать и даже оглядываться...

Пора было устраиваться на ночлег. Проще всего казалось переночевать где-нибудь на лавке, но Олег внезапно заопасался милиции. Попроситься, что ли, к кому-нибудь в наглую? А что — выход!

И он, конечно, попросился бы. И его, скорее всего, пустили бы. И кто знает, как развивалась бы дальше наша история, не окажись на пути Олега лавочка — обычная лавочка возле заплетённого диким виноградом забора, на которую он и сел, поставив рядом свой велосипед. Снял кеды и носки, вытянул ноги и решил, что просто дождётся хозяев и попросится именно сюда. А если никто не появится — заночует тут. Ночь обещала быть тёплой, а менты вряд ли станут шариться по околицам.

Сам Олег позже относил дальнейшее развитие событий на счет того, что в мире есть справедливость, Бог, счастливая судьба — называйте, как хотите. Иначе как объяснить, что из сотен фирсановских лавочек он выбрал именно ЭТУ? И что не попросился на ночлег, а решил просто ЖДАТЬ?

И — дождался...

...«Виллис» проехал по дороге и остановился за плотной стеной деревьев, ограждавшей служившую тротуаром утоптанную тропинку. Очень знакомый голос — Олег даже поморщился от напряжения, стараясь понять, откуда его знает — важно произнёс:

— Ты, Вить, поезжай, до завтра ты мне не нужен. А завтра будь тут в семь, как штык. Ну всё, давай.

Хлопнула дверца. «Виллис» уехал. Человек почему-то не спешил идти домой — сквозь листву загорелся и замигал огонёк папиросы. Курильщик стоял на дороге и чего-то ждал, судя по вспышкам — ждал нервно. Олег тоже не двигался, ничем вообще не выдавал своего



присутствия. Почему он так делал? А кто его знает. Ну стоит человек. Ну курит, любуясь летним вечером. Только вот было что-то ТАКОЕ в том, как он стоял и курил. И голос — откуда знаком этот голос?!

Кто-то подошёл с другой стороны — тоже по дороге, неслышно ступая — проплыл, мигая и исчезая за ветками, огонёк второй сигареты или папиросы. Несколько секунд огоньки висели друг рядом с другом. Потом незнакомый спокойный голос сказал:

— Пришёл, как ты говорил, Изот. Теперь разговор будет, или опять... — смешок, — важные дела у тебя и времени на старого друга нет?

— Таких друзей... — откликнулся первый, и Олег едва не хлопнул себя по лбу — Изот! Во блин — Изот Моржик, ну и встреча! А председатель продолжал говорить: — Ладно, теперь побеседуем.

— И правильно, — миролюбиво согласился его собеседник. — Правильно, а то ведь я со зла да с отчаянья могу про тебя кое-что вспомнить... а, Изот?

- Не пугай, не пугай! — испуганно взвился Моржик. — Что ты вспомнишь, а?! Что?! Ну купил я себе справку. Белый билет<sup>4</sup> купил, было! Так ведь когда было?! С тех пор одних амнистий штук пять прошло! Ну попрут меня из председателей! Так мне всё одно теперь на этом месте не усидеть долго, знаю я...

— Да что ты, Изот, что ты, друг сердешный, — зловеще пропел второй голос. — Кому до твоих белых билетов дело — через двадцать-то лет после войны? Я про другое, Изот...

— Не докажешь, — осип Моржик. — Не поверят.

- А на кой мне доказывать? — удивился человек. — С моей-то липой меня всё одно со дня на день загребнут. Я на первом же допросе на тебя... — он добавил несколько мерзких слов (Олег с ним согласился), — покажу. Как ты работал на Великую Германию. В батальоне «Нахтигаль»<sup>5</sup>. И после того, как весь батальон большевички положили, ты, мразь, подался к Канарису<sup>6</sup> и был заброшен в Совдепию<sup>7</sup>, в Тамбовскую область. И как ты уже тут своих новых хозяев бросил, когда почуял, что не выгорело у них. И как белый билет ты не купил, нет — своими руками нарисовал, на чистеньких бланках, в германских типографиях отпечатанных. Я ж про тебя всё знаю, гнида.

— Откуда?... — захрипел Моржик. — Откуда знаешь, ты-и...

— Р-руки! — прорычал человек. — Ну?! — и беспощадно продолжал. — Возьмут тебя — и шлёпнут. А мне за тебя, глядишь, вышку на срок сменяют. У тебя ведь жена, сын — они-то про это и не знают ничего, а, Изот? Каково им будет на голом месте оставаться? Не надейся, что всё наворованное — домик этот в городе, машину, сберкнижки твои, подлюка! — им оставят. Конфискуют, да ещё и такое клеймо на всю жизнь припечатают!

— Га-ад... — панически простонал Изот. — Гад, гад...

— Я гад? — удивился незнакомец. — Не путай. Я эту власть, эту страну, ненавижу, сколько себя помню. Я с германцами до Москвы и обратно до Берлина шагал, а потом двадцать лет прятался — и ненавидел! А ты крал. Ты крал, вонючка! Ты сперва Совдепию предал, потому что так выгодно было. Как от германцев удача отвернулась — ты и их бросил. У Советов крадёшь. Победили бы германцы — ты б и их обворовывал... Так что выбирай, Изот. Или мне поможешь — и сам спасёшься. Или я тебя утоплю. В дерьме утоплю. Вот те крест. Ты меня знаешь.

— Что нужно? — неожиданно деловито спросил Изот.

— Документы, — коротко ответил человек.

— Быстро не смогу, а много времени у меня нет. На днях я из председателей полечу, как бы из партии не погнажи...

— Ух, какой ты идейный!

— Идейный не идейный, а партбилет вещь важная...

Олег окаменел на скамейке и перестал дышать. В нескольких метрах от него на пустынной улице разговаривали два страшных хищника — таких, какие уже и перестали встречаться в его время. Никакие мафиози, никакие уголовники не могли с ними сравниться — куда там! Олег понимал это чутьём. И тем же чутьём осознавал, что его спасение — в

полной неподвижности, пока это возможно. Если он выдаст себя — его просто никогда не найдут. Даже останков. И ни приёмы, ни нож на ноге не помогут.

Даже подумать об этом было страшно.

Но при этом он продолжал слушать. И фиксировать.

Два хищника на дороге по-прежнему говорили — негромко и деловито.

— Слушай сюда, — вдруг сказал Моржик. — Давай так. Ты мне, я тебе. Ты сделаешь так, что я останусь председателем, а я тебя спрячу. Месяцок посидишь, потом достану тебе документы — полный набор. Если хочешь, даже охотничий билет.

— Кого надо убрать? — быстро спросил незнакомец. Олег сгорал от желания увидеть его лицо. Хоть на секунду.

— Бабу одну. Завтра утром она из моей Марфинки поедет на мотоцикле сюда, в Фирсанов. Где-то в начале восьмого.

— Пристрелить её, что ли? — осведомился незнакомец. Моржик даже зашипел:

— У-у, как ты мясником был, так и остался! Зачем мне такое?! Слушай сюда... В городе ночует один шоферюга, пьянь-пьянцовская. Он у меня в колхозе по командировке, а тут отпросился. Завтра утром быть ему на работе... Я тебе адресок дам. А ты с утра, до отъезда, его подлови. Столовку для водил знаешь?

— У заправки? Знаю.

— Вот там и подлови. Он там точно остановится. Сделай так, чтобы ужрался. Один его не пой, в компании — чтобы видели: сам уехал. А ты напросись ему в попутчики до саратовского поворота. На повороте он тормознёт...

— Я его вырублю, — подхватил незнакомец, — поверну сам на Марфинку, подкараулю бабу, подшибу, посажу твоего водилу на место — и к тебе.

— Точно, — Моржик хихикнул. — Я тебе потом нарисую, как на Марфинку ехать и как ко мне со стороны огородов добратся. Мусоров в такую рань на той трассе нет.

— Сволочь ты, Изот, — задумчиво подытожил незнакомец. — Ох и сволочь.

— Какой есть, — не стал спорить Моржик. — Согласен?

— Согласен... А ты сам?

— А я позже приеду. Ты осторожней будь. Баба на фронте в спецвойсках служила, не считаешь — она тебя положит.

— В спецвойсках? — быстро переспросил собеседник Моржика. — Это ты меня порадовал. Ненавижу ихнего брата. Совмещу приятное с полезным! — и он засмеялся.

От этого смеха Олегу стало нехорошо. И в то же время он понял, что сидеть тут не имеет больше смысла. Двигая только правой рукой, он запихал носки в кеды, взял обувь в руку. Другой рукой поставил, закусив губу, велик на колёса. Возле дороги продолжали разговаривать на какие-то уже незначачие темы. Олег поднялся и шагнул.

Сперва он ощутил — не услышал, а именно ОЩУТИЛ всем телом — неприятный хруст. Потом в левой ноге вспыхнула и быстрой, горячей волной пошла по всему телу боль — острая и ярко-красная: именно такой цвет Олег вдруг увидел перед глазами. За первой волной прокатилась вторая, потом — ещё и ещё... Олег поджал левую ногу — подошву быстро и густо заливало тёмное, капало с пальцев. Ближе к пятке торчал краем глубоко вошедший кусок стекла.

Мальчишку замутило, в ушах тоненько зазвенели колокольчики, рот наполнился слюной. Пересилив себя, Олег навалился на велосипед и, наступая только на пальцы левой, захромал прочь так быстро и тихо, как только мог. К счастью, кусты скрывали его полностью, а двигался он бесшумно, заставив себя не обращать внимания на боль, молнией брызгавшую из ноги прямо в мозг при каждом движении — Олег только каждый раз крепко жмурил глаза перед тем, как сделать шаг. И твердил про себя, как заведённый: «Больно больно больно больно больно...» Но шагать не переставал, потому что иначе было нельзя. Кто-то кладёт руку в огонь и продолжает спокойно разговаривать с врагом. Кто-то с оторванными ногами стреляет из пушки.

Ну а кто-то идёт со стекляшкой в ноге. В принципе это одно и то же.

За углом Олег свалился в траву под забор и облегчённо подумал, что сейчас потеряет сознание. Но не потерял, а полежал и сел, отпихнув велосипед.

Из окна дома, возле забора которого он рухнул, падал косой полосой свет. Олег перебрался ближе к нему и положил ступню себе на колено — так, чтобы кровь не залила джинсы. А она не унималась — текла неспешно и густо по обе стороны скалящегося стеклянного обломка. Олег сразу перепачкал пальцы и застыл в нерешительности. Он не знал, хватит ли у него духу выдернуть стекляшку. И не знал, как глубоко она вошла. Но самой мерзкой была мысль о том, что он искалечился и не сможет толком сесть на велосипед и ехать — а от скорости его передвижения теперь зависело многое. Да что там — ВСЁ!

Морщась, он осмотрел разрез — ровный, тёмный. Похоже, осколок вошёл отвесно и его можно выдернуть, как расшатавшийся зуб. И это НАДО было сделать, а потом — остановить кровь, иначе можно потерять её слишком много...

Олег взялся за осколок покрепче, чтобы тот не выскользнул из пальцев. Сделал несколько вдохов-выдохов — и рванул стекляшку.

Сверкнув в луче света рубиновым, осколок отлетел в сторону. Кровь, словно обрадовавшись свободе, потекла быстрее и сильнее. Олег стиснул ступню. Из глаз сами собой полились слёзы, и сквозь стоявший в ушах гул напряжения пробился испуганный женский голос:

— Мальчик, что с тобой?! Мальчик!

Олег проморгался. Женщина средних лет, в открытом платье, стояла около него с ведром, полным клубники. Лицо женщины было сочувствующим и встревоженным, она смотрела на руки Олега — по его пальцам текла кровь.

— Я порезал ногу, — сквозь зубы процедил мальчишка. — Если вас не затруднит... дайте мне бинт, йод и лейкопластырь.

— Что? — женщина поставила ведро. — Сейчас, погоди, погоди! — она быстро подошла к калитке, деловито открыла её и прокричала внутрь: — Лёш! Лё-ош!

— Чего? — откликнулся мужской голос. — Клубнику принесла?

— Да погоди ты с клубникой! Иди сюда, тут мальчику плохо!

## ГЛАВА 18.

— Олег... Оле-ег...

Ничего не понимая, Олег вскинулся в постели. Серый полусвет раннего утра лежал на полу размытыми квадратами. Сонно жужжала одинокая муха. Плотно забинтованную ногу слегка подёргивало. Над ним наклонялся сын хозяев, Ромка — волосы дыбом со сна, в одних трусах.

— Чё? — вырвалось у Олега. — Чё ты?

— Половина четвёртого, — шепнул Ромка. — Тише говори.

— Я же просил в три!... — бешено прошипел Олег, садясь.

— Батя с мамой решили тебя не будить, чтоб отдохнул как следует... Мама сказала: «Какие там у него важные дела, успеет.» А я будильник под подушку сунул.

— Ну спасибо... — Олег сидя одевался. — Спасибо, ты даже сам не въезжаешь, какое дело сделал!

— Да ладно... — улыбнулся Ромка. — Я же вижу, что правда дело... Это только взрослые думают, что у нас важных дел не бывает.

— Ты сегодня минимум две жизни спас, — Олег, кривясь, натягивал кед на пораненную ногу. — Так. Пойду.

— Я калитку открою, — вызвался Ромка. — А как же ты поедешь-то?

— Как-нибудь, — вздохнул Олег. — Пошли, только тихо.

Снаружи был прохладный туман. Ромка, поёживаясь, осторожно приподнял щеколду,

пояснил:

— Сколько раз я на ней попадался — лязгает, зараза... Ну, будь.

— Будь, — Олег протянул руку. — Предкам привет... ой, родителям. И спасибо. Я не в обиде.

— Интересная у тебя жизнь, — сказал вслед Ромка.

— В меру, — ответил Олег, седлая велосипед.

...Оказалось, что ехать на велике он вполне может — главное было не нажимать полной ступнёй, стараться жать пальцами. Но несколько раз получалось попасть всей ногой — в глазах темнело.

Выбраться за город Олег не успел — и слава богу. Возле него затормозил «студебеккер» — и знакомый голос поинтересовался:

— Т-т-туризм, о-отряд «Т-туда-сюда»? Са-садись, по-попутчик.

Это был дядя Федя — совершенно такой же, как вчера. За этот отрезок времени столько всего произошло, что Олег перестал удивляться совпадениям — просто влез на подножку, забросил велик в кузов и с облегчением плюхнулся на кожаную подушку.

Без бревна Федя гнал куда быстрее и снова насвистывал, по-прежнему не задавая вопросов. Пролетали за окнами кабины уже знакомые места — в Олеге всё пело: «Успеем, успеем! Классно всё получается, крутейше — сколько же на свете хороших людей!»

Именно после этого приятного умозаключения под машину попал гусь.

Олег даже не понял, как это произошло. Просто дядя Федя, выкрикнув неожиданно совершенно без заикания короткое русское слово татарского происхождения, вывернул на обочину, над дорогой с кагаканьем пронёсся серый ураган, хлопающий крыльями, а из него, несмотря на ранний час, возникла хозяйка — бодрая бабуля лет за семьдесят, вооружённая клюкой, каковой она и атаковала «студебеккер» при моральной поддержке невесты откуда высыпавших пяти или шести своих ровесниц.

— Нехри-и-и-исть! Лучшего гусака ыть пе-ре-е-ха-ал, пы-ры-зит!!!

— Проходу от йих не стало вчистую, грохочут, воняють...

— Заявить на его надыть! Заявить, и никаких...

— Лучшего гусака!... — с интонациями «ой да и на кого ж ты меня покинул, сокол ды ты мой разнешшасный-та!» рыдала пострадавшая.

— А им чо?! Им чо?! Зальют zenки-то с утра свои бесстыжии и гонють, и...

— Фамилию! Фамилию пиши!

— Гусак-то весь такой ладный был!...

Дядя Федя покинул кабину с достоинством христианского миссионера, идущего на проповедь среди туземцев-людоедов. Не обращая внимания на грозно взлетевшую над его кепкой палку, водитель раздвинул бабuleк, не решившихся всё-таки оказать ему физическое сопротивление и нырнул под грузовик. Бабки обрадованно и грозно загудели, решив, что погубитель национального пернатого героя — до таких масштабов распахнул в их выкриках крылья гусак — спасается бегством. Но дядя Федя появился почти тут же, держа в правой руке на весу (не без усилия — гусак был здоровенный, что правда, то правда) труп пострадавшего. Обведя суровым взглядом небольшую толпу, он строго спросил:

— Ч-чей г-гусь?

Наступила тишина — словно захлопнули бронированную дверь. Потом одинокий голос робко пискнул:

— А чего й то?

— К-кардан помял, — пояснил дядя Федя, забрасывая гусака в кузов. — В-вещдок... Хозяйка, с-садись, п-поедем разбираться. М-мне з-за ка-ка-рдан платить, что ли?!

Последняя бабка исчезла с дороги примерно через три секунды. Деревушка, через которую проезжал «студебеккер», приобрела вид эвакуированной.

— В-вот т-так, — довольно сообщил дядя Федя, лихо запрыгивая в кабину.

Следующую реплику он произнёс, высаживая Олега у марфинского поворота:

— С-слышь, т-турист. Бу-будешь ещё в на-наших кра-краях — по-по-подсажу. Бы-

бывай.

— Спасибо большое! — крикнул Олег ему вслед. Водила молча махнул рукой из окна.

Олег остался стоять на дороге. В его распоряжении было ещё больше трёх часов, чтобы добраться до Марфинки и объяснить с Верой Борисовной. Единственное, что у Олега не складывалось — как же ему отвертеться от дачи показаний? И вообще — как быть, если на суде не на кого будет сослаться, кроме него? Но это он решил оставить на потом. Пока главное — спасти людей. А за три часа семь километров можно проехать несколько раз туда и обратно — как не фик делать!

Нога побаливала. Совершенно ощутимо и очень неприятно, но не настолько, чтобы из-за этого выпасть в осадок. Да, с Князем ещё разговор будет. Ну да там и врать не придётся.

Он успел проехать километра два. Совсем рассвело, вставало солнце — и, обернувшись, чтобы посмотреть на рассвет, Олег увидел догоняющий его грузовик. Тот как раз сворачивал с государственной дороги — его не было слышно, но виднелся он необычайно отчётливо, как очень тщательно выполненная моделька.

«Ещё и подбросят,» — удовлетворённо подумал Олег. А когда вновь повернулся по курсу движения — то потерял равновесие и тяжело встал на больную ногу.

Он остановился на пригорке посреди полей, разделённых заградительными лесополосами, недавно появившимися как раз в этом времени. И вот из-за последней из них, километрах в четырёх отсюда (далее уже начинались огороды Марфинки) выскользнула какая-то букашка. Он мчалась по просёлку, почти не поднимая прибитую росой пыль.

Мотоцикл. С люлькой на этот раз. Чтобы девчонке не трястись на заднем неудобном сиденье.

Но как же так?! В газете написано!... Не может быть!!!

Холодея, Олег понял — может. Скорее всего, Старик Время (как у Льюиса Кэрролла — не пытайся провести время, девочка!!!) не простил даже минимального вмешательства — где-то что-то соскользнуло, провернулось, перелицевалось — Кривошаповы выехали раньше. А Моржик, как-то узнав об этом, поднял несчастную «подставу» — Бурова — и послал своего убийцу.

Полчаса. Родители Ромки украли у него полчаса! Сейчас Олег ненавидел их. Он истошно закричал, хотя его не могли услышать ни враги, ни друзья. И нажал на педали, бросаясь вниз с холма, как бросались его ещё совсем недавние предки в штыковую атаку.

Свистел в ушах ветер. Неслись мимо ещё совсем зелёные поля. Мотоцикл дальше, чем грузовик. Но тётя Вера гоняет быстро. И швейцарский велик не подводит, прёт, как БМП по бездорожью.

Олег оглянулся — не выдержал. Успел заметить, что «студебеккер» влез на холм, с которого смотрел Олег — тут нет откосов, он не будет подстергать, просто пойдёт на скорости, а тётя Вера, ничего не подозревая, прижмётся к обочине, чтобы пропустить тяжёлую машину, их не сбросит, их ударит по полной! — и...

Олег упал так, что вышибло дыхание. Он и вправду развил слишком большую скорость по раскатанной грунтовке — и она отомстила. Камень — не очень большой — попал под колесо, мальчишка дёрнул рулём и кубарем полетел в рожь.

Из носа хлестала кровь, заливала ковбойку. Глотая эту кровь, Олег выбрался на дорогу. Ногу резало и жгло. Мотоцикл Кривошаповых вылетел из-за поворота, из-за зелёной стены ржи.

— Стой! Стой! — закричал Олег, понимая, что его не слышат. И обернулся снова.

«Студебеккер» надвигался, закрыв собой вставшее солнце. И Олег понял, что, если он сейчас побежит навстречу мотоциклу — а тот не притормаживал, Валентина закрылась от встречного ветра полостью люльки, а Вера Борисовна, наверное, даже не понимала, что там машет руками кто-то — если он побежит, то грузовик просто сомнёт его и раскатает по просёлку. Как лишнего свидетеля, которого потом тоже благополучно спишут на пьяного водителя. А затем «студебеккер» всё равно врежется в «цундап». Раньше, чем тётя Вера сообразит, что к чему.

«Сейчас бы гранату,» — отчётливо подумал Олег. И, сделав шаг, подобрал камень, через который полетел так здорово.

«Студебеккер» был рядом. Солнце светило сзади, и Олег видел откинутую к стеклу голову Бурова с открытым ртом — храпит, наверное — и узкое, загорелое лицо водителя: средних лет, коротко подстриженного... Он вёл тонны ревущего металла прямо на застывшего посреди дороги тринадцатилетнего мальчишку!

— Н-н-на! — выкрикнул Олег и, метнув камень, отчаянно рванулся в сторону.

Он не видел, как искристыми брызгами разлетелось стекло. Узкое лицо пропало, грузовик, вильнув, пронёсся совсем близко и остановился, с другой стороны, подскочив люлькой, развернулся и замер мотоцикл... Олег вдруг ощутил что-то странное — ему показалось, что окружающее то ли раздвоилось, то ли расплылось, как свежие краски на сбрызнутом водой листе... и он сам, Олег Семёнов, как-то ПОТУСКНЕЛ — внутренне; жуткое ощущение. Но дверь грузовика распахнулась, из-за неё поднялось окровавленное лицо — и рука с пистолетом. Непривычным, знакомым только по фильмам — с длинным тонким стволом. Ствол был твёрд и неподвижен, а в лице — ничего, совсем ничего человеческого...

— Тётъ Вер!... — сорвавшись на визг, крикнул Олег и, бросившись вперёд мимо кузова грузовика, одновременно ударил узколинее СУЩЕСТВО правой ногой в прыжке по запястью и дверью по голове.

Левая нога подвела. Олег, ослепший от боли, упал на пыльную обочину. Неподальку шлёпнулся пистолет, но мальчишка его не видел — огромные, гулкие красные волны накатывались на него со всех сторон. Потом из этих волн вынырнул нож — длинный, большой кинжал — и на тусклом лезвии переливалось солнце. Олег хотел закричать, но не смог...

...Второй раз за последние несколько дней Валентина приводила его в себя. Только сейчас она плакала и зачем-то повторяла, чтобы Олег не умирал и открыл глаза. Левая нога не ощущалась вообще, словно её не было по самое бедро, из носа толчками лилась кровь, и с каждым толчком внутри головы вспыхивала новая боль.

— Олечка, не умирай, Олечка, — слезы Валентины капали на лицо, а её руки подпихивали под голову Олегу что-то мягкое. Олег открыл глаза.

Возле переднего колеса «студебеккера» дрых Буров — очевидно, выбрался из кабины и, не вдаваясь в подробности, прилёг отдохнуть. На обочине лежал связанный каким-то невообразимым образом, с продетой под согнутые колени палкой, несостоявшийся убийца. Хотя — почему несостоявшийся? Кто знает, скольких он убил? Но сейчас Олег не ощущал страха — только омерзение. Пистолет и кинжал лежали рядом с Валентиной. Посреди дороги Олег увидел и свой велик — целый. Это радовало.

— Где Вера Борисовна? — спросил Олег. Вместо ответа Валентина счастливо булькнула и, нагнувшись, обняла Олег за шею. Это её куртка, оказывается, лежала у Олега под головой. — Я живой, со мной всё о'кей... Где Вера Борисовна?

— Она сейчас будет, она за участковым поехала и за фельдшером, — зачастила Валентина, отстраняясь, — я даже испугаться не успела, когда он на тебя ножом намахнулся, а мама соскочила, и они стали драться, а я соскочила тоже, только мама его ударила так, что он упал и не двигался, а я гляжу — ты лежишь и тоже не двигаешься, и прям весь в крови...

— Валюшка, — Олег улыбнулся, чувствуя, что губы у него в крови, — не тараторь, ради бога... Помоги мне встать, мне надо уйти.

— Куда?! — вскинулась Валентина. — Ты что, одурел?! У тебя, может, даже сотрясение мозга! И потом — кто же про всё расскажет, я не по-нимаю даже, чё тут произошло-то, и мама тоже...

— Валюшка, — Олег сел, руки подламывались, и он подумал безразлично: «В больницу мне надо, точно сотрясение...» — Валюш, ты послушай меня. Я не могу оставаться. Я подожду около того моста, ты принеси мне, пожалуйста, аптечку. И приходи сама — поскорее. Я всё объясню, а ты расскажешь маме.

— Да не пущу я тебя никуда! — вскрикнула Валентина.

— Послушай, — тихо сказал Олег. — Послушай и поверь мне. Если ты меня не отпустишь, могут произойти жуткие вещи. Я даже придумать не могу, насколько жуткие. Вы уже и так чуть не погибли — из-за меня!

— Ты наоборот — нас спас... — растерянно начала девчонка, но Олег сплюнул в пыль и продолжал:

— Послушай... послушай же! Ты была права. Я — человек из будущего. Я пришёл сюда, чтобы спасти тебя и твою маму. Я — сын твоей лучшей подруги. Ленки Семёновой. Я ещё не родился, Валь. И всё, что я делаю — искажает реальность.

## ГЛАВА 19.

Больше всего Олег боялся, что Валентина приведёт взрослых. Тогда ему не миновать психушки. Решат, что у него расстройство умственных способностей из-за сотрясения и потрясения... Но в то же время мальчишка надеялся на то, что в тринадцать лет легко поверить в тайну. И каждому хочется, чтобы тайны были. Многие себе их придумывают — и девчонки, и мальчишки, не важно.

У кого поднимется рука сдать НЕВЫДУМАННУЮ тайну в жёлтый домик?!

Возле реки Олегу стало намного лучше. Он застирал ковбойку и почти отмыл кровь. Умылся, счистил подсыхающие бурые разводы с лица и промыл нос. А вот разуваться не стал — по ощущению, ничего хорошего там не было, можно и Валентину подождать. Едва он всё это закончил и разложил на траве ковбойку, готовясь и сам прилечь, как из кустов с какой-то сумкой в руках появилась Валентина. Лицо у неё было неподкупно-прокурорское. Или как у врача, который во исполнение клятвы Гиппократы вынужден оказывать медицинскую помощь закоренелому преступнику. Олег улыбнулся, а потом просто засмеялся, глядя на это лицо. Спросил:

— Где эта сволочь?

— В правлении сидит запертый, — ответила Валентина, положив сумку на траву у ног и враждебно предложила: — Давай. Бухти. Головка прошла? — Олег молчал, и она добавила презрительно: — Скажи прямо, что испугался! Испугался связываться с бандюгой!

— Испугался, — кивнул Олег. — И под грузовик я с испугу кинулся, честно. Я... — Олег помедлил и отрывисто сказал: — За тебя испугался. Ясно? И сейчас боюсь. Но вруном выглядеть не хочу, поэтому кое-что тебе покажу. Только сначала — извини! — ногу перевяжу.

Он стащил кед и грязный, мокрый носок. Бинт тоже размок и повис, пластырь сбился и полуотклеился. Рана не разошлась, но вяло кровоточила. Хорошо ещё, что нагноения не было.

— Ой-я-а... — протянула Валентина, садясь на корточки. — Вот это красиво! И ты ехал, бежал, прыгал?!

— Со страху, наверное, — усмехнулся Олег. — Ты лучше не смотри, что тут приятного...

Он попрыгал к воде поближе. Но Валентина решительно усадила его и подтянула сумку:

— Сиди. Нас учили, — девчонка сноровисто начала раскладывать на салфетке всякую всячину. — Лечить тебя буду.

— Только так, чтобы ногу потом не ампутировали, — пошутил Олег и устроился удобнее на локтях.

— Ты только потерпи, — предупредила Валентина, — а то мальчишки такие писклявые... — и поправилась, разматывая марлю: — Кроме тебя.

Умело и быстро обработав рану, Валентина наложила новую повязку и, не обращая

внимания на попытки Олега помешать, выполоскала носок и вымыла изнутри кед.

— Просохнут, — она тщательно расправила носок на траве, — отвезу тебя на багажнике в Иконовку. А твой велик потом пригоню. Ты не бойся, я сказала маме, что ты куда-то делся, я даже не заметила. И что не знаю, где ты живёшь. И мальчишки ничего не скажут.

— Валюш, — Олег произнёс это очень-очень ласково и негромко, — мне не надо в Иконовку. Я никогда не был в Иконовке. Обещай делать то, что я скажу и до поры ничего не спрашивать. Что могу — я расскажу сам. Обещаешь?

— Олег... — девчонка скривилась.

— Обещаешь?! — настойчиво и зло спросил Олег.

— Да.

...Олег ничего не говорил. И Валентина молчала. Но начала верить, когда невесть откуда появился Чёртов Откос. Правда — и тогда ещё явно продолжала думать — Олег видел это написанным на её лице — что он просто затащил её в какую-то часть леса, где она не была.

Ему было очень жалко Валентину. До слёз жалко, особенно когда они проехали через школьный сад и остановились возле самой школы. Он даже отвернулся и не смотрел, когда Валентина с ужасом тоненько спросила:

— Была война?!

— Не было, — буркнул Олег, не поворачиваясь. Ногу дёргало. — Просто деревня почти вымерла. Вот и всё. Я бы никогда не привёл тебя сюда, ни за что, но мне надо, чтобы ты рассказала про Моржика, а ты мне не верила.

Он обернулся к Валентине, и та, попятившись, едва не упала, глядя на Олега расширенными, испуганными глазами.

— Ты сказал правду! — шёпотом выкрикнула она. — Ты сказал правду! Какой это год?!

— 2001, — ответил Олег. — Валь, пойдём... я ещё должен тебе всё рассказать.

— Я хочу вернуться, — Валентина ничего не спрашивала, губы у неё дрожали. Все вопросы, которые можно было задать мальчишке из будущего, потеряли значение при виде того, во что превратился её дом, и Олег ощущал себя виноватым. — Пойдём обратно.

— Подожди, я устал, — признался Олег. — Давай отойдём и посидим.

— Только подальше, — тихо попросила Валентина. — Это всё равно что болтать рядом с покойником.

— Хорошо, — согласился Олег, — давай отойдём.

...На рассказ не понадобилось много времени. Валентина слушала, кусая накрученный на палец короткий локон, искоса поглядывая на Олега. Он закончил говорить и, сорвав травинку, тоже закусил её зубами, вытянул повреждённую ногу.

— Значит, я погибла, — еле слышно сказала Валентина. Олег положил руку ей на плечо:

— Да нет же! В том-то и дело, что нет, ты жива! И мама твоя жива! И всё, что ты видела, ещё можно изменить!

— Изменить?! — встрепелась Валентина. — Как?!

— Не знаю, — признался Олег. — Но я знаю, что нет судьбы. Это в одном кино так говорят: нет судьбы. Её можно сделать самим. Если один человек сумел уничтожить деревню, то и спасти её тоже можно!

— Один человек — это Моржик? — задумчиво спросила Валентина. — Как же так получилось? Трусливый, жалкий ворюга... Как же он смог так нагадить, столько поломать — один, если кругом столько хороших людей? Почему у него получилось?! Может быть, он диверсант, а, Олег?! Может, он сейчас работает на американцев, как по радио говорят? Так же часто бывает, что фашистских приспешников потом используют американцы, вот ему и дали задание...

— Какое?! — слегка ошарашенно спросил Олег.



— Развалить колхоз.

— Ну ты выдала забабаху... — только и смог выговорить Олег. — А ещё ему поручили поджечь все колхозные курятники. Нет, Валюшка, это без шансов. Никакой он не диверсант. Просто — вор. И ни на кого он не работал, кроме своего кармана. Он и маму-то твою решился убить из-за того, что боялся наворованное потерять...

— Из-за денег?! — с ужасом спросила Валентина. — Разве можно убивать... из-за денег? И грабить свою страну просто за деньги? Олег, разве так можно?!

— Можно, — вздохнул Олег, ощущая себя в сто раз мудрее Валентины.

Только вот радости от этого не было никакой... — Пошли, Валь. Я тебя провожу.

— Тебе лучше домой... — начала Валентина. Но Олег упрямо помотал головой:

— Я провожу.

Ему было плохо. Потому что он сказал ещё не всё — и главное предстояло.

...— Вот, — Олег спустил велик Валентины в 1964 год. И выпрямился: — Ну и тяжёлый он у тебя... Короче... Валь... Там у вас ещё много всякого будет плохого и хорошего. Но вы это... не унывайте. Всё ну... не так уж плохо. Валюшка!

— Ты чего кричишь? — удивилась она. И Олег решился:

— Я больше не приду, — сказал он. И всхлипнул — так глупо! Но не расплакался, слава богу... — И ты не приходи. Это нельзя, Валь... А этот дуб я спилю, наверное... Иначе я не выдержу, а это нельзя, понимаешь, нельзя!

— Понимаю... — прошептала она.

— Ты же любишь фантастику...

— Понимаю, понимаю... Олег, а мы сможем увидеться... ну, у вас?

— Наверное, сможем, только я буду годиться тебе в сыновья, — Олег невольно улыбнулся. Глаза у Валентины были мокрые, но и она улыбалась.

— Сынок, — сказала она. И Олег, подавшись вперёд, поцеловал её в губы, а потом, отвернувшись, спрыгнул вниз. Спрыгнул нарочно так, чтобы сделать себе больно, и это получилось... Когда он проморгался — в развилке никого не было.

Валентина ушла на свою сторону. В своё время. Навсегда.

— Извини, дружище, — сказал Олег дубу, — но такие уж мы нескладные существа. Люди. Вот я например — я её всего один раз поцеловал. Ну не дурак?

...Князь был дома и как раз готовил обед. Олега он поприветствовал без особых эмоций:

— Ну как, отдохнул?

— Устал, — честно признался Олег. — Отдыхать я здесь буду... Князь, я ногу пропорол, но ты не беспокойся, мне там всё сделали.

— На ногах стоишь — и ничего, — критически осмотрел Олега лесник. — Я в своё время на гвоздь из окна прыгнул, насквозь пробил... Капусту порежь. Дрался с кем, что ли?

— А что? — насторожился Олег.

— Нос припух, — указал Князь ножом.

— Не без этого, — признался Олег.

— Тоже бывает, что за жизнь без драки.

— Князь, — вдруг спросил Олег, берясь за капустный кочан, — а ты не знал такого Федю-шофёра?

— Федю? — нахмурился Князь. — А по отчеству не Иваныч? Чудной такой, заика?

— Он, — засмеялся Олег, — точно.

— Знал немного, он в Фирсанове жил, а работал в Дребене... А что это ты про него?

— Мама рассказывала, — не стал «углубляться» Олег. Но почувствовал, что настроение у него немного улучшилось. Непонятно, почему, но улучшилось! А Князь продолжал:

— Вот с этого и начиналось — многие в селе работали, в городе жили... А потом, после Моржика, мода такая пошла, что и председатель обязательно был городской. А как можно в одном месте жить, а другим руководить?... Нет, если бы Верка жива осталась...

— Как? — Олег замер. — А что с ней слу... — он поперхнулся сухим комком. — Случилось?

— Да ты что, Олега? — удивился Князь. — Тебя в драке по голове не стукнули? Застрелили её и Валюшку — аккурат как сельсовет подожгли...

Олег услышал стук — и не сразу понял, что это выпал из его пальцев нож.

...«Зверское убийство... потрясены... совершено, скорее всего, как и поджог сельсовета, бежавшим захваченным в то трагичное утро благодаря мужеству и бдительности Кривошаповой В.Б. бандитом, в котором опознан изменник советского народа Маслов Е.Д., в период 1941-1945 годов... тело Маслова, застреленного подоспевшим к месту происшествия председателем колхоза... В огне погибли документация колхоза и тридцать тысяч рублей наличными, присланные вечером 15 июня... Участковый... найден около пожарища оглушённым, показаний дать не смог... следы уничтожены огнём...»

Олег положил газету на место и поправил стопку.

Газетные тексты изменились. Это само по себе было ужасно, непонятно, потрясающе. Но это могло бы называться чудом, если бы не то, КАК они изменились.

Узколицый фашист застрелил тётю Веру и Валюшку прямо в их квартире из похищенного у участкового ТТ, воспользовавшись тем, что народ сбежался тушить сельсовет. Который, если верить газете, он и поджог.

Только Олег не верил газете.

Моржик. Он приехал позже. Подобрался к сельсовету. И... А потом — избавился и от опасного сообщника. И стал героем, попутно разбоогатев на тридцать штук.

Благодаря Олегу. Вот это вмешался. Англичане говорят, что благими намерениями вымощена дорога в ад...

Ему очень хотелось упасть на пыльный пол чуланчика и покатиться по нему, завывая и кусая себе руки. С удивлением Олег понял, что у него начинается истерика — и сумел остаться спокойным. Князь ходил по комнате, что-то бормотал себе под нос...

— Вот уж нет, — процедил Олег. И добавил несколько очень плохих слов. — Это вам обломится... сучком по башке...

Час дня. Если он опоздал, то опоздал навсегда. Жаль, что в газете не указано время.

— Князь! Я погуляю до вечера, ага?!

— Э, а нога, Олега?

— Так я на велике! Пока!

## ГЛАВА 20.

Он не опоздал.

Не опоздал, хотя сельсовет уже полыхал вовсю. Но народ ещё только сбежался — Олег успел первым.

Дядя Миша — участковый — лежал возле угла здания. Ну, уже не лежал, а тяжеломерно возился. Фуражка валялась рядом, седоватые волосы склеивала свежая кровь. Олег соскочил с велосипеда, упал на колено, мельком подумав, что так он своего точно добьётся — загубит ногу... Приподнял милиционера, как мог.

— Вставайте, пожалуйста, вставайте! Я знаю, куда они пошли, они Валюшку и тётю Веру убивать пошли! Скорее же!

— Кто «они»? — еле ворочал языком участковый. — Ты кто, парень?

— Не важно! — отчаянно крикнул Олег. — Скорее же! Там этот бандит и Моржик!

— Моржик?! — участковый сел, потом — встал. — Как Моржик?! Ах ты... — он оглянулся, но до ближайших людей было далеко, хотя они бежали бегом. — Мужиков бы с ружьями...

— Дядя Миша! — Олег чувствовал, как беспомощные слёзы текут по щекам и смаргивал их, абсолютно не стыдясь. — Дядя Миша, скорее, они же их убьют!

— Побегу! — решился участковый. — Фурик дай... Оставайся, людям расскажи!

— Пистолет он у вас вытащил?! — выкрикнул Олег.

— Да в сейфе пистолет был, ключи вон у меня и у председателя! — обернулся уже побежавший милиционер. — Не носим мы пистолетов с собой уже лет десять, не Америка!

— В сейфе?! — даже пискнул Олег. — Ну детсад... милиция называется...

Участковый побежал. Олег секунду глядел ему вслед, потом посмотрел на бегущих людей — с вёдрами, с лопатами... Закатал штанину, выхватил нож и, на бегу раскладывая его, рванул следом за участковым, хромя и без велосипеда.

— Куда?! — заревел тот. Олег крикнул в ответ:

— Валюшка там! А вы один!

— Выдеру, сопляк! — рявкнул участковый, но Олег бежал рядом...

...Олег был рад, что участковый ничего не спрашивает. Но в школьном саду он всё-таки начала задавать неуместные вопросы:

— В школе где они?

— Не знаю, — умоляющим голосом ответил Олег, прислушиваясь — он боялся услышать выстрелы.

— Та-ак... У них два ствола...

— Почему два? — не понял Олег. Участковый даже с каким-то удовлетворением кивнул:

— Два, два... В сейфе ещё и «парабел» того изменника был. Хорошая штука «парабел»... Дай-ка нож.

Олег отдал без спора — понимал, что для него это просто игрушка.

— Ишь... — участковый осмотрел оружие, усмехнулся: — Потом конфискую обязательно... Ты вот что, парень. Давай-ка к главному входу. Под окнами пригибайся. А я с другой стороны попробую. Дойдешь — шумни как-нибудь, чтоб их отвлечь. Только погромче шумни. Понял?

— Понял, — кивнул Олег. И участковый, сжимая в руке нож, бесшумно заскользил сквозь кусты. А Олег подумал, что и он, должно быть, служил в каком-нибудь спецназе или в разведке...

Думал он это уже на бегу. А ещё думал о том, что выстрел может грянуть в любой момент. И тогда уже ничего не изменишь.

Парадный вход в школу был закрыт. Олег, торопясь, но стараясь ступать бесшумно, побежал ко входу в квартиру Кривошаповых. Странно, но боли сейчас он почти не ощущал, боль стала далёкой-далёкой...

В окно кухни насквозь была видна вся квартира. И через неё, уже в школьном коридоре, Олег увидел четырёх человек.

Ошибся участковый. У бандитов было не два, а три ствола — ТТ милиционера и свой «парабеллум» держал в руках Маслов, а у Моржика оказался небольшой пистолет, наверное, собственный. И все три ствола оказались направлены на стоящих около стены Веру Борисовну и Валентину, которую та обнимала одной рукой. Губы Маслова шевелились — Олег видел его в профиль, он что-то говорил.

Олегу хватило секунды, чтобы оценить эту картину и проскочить под окном дальше — к двери. Около неё стоял велосипед Валентины, подальше — незагнанный под навес «цундап».

Мальчишка шагнул в прохладные тёмные сени. Дверь в кухню была приоткрыта, мальчишка проскользнул в неё. На кухне оказалось светло, жужжала муха, лежал на столе кухонный нож... А через дверь, ведущую в зал, доносились голоса:

— А тебя всё равно найдут, негодяй, — спокойно говорила тётя Вера. — Никуда не уползёшь. И ты, Изот, заодно с ним своё получишь.

— Хватит болтать, — нервно сказал Моржик. — Кончай их, скорее!

И Олег грохнул на пол металлическую кастрюлю с крышкой — лязг и дребезг до смерти перепугали его самого, так были натянуты нервы.

Он никогда бы не подумал, что человек способен двигаться так быстро! Казалось, прошла доля секунды, неуловимый хвостик — а Маслов уже стоял в дверях кухни. Он не выстрелил сразу только потому, что удивился — равнодушные глаза расширились, рот искривился то ли в злой улыбке, то ли в ненавидящей гримасе:

— Ты, щенок?! — изумлённо спросил он. И посмотрел на лежащую на полу кастрюлю, которую Олег никак не мог задеть и опрокинуть НЕЧАЯННО.

Правая рука бандита — с ТТ — развернулась в коридор раньше, чем он туда посмотрел. Маслов понял всё за миг. И всё-таки опоздал.

Олег просто упал на пол, и направленная — не глядя — ему в лоб пуля «парабеллума» с неожиданно тихим звоном высадила окошко. И, лёжа на полу, мальчишка увидел, как бандит вдруг окаменел всем телом и столбом упал в коридор, так и не выстрелив из ТТ. На кухне остались ноги в крепких ботинках.

Олег подобрал упавший «парабеллум» и, держа его обеими руками, выглянул из-за косяка.

— Ты, городской? — добродушно спросил дядя Миша — он стоял около какого-то перекошенного всем телом, лицом и ногами Изота, державшегося за плечо. В руке участкового был пистолет председателя. — Выходи, тут всё... Молодчина, вовремя шумнул!

Олег поднялся и, не глядя на убитого, протиснулся вдоль косяка. Ему было всё равно, что подумает о нём Валентина — да и к тому же она плакала, уткнувшись в грудь матери, которая гладила дочку по волосам и приговаривала:

— Ну уже всё, уже всё... Чего ты, ты так хорошо держалась... Уже всё...

— Пистолет-то отдай, — протянул руку участковый.

— На нож меняю, — быстро ответил Олег.

— На ходу подмётки режешь, — хмыкнул дядя Миша, возвращая «оборотень» Олегу. — Спрячь, чтобы не видел...

Он присел над убитым, покрутил его голову — Олег сразу отвернулся и только услышал голос дяди Миши — удовлетворённый, что самое жуткое:

— Сноровки не потерял... Дрянё пистолетик у тебя, Изот, «музер» (Олег понял, что так дядя Миша называет карманный «маузер»), — шесть-тридцать-пять, зато прямо в лобешник вкатал... Отбе-ега-лся, гадюка... О-от, мой тэтэ...

— Он меня шантажировал... — плачущим голосом заявил Моржик, всё ещё держась за плечо. — У меня жена и ребёнок...

— Он всё врёт! — вскинулась Валентина. — Он тоже предатель! Олег, скажи! Он ещё хуже! Ворюга!

— Это всё правда, Вера Борисовна, — спокойно подтвердил Олег. — Я могу рассказать вам и товарищу участковому... только на суде выступить не смогу. Но Валентина слышала то же всё, что и я, — соврал он. И добавил — понятно лишь для себя: — Надеюсь, что эта история закончена. Я от неё порядком устал...

И ему вдруг показалось, что мир вокруг вспучился радужными пузырями, исказился и потерял чёткость — всего на миг. Но этого мига хватило, чтобы Олег с беспокойством подумал, каких перемен ещё ждать?...

## ГЛАВА 21.

*Главными врагами социализма были:*

*а.) топики и лосины у девчонок;*

*б.) пирсинг у мальчишек;*

*в.) поцелуи на улицах.*

был закрыт и перестраивался, зато в нём работал бар. Появилось много домов аж в пять этажей, а то и выше. Центр расчистили, он больше не напоминал заросший парк, но как раз это Олег не назвал бы плюсом — по его мнению, раньше было лучше. Однако в остальном город вроде бы похорошел и перестал напоминать деревню. Но здорово было и то, что сохранились старинные, обстоятельно-крепкие дома, которыми Олег восхищался в 1964 году, и многое другое. Короче, Олег был доволен, как развивался город последние сорок лет.

А вот для Валентины вид Фирсанова оказался потрясением. Она и в настоящем-то — в смысле, в современном ей Фирсанове — бывала не часто, а тут по улицам носилась масса (опять-таки по понятиям 1964 года) неизвестных машин, над мэрией (а не городским комитетом партии!) развевался белогвардейский флаг, но памятник Ленину остался на прежнем месте и указывал поднятой рукой на рынок, где продавалось столько разной разности, что глаза разбегались. Люди были одеты так, что в прежнее время их всех сразу забрали бы в милицию за появление на улицах в неподобающем виде, а кое-кого — особенно из молодёжи — вообще сложно было назвать одетым. Сама милиция формой напоминала фашистских солдат из кино — жуть смотреть! В витринах магазинов пестрели надписи на иностранных языках, а цены были такими, что ум заходил за разум, хотя Олег и объяснил со смехом, что сейчас всё иначе. То и дело слышалась непонятная музыка, часто просто резавшая слух, с бысмысленными или опять-таки иностранными словами. Короче говоря, Валентина вцепилась Олегу в руку. Взять мальчишку за руку — раньше она бы об этом и не подумала, но тут почти все так ходили — парни и девчонки даже в обнимку, даже целовались на улице!!! Сначала Валентина просто отворачивалась и панически думала, что ей делать, если Олег тоже полезет целоваться — он же из этого времени! Как тогда, на дубе... Но тогда они прощались в лесу, а сейчас она просто со стыда сгорит!

Но Олег только шёл рядом, уже почти не хромая. И постепенно Валентина стала думать о другом — как здоров было, когда утром он вдруг появился на речке (там, в 1964-м!) и сказал, смущённо улыбаясь: «Я подумал — ну пусть у нас будет ещё хоть один день! Я же тебе так и не показал город ТАМ... Поехали?!» Валентина уже думала, что он не придёт больше никогда, с трудом удерживалась, чтобы не побежать в лес к дубу, убеждала себя, что Олег его спилил... А он вдруг взял и появился — через четыре дня! Ну и что, что в последний раз?! Он прав — пусть будет ещё один день...

Они поели в кафе «Север», где их обслуживала молодая улыбающаяся официантка, и Олег со смехом рассказал про свои приключения тут в 1964 году. А потом оставили велики на стоянке возле кафе и пошли гулять...

...Олегу было бы совсем хороо. Но его беспокоила, мучила одна мысль. Если всё сошло хорошо — ПОЧЕМУ НЕ ПРОИЗОШЛО НИКАКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В МАРФИНКЕ 2001 ГОДА?! Он специально ездил туда — дважды за четыре дня. Это была всё та же вымирающая, ожившая за счёт дачников лишь на лето, деревня... Валентина сказала, что Изота, наверное, посадят. И что её мать практически единогласно, при поддержке райкома партии, прошла на пост председателя... Тогда ПОЧЕМУ?!

А может, всё это чушь и просто не может быть никаких глобальных изменений? При мысли об этом становилось тоскливо. И Князь — Олег завёл разговор позавчера — продолжал утверждать, что Кривошаповы погибли 15-го июня 1964 года... Но сегодня-то — 20-е! И ТАМ — 20-е, и Валентина — вот, она жива!

От этих мыслей шарики закатывались за ролики, клинило башню и срывало крышу. Поэтому Олег охотно отвлёкся на совершенно серьёзно высказанное замечание о врагах социализма, и они вместе поохотали: начал Олег, а там и Валентина подключилась. Олег с удовольствием купил бы ей что-нибудь на память, но сдерживался... а потом с озорством подумал: интересно, а сколько странных археологических находок можно объяснить тем, что какой-нибудь не в меру любопытный Том, Отто, Пьетро или Вовчик не удержался и купил своей подружке из средневековья пластмассовую расчёску или другу из Древней Греции — шариковую ручку? Ну и фик с ним — и купил Валентине с раскладушки у бабульки сущую ерундовину: металлическую заколку для волос с пластмассовыми стразами. Но Валюшка

расцвела...

Потом они сходили на речку — Валентина приятно удивилась и обрадовалась, в её время в этой речке, как она слышала, купаться было нельзя, сейчас тут оказался хороший пляж. Именно тут, лёжа носом в песок в своём закрытом купальнике, Валентина заметила:

— Все такие шумные... и бесцеремонные.

— И ещё девчонок лупят, — вздохнул Олег, — и ногами пинают того, кого толпёнью повалили... И вообще много такого плохого, чего в ваше время не было. Но и хорошего немало.

— А чего больше? — задумчиво спросила Валентина.

— Везде по-разному, — ответил Олег. И пошутил — но в то же время сказал серьёзно: — Подрастёшь — узнаешь.

— А что же с нашей властью? — тихо и печально спросила девчонка. — За неё моя мама воевала. И папа — я его и не помню уже почти, он уже после войны от ран умер... Как же так, Олег?

— Знаешь, Валюш, — Олег потёр переносицу, — у нас над этим мало задумываются, а те, кому столько лет, сколько нам, совсем почти не думают... Но я так понимаю: твои родители... и мой дед, и все вообще — они даже не за власть воевали. Вот за речку за эту. За небо, за лес. За тот дуб. И за нас с тобой... Так что ты там уж постарайся у себя, пожалуйста, чтобы...

Он не договорил. Но Валентина кивнула:

— Я понимаю.

...До темноты оставалось ещё несколько часов, но вечер уже ощущался во всём — тёплый, тихий, июньский. Мальчишка и девчонка на велосипедах катили по ничуть не изменившейся за последние сорок лет полевой грунтовке.

Вот разве что поля во многих местах позаросли сорняком...

— Жаль, что больше в саду не сыграли, — печально сказала Валентина. Олег кивнул:

— Жаль... Валюш, не надо, хватит. А то ещё тошнее становится.

Давай просто ехать.

— Давай... — вздохнула девчонка. И добавила: — День хороший получился. Спасибо.

— Да ну... Догоняет нас кто-то? — Олег повернулся. Позади в самом деле пылил джип. — О, дачники. Давай-ка в сторону.

Они остановились на обочине. Но и подкативший джип — здоровенный, как танк, «паджеро» — остановился тоже... и, прежде чем Валентина успела хоть как-то отреагировать, его двери распахнулись, две руки молча и быстро вдёрнули внутрь Олега — только ноги мотнулись да лязгнул упавший велосипед — и поднявшийся пылевой хвост не позволил рассмотреть даже номер машины похитителей.

Всё произошло так молниеносно, быстро и отточенно, что Валентина полминуты, не меньше, стояла на дороге, глядя вслед джипу. И только потом ей вспомнилась рассказанная сегодня Олегом — как весёлая, смешная история! — схватка с браконьерами.

...Кто его похитил — Олег понял сразу. В джипе были двое — вёл его Кеша, которого Князь едва не угостил жаканом, а к заднему сиденью Олега прижимала рука молодого браконьера-бизнесмена, познакомившегося с клыками одного из кавказцев.

— Сиди, — бросил молодой, как будто можно было делать что-то иное, если вас вмяли в спинку шикарного дивана. Силы браконьеру было не занимать. — Что она, Кеш?

— Мочалка? — водила хмыкнул. — Стоит, зенками лупает. Надо было и её прихватить.

— Дурак, — ответил браконьер. Не объясняя, почему. Кеша промолчал — наверное, привык, что его так называют.

Особого страха Олег не ощущал — скорее, тоскливую досаду на самого себя. Расслабился он в деревне в 1964 году, да на кордоне в 2001, забыл о правилах выживания в современном мире...

— На выкуп рассчитываете? — спросил он и получил тычок в губы. Не удар, а просто тычок, но этого хватило, чтобы на колени закапало. — Меня сейчас тошнить будет. Меня в

машине всегда тошнит.

— Блуй, — равнодушно ответил браконьер. — Я тебя даже убирать не заставлю. Всё равно потом обивку менять.

Это были многозначительные и страшные слова. Менять обивку? Зачем? Они хотят убить его прямо в джипе? Или потом труп куда-то везти?

Вот теперь Олегу стало страшно. Но это был не страх-оцепенение. Мальчишка подобрался, готовясь использовать для спасения минимальную возможность. Джип уже ломил через лес — как танк, и Олег понял, что они едут на кордон. А там Князь, который этих двоих козлов уделал бы, как бог черепаху, если бы... если бы не Олег.

На приборной доске перед Кешей улыбался, как дурак на похоронах, Майкл Джексон — цветное фото. Олег вежливо поинтересовался:

— Это родственник ваш? — и, дождавшись, пока Кешка повернётся, сочувственно добавил: — Тяжёлое воспоминание...

— Ах ты... — начал Кеша, но браконьер... нет — УБИВЕЦ прикрикнул:

— На дорогу смотри, полудурок, с дубом поцелуемся!

— Его тогда срубить можно — считай, ядовитый, — заметил Олег. И снова получил — на этот раз ребром ладони по горлу. Прошло довольно длительное время прежде чем Олег снова начал дышать и с трудом выпрямился на сиденье. Убийца наблюдал за ним с холодным интересом:

— Удачно, что мы тебя встретили, — сказал он. — Я лично против тебя ничего не имею. Но таких, как твой дед, надо учить. Они всё думают, что всё вокруг народное. А всё вокруг моё. Моё, щенок! А что не моё, то моим станет, стоит только пожелать. И вы с дедом это поймёте. Напоследок.

— Всё... твоё?... — выдавил Олег.

— Всё, — серьёзно подтвердил убийца. И глаза у него были равнодушные — глаза человека, уверенного в своей правоте.

— Не подавись, — посоветовал Олег. Его не ударили. Убийца сказал сожалеюще:

— Жаль, что я не хочу терять время. А то бы мы все вместе полюбовались, как через десять минут ты бы мне лизал туфли и кричал: «Дядь, прости засранца!»

— И откуда вы только берётесь? — Олег наконец сел прямо. — От грязи, наверное. Как навозные черви.

И снова его не ударили. Убийца вздохнул:

— Ты, наверное, думаешь, что за тебя, мол, отомстят, правоохранительные органы, всё такое? Да никто за тебя не отомстит. Я бы мог тебя не убивать. Мог бы, скажем, продать на запчасти куда-нибудь на запад. Или, блин, в гарем на восток. И никто — слышишь, НИКТО! — мне бы не помешал. Как мне никто не мешает вас убить. За то, что вы мне испортили удовольствие от пикника.

— Ты из этого леса не выйдешь. — сказал Олег с неожиданной для самого себя уверенностью. — Бегемот твой, секьюрити на палочке, может, ещё выскребется. Потому что дурак. А ты тут и останешься.

— Э, чего это он? — заёрзал Кеша. — Шеф...

— Рули, — оборвал его убийца, — со страху мелет.

Олег больше ничего не говорил. Сидел и слизывал кровь, пока они не подъехали к кордону.

Навстречу уже огромными прыжками летели Клык и Боец — Кеша даже в спинку сиденья вжался, хотя его и отделяло от собак пуленепробиваемое стекло. Прижав левой рукой Олега, убийца наклонился, что-то поднёс ко рту — и наверху зазвучал усиленный аппаратурой голос:

— Лесник! Выходи! Да поскорее, у нас твой внук!

Кеша, повинаясь жесту хозяина, схватил Олега за плечо и, перетащив к себе, вдавил лицо в лобовое стекло — изо всех сил.

Князь появился в воротах с ружьём в руках. И остановился, глядя на джип. Собаки

отбежали к его ногам, сели по сторонам, скалясь в страшной усмешке — верхняя губа приподнята, клыки наружу...

— Своих псов — на цепь, — продолжал диктовать убивец. — Или...

В висок Олегу уперся твёрдый ствол пистолета.

— Сейчас, — ответил Князь. — Мальчишку отпустите.

— Делай, что сказано, — убивец надавил стволом. — Ружьё брось.

Князь вошёл внутрь. Было слышно, как он посвистывает, подзывая псов. Кеша, сопя, осторожно полез наружу, в руках у него появился автомат. Он сделал несколько неуверенных шагов, вытянул шею, заглядывая в ворота и успокаивающе махнул рукой, держа двор под прицелом:

— Готово!

— Вылезай, — приказал убивец. — Без фокусов, понял?

...Клык и Боец не рычали. Они сидели около своих конур молча, провожая бандитов и Олега жёлтыми глазами. Убивец прицелился было в кавказцев, но потом опустил пистолет.

Князь стоял на крыльце, держась за перила. И смотрел на бандитов своими зелёными, загадочными, словно овода лесного озера, глазами. Он ни слова не сказал, когда убивец толкнул к нему Олега, а Кеша заорал:

— А ну, в сторону отойдите! — взбежал на крыльцо и, рыскнув коротким стволом автомата, скрылся внутри.

— Зря ты приехал, — сказал Князь, положив ладонь на плечо Олегу. Мальчишка сперва подумал, что лесник говорит это ему, но, когда обиженно вскинул голову — увидел, что Князь смотрит на убийцу.

Если тот и хотел что-то ответить, то не успел — за домом зазвенели стёкла, и Кеша заполошно заорал:

— Тут ещё кто-то! Уходит, хозяин!

— Так догони и тащи сюда! — не шевелясь, гаркнул убивец. Слышно было, как Кеша спрыгнул из окна и полез, ругаясь, через частокол. Олег недоумённо посмотрел на старика — тот ответил непроницаемым, но с искоркой смеха, взглядом. — Кто там у тебя был? — зло спросил убивец.

— Домовой, — усмехнулся Князь.

— Вот что, старый леший, — прошипел убивец. — Марш оба в дом, впереди меня и без разговоров — ну?!

— Иди, Олега, — подтолкнул мальчишку Князь, но убивец рявкнул:

— Мальчишка сзади! Живо!!!

— Не бойся, — спокойно кивнул Князь. И легко взошёл на крыльцо. Олег поднялся следом, не понимая, что происходит, но чувствуя, как ему в спину целятся из пистолета.

Князь остановился в комнате, повернулся лицом к двери, обнял Олега за плечо. Убивец прыжками поднялся следом, не переставая держать на прицеле и старика, и мальчишку. Его глаза блестели нехорошим блеском. «Почему мне не страшно? — удивился Олег, глядя в эти глаза. — Может быть, я надеюсь, что получится, как с Валюшкой? Там тоже была такая гадина, и пистолет, и два человека под ним... Кто же был у Князя?!»

— Ну, вот и всё! — убивец поднял оружие повыше.

— Глупый ты. И злой, — мирно сказал Князь. И зачем-то убрал левую ногу чуть назад.

Здоровенный чурбан, сорвавшись из-под притолки, ударил убийцу по запястью. Тот взвизгнул и, выронив пистолет, выхватил из рукава длинный нож-стилет.

— Брось, — сказал Князь и с неожиданной быстротой и ловкостью прыгнул вперёд. Нож полетел во двор; убивец отпрыгнул и взмахнул ногой... но на миг раньше его удара кулак Князя врезался ему в переносицу.

Браконьер отлетел к косяку, стукнулся в него плечом и вяло сполз на пол. Изо рта, носа и ушей у него неспешно потекла кровь.

— Никак убил? — Князь нагнулся, пощупал шею браконьера. — Нет, живой... Ты-то как, Олега?



— Дед... — выдохнул Олег, — а дед...

И молча бросился к Князю, обнял его, уткнулся лицом в охотничью куртку у плеча.

— Испугался... — голос Князя дрогнул, — а, внучек?...

...Втроём они пили чай на крыльце. Олег хохотал, когда Валентина рассказывала, как Кеша гнался за ней по лесу, потом лазил на дуб, а она стояла и дразнила его, и как он влетел в болото, утопил автомат, а она бросила ему, чтоб не утонул, жердину, сама сбегала за дядей Мишей — благо, было недалеко — и милиционер из 1964 года арестовал дурака из года 2001.

— Пускай теперь его в дурдом отправят! — мстительно сказала Валентина.

Олег кивнул. Это было жестоко — но справедливо. Только справедливо. Его сейчас интересовал другой вопрос:

— Как же ты сюда вперед джипа попала?!

— Это же МОЙ лес, — ответила Валентина. — И он и не изменился почти... Я очень хотела успеть — и успела. И Князь совсем не удивился. Мы с ним всё успели просчитать и подготовить...

— Грешен, хотел этого убийца, — посмотрел Князь в сторону будки Бойца, в которую они запихнули еле-еле пришедшего в себя (пришлось отливать водой) господина Аркадия Александровича Блотского, как следовало из документов, — по голове приласкать. Ну да и так ладно вышло... Боец-то вон как доволен!

В самом деле — кавказец, хотя уже и спущенный с цепи, лежал возле будки чуть ли не с улыбкой на умной морде. В будке слабо стонали. Жалости это ни у кого не вызывало...

— Но как ты-то дед, — продолжал удивляться Олег, — ты-то как не скончался от разрыва сердца?!

— А я тебе говорил, — Князь вроде бы улыбнулся, хотя за бородой и усами было не понять, — в этом лесу и не такое бывает, тут и самого себя встретить можно... Да и случай один давний вспомнился. Как ВИДЕЛ я вас двоих.

Валентина с Олегом переглянулись — и не стали обсуждать эту тему.

— Вот о чём я жалею, — вздохнул Олег, — так это что гад этот всё-таки жив остался. Я-то ему пообещал, что он из лесу не выберется!

— А он и не выберется, — Князь встал, — у таких, как он — вся душа и есть лес. Да не наш, а чащоба дремучая с топами. Так всю жизнь в ней и проплутает, тьфу! — и он смачно плюнул через перила. — Ладно, спать я пойду. А ты, Олега, проводи свою сударушку, — Валентина хихикнула, фыркнула и отвернулась, — попрощайся и возвращайся... Не заблудитесь?

— Тут?! — засеялся Олег, а Валентина добавила:

— Никогда!

... — Вот и всё, — Олег спустил велик Валентины в 1964 год. — Теперь правда всё.

Он выпрямился в развилке. Прислонился к одному из стволов дуба; Валентина привалилась к стволу напротив, и они так долго-долго молча стояли в темноте на границе между временами, рассматривая друг друга. А велосипеды ждали своих хозяев: швейцарский горный — в 2001, ЗИС — в 1964.

— Прощай, — сказала наконец Валентина и спрыгнула в своё время.

— Прощай, — прошептал ей вслед Олег и осторожно слез к себе — не хотел тревожить ногу.

Ночной лес вокруг взорвался радужными пятнами.

## ЭПИЛОГ

, в котором всё и начинается!

Солнце било Олегу в глаза. Он зажмурился покрепче, но солнечный свет проникал

сквозь веки, пели птицы, дул еле заметный тёплый ветерок, колелась какая-то травка — и он проснулся окончательно.

Он лежал у корней дуба рядом с велосипедом. Был полдень, если судить по взобравшемуся на самую верхушку неба солнцу.

— Я что, сознание потерял? — пробормотал мальчишка и услышал голос молодого мужчины, прозвучавший откуда-то из-за спины:

— Это теперь так называют дневной передрых на свежем воздухе — потерять сознание?

Олег вскочил, как ужаленный — и обернулся. И открыл рот.

Дуба не было. Очевидно, когда-то очень давно в него попала молния, и теперь остался только обгорелый остов — в полроста Олега. А за этим чёрным пнём сидел на поваленной лесине, одной ладонью поглаживая тычущуюся в плечо морду Тумана, невыносимо знакомый молодой мужчина в форме лесника — такая была и у Князя, но он её не надевал. Мужчина улыбался.

— Между прочим, тебя мать ищет, — сказал он.

— Она что, приехала? — ошалело моргая, спросил Олег. — Зачем?

— Интересно — зачем, — покачал головой Олег. — Отпуск кончился, вот они с отцом и приехали. И ты, кстати, знал, что приезжают — всё равно в лес усвистал! Всё злишься, что в поход тебя не взяли?... Ладно, поеду я, братишка. А в поход мы с тобой в июле сходим, так и быть. Потерпи. Давай домой!

Он легко поднялся, вскочил без стремян в седло и порысил в лес. На скаку обернулся и крикнул:

— К Князю потом загляни! Я там буду, поговорим как раз!

Олег затряс головой. Он ничего не понимал! Только вдруг сообразил, на кого похож молодой мужчина.

На отца. На маму. И на него — Олега. Потому что... это был его брат.

Олег посмотрел вокруг диким взглядом. И сказал:

— Получилось. Ма-моч-ки-и.

...Ни разу в жизни он так не ездил по лесу. Ковбойка выбилась из джинсов, спина взмокла, ветер свистел в ушах, мелькали деревья, пролетела голубой стрелой речка — Вязля — песок разлетался в стороны. Велосипед вылетел на отличную асфальтированную дорогу, запели шины — и...

И Олег — мокрый, с колотящимся сердцем — остановился на окраине Марфинки.

Под белёной аркой с броской надписью:

АКЦИОНЕРНО-КООПЕРАТИВНОЕ  
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОБЩЕСТВО  
«СВЕТОЧ МАРФИНКИ»  
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Вдоль асфальтированной дороги тянулись утопающие в зелени коттеджи под аккуратными крышами. Доносился откуда-то шум техники, в отдалении среди построек на залитых бетоном дворах мелькали люди, там что-то лязгало и парило. А дальше — дальше был виден школьный сад. В котором стоит школа. И в этой школе учится он, Олег Семёнов. И учился всю свою жизнь. Это так же верно, как то, что он жил в этой деревне все свои тринадцать лет, иногда уезжая только на лето.

В прошлом году, например, он с отцом и мамой ездил в Германию.

С отцом — главным инженером мясоперерабатывающего комбината «Марфушино подворье». И с мамой — учителем английского в школе.

А вон их дом — отсюда видно. И машину во дворе видно — одиннадцатую модель «жигулей». Одну. А зачем их две, если всё под рукой? А в дальние места веселей ездить всем вместе...

— Я сплю, — громко сказал Олег. — Или я раньше спал? Или что? Или где?

И засмеялся немного идиотским смехом — благо, вокруг не было никого, только скрипел неподалёку немой Роман на своей телеге, которую он упрямо предпочитал предложенной в прошлом году правлением и собранием акционеров «оке».

И ещё — ехала на велике — сюда, к нему — какая-то девчонка.

Валентина?! Да нет, Валентина никогда бы не одела ярко-фиолетовый топик, шорты из драных джинсов, фенечку на левое запястье и бело-чёрные кроссовки на суперподошве толщиной в ладонь ребром. И не было у неё здоровенного, хромированно-пластикового английского «рэли» с двенадцатью скоростями...

И всё-таки это была она. Валентина Кривошапова, дочь Валентины Кривошаповой, председателя правления АКСО «Светоч Марфинки», внучка Веры Борисовны Кривошаповой... Валентина, Валюшка, из-за которой... в общем, которая... Короче, их обоих в поход взять отказались, а один Олег не захотел идти, ну и... ясно.

— Придурок, — ласково приветствовала Валентина лучшего друга, останавливаясь колено в колено. В волосах у неё посвёркивала заколка, — у тебя что, террористы стропила надпилили и крыша рухнула?! Тебя родаки с утрянки ищут, а ты тут видами родной фазенды любишься!

— Валюшк, — Олег протянул руку, — а что это за заколка?

— Эта? — Валентина повертела головой. — Нравится? Медвежуть, конечно... Это я откопала в маминых запасах. Ей какой-то мальчишка подарил при динозаврах, а какой — темнит... Ой, а я сегодня сон такой видела, хотела с утра рассказать, а тебя не было... Интересный-интересный, как «Титаник»! — она засмеялась, знала, что Олег ненавидит этот фильм. — Как будто я — моя мама, прикинь! И ты там был — только нос не поднимай, нечего! Мы с тобой... — она сбилась и огорчённо помотала головой: — Вот, забыла. А всё из-за тебя! Только что помнила-а... и так круто было! Какие-то приключения, бандиты, а в конце, — она лукаво посмотрела на Олега, — ты хотел меня поцеловать, но я куда-то прыгнула, и ты не поцеловал. Облом, да?

— Подожди, — сказал Олег и, нагнувшись вперёд, всё-таки поцеловал её.

Потом они неспеша поехали по дороге. Олег — навстречу нагоняю, Валюшка — за компанию с Олегом, оба вместе — всё дальше и дальше в тёплый, бесконечный летний день...

## Примечания

1. Об этих приключениях рассказано в книге «Завещание рыцаря».
2. Верховный бог у германцев и скандинавов. Бог войны и мудрости, изображался одноглазым, с копьём и двумя волками — священными животными — а так же двумя воронами.
3. Князь Киевской Руси с 1019 по 1057 год. Развернул каменное строительство, завязал прочные связи со всеми государствами Западной Европы, уничтожил кочевников-печенегов, заботился о просвещении.
4. Медицинский документ, дающий полное освобождение от военной службы.
5. Батальон, созданный гитлеровцами из предателей украинского народа. Летом 1941 года разгромлен советскими войсками.
6. Вице-адмирал Фридрих Вильгельм Канарис возглавлял военную разведку гитлеровской Германии (абвер).
7. Так в 20-х-40-х г.г. XX века называли презрительно СССР те, кто был противником большевиков и их режима (далеко не всегда такие плохие люди, как этот мой «герой»!)